

ISSN 2500-2872

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2021, №4

Japanese Studies in Russia

**日
本
研
究**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
www.ifes-ras.ru

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»
www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: ИДВ РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 68910 от 7 марта 2017 г., выдано Роскомнадзором.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Отрасли науки:

07.00.00 Исторические науки и археология

08.00.00 Экономические науки

23.00.00 Политология

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Иванов О.П., д.полит.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Крупянко М.И., д.полит.н.; Лузянин С.Г., д.и.н.; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симония Н.А., академик РАН; Симотомай Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Стрельцов Д.В., д.и.н. (гл. редактор)

Редакция: Горчакова Т.Е., к.э.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Кириченко М.А.; Нелидов В.В., к.и.н.; Скворцова Е.М.; Суркова Т.И. (зав. редакцией); Шпорт Ю.А.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

**Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
(IFES RAS)**

www.ifes-ras.ru

**Non-profit organization
«Association of Japanologists»**
www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Media registration number (in the Russian Federation):

ЭЛ № ФС 77 – 68910, issued on 7 March 2017 by Roskomnadzor.

Included in Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Branch of science
(in the Russian
Federation):

07.00.00 History and
Archaeology

08.00.00 Economics

23.00.00 Political
Science

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Ivanov Oleg P., DSc (Political Science); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Luzianin Sergei G., DSc (History); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yuri S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Simoniya Nodari A., DSc (History), Academician of the RAS; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishchik Elena E., DSc (History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Streltsov Dmitry V., DSc (History) (*Editor-in-chief*)

Editors Office: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Kirichenko Mariya A.; Nelidov Vladimir V., PhD (History); Shport Yulia A.; Skvortsova Elizaveta M.; Surkova Tatiana I. (*Head of Editors Office*)

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2500-2872

© Team of authors

© IFES RAS

© Association of Japanologists

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2021, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Пужаев В.В., Романовская В.Б. Гюстав Буассонад де Фонтараби и идея естественного права в Японии в эпоху Мэйдзи	6
Дегтев И.А. Япония в оценках советского руководства и дипломатов 1940–1945 гг. (по материалам Архива внешней политики Российской Федерации).....	34
Корнеев К.А. Япония и страны-члены ШОС: новые контуры энергетического сотрудничества	48
Белов А.В. Предварительные итоги «тихой» олимпиады в Токио	62
Zhilina L.V. Defeating isolation in the pandemic and post pandemic new dispensation: The case study of Russia and Japan in higher education.....	79
Лукин А.Л., Губин А.В. Стратегический треугольник России, Китая и Японии: история, современность и возможное будущее.....	94
Пак Б.Б. Корейский вопрос на Портсмутской мирной конференции	113
<i>Книжная полка</i>	
Лебедева И.П. Центральная Азия – особое направление внешней политики Японии. Рецензия на книгу О.А. Добринской «Стратегия Японии в Центральной Азии: политическое, экономическое и культурное измерение».....	134
Библиографический перечень публикаций в журнале «Японские исследования» за 2021 год	141

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2021, № 4

CONTENTS

Puzhaev V.V., Romanovskaya V.B. Gustave Boissonade de Fontarabie and the idea of natural law in Japan in the Meiji era.....	6
Degtev I.A. Japan in the evaluations of the Soviet leadership and diplomats in 1940–1945 (Based on the materials of the Foreign Policy Archive of the Russian Federation).	34
Korneev K.A. Japan and the SCO member states: New shapes of energy cooperation.	48
Belov A.V. «Quiet» Olympics in Tokyo and its preliminary results.....	62
Zhilina L.V. Defeating isolation in the pandemic and post pandemic new dispensation: The case study of Russia and Japan in higher education.....	79
Lukin A.L., Gubin A.V. The strategic triangle of Russia, China and Japan: History, present, and possible future	94
Pak B.B. The Korean issue at the Portsmouth Peace Conference.....	113

Book Review

Lebedeva I.P. Central Asia as a special direction of Japan's foreign policy. Review of the book by O.A. Dobrinskaya " <i>Japan's Strategy in Central Asia: Political, Economic, and Cultural Dimensions</i> ".	134
The bibliographic list of publications in "Japanese Studies in Russia" for 2021.....	141

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-6-33

Гюстав Буассонад де Фонтараби и идея естественного права в Японии в эпоху Мэйдзи

В.В. Пужаев, В.Б. Романовская

Аннотация. Распространение в Японии рационалистических концепций естественного права было связано с происходившим в эпоху Мэйдзи инокультурным влиянием. После падения феодального режима сёгуната Токугава (1603–1868) Япония взяла курс на масштабную модернизацию национальных правовых институтов и общественно-политической системы в соответствии с образцами передовых государств Запада. Вестернизация империи затронула практически все сферы общественной жизни японцев. Одним из направлений рецепции западных идей и ценностей стало восприятие японскими интеллектуалами и просветителями иностранных учений о естественном праве. В статье авторами исследуется вопрос о том, каким образом европейская философия юснатурализма появилась в Японии, и в силу каких причин «чуждая» идея естественного права смогла утвердиться в политико-правовом пространстве Страны восходящего солнца. С этой целью авторами рассматриваются особенности правовой традиции домэйдзийской Японии, отличающие её от западной правовой традиции, анализируются первые случаи знакомства японцев с новоевропейской естественно-правовой философией. В статье уточняется, что введение теории естественного права в японский «юридический оборот» произошло в процессе рецепции французского права, а также благодаря преподавательской деятельности французских юристов, нанятых на службу Министерством юстиции (*Сихо:сё:*) для обучения японских студентов. Отмечается, что ключевую роль в распространении естественно-правовых идей на японском архипелаге сыграл выдающийся французский компаративист, профессор Парижского юридического факультета Гюстав Буассонад де Фонтараби (1825–1910). В 1873 г. Буассонад прибыл на Дальний Восток по приглашению правительства Мэйдзи для оказания консультативной помощи в вопросах модернизации правовой системы Японии, а также для обеспечения системы подготовки юридических кадров для новых учреждений юстиции. Впервые в российской науке даётся характеристика естественно-правовых воззрений Гюстава Буассонада де Фонтараби и осуществляется общая оценка влияния его философии права на японскую правовую доктрину и правоприменительную практику.

Ключевые слова: правовая система Японии, реставрация Мэйдзи, французское право, Гюстав Буассонад, естественное право, сравнительное правоведение, рецепция права, кодификация.

Авторы:

Пужаев Владимир Владимирович, старший преподаватель кафедры трудового и экологического права, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (адрес: 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23). ORCID: 0000-0001-6818-8116; E-mail: puzhaev_vl@mail.ru

Романовская Вера Борисовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (адрес: 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23). ORCID: 0000-0002-7938-5171; E-mail: vera_borisovna@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00034 «Правовые воззрения Гюстава Буассонада де Фонтараби и рецепция французского права в Японии».

Для цитирования: Пужаев В.В., Романовская В.Б. Гюстав Буассонад де Фонтараби и идея естественного права в Японии в эпоху Мэйдзи // Японские исследования. 2021. № 4. С. 6–33. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-6-33

Gustave Boissonade de Fontarabie and the idea of natural law in Japan in the Meiji era

V.V. Puzhaev, V.B. Romanovskaya

Abstract. The spread of rationalist concepts of natural law in Japan was associated with the influence of the Western civilization, which intensified considerably with the beginning of the Meiji period. After the fall of the Tokugawa shogunate's feudal regime (1603–1868), Japan opted for a large-scale modernization of national legal institutions and the social and political system based on the model of progressive Western states. Westernization affected practically all spheres of social life of the Japanese. One of the directions of reception of Western ideas was the adoption (internalization / perception) of foreign doctrines of natural law by Japanese intellectuals. In this article, the authors examine how the European philosophy of natural law was introduced into Japan and why a “foreign” idea of natural law was able to establish itself in the legal environment of this Far Eastern country. The authors analyze the peculiarities of the legal tradition of pre-Meiji Japan which distinguish it from the Western legal tradition, determine the first cases of Japanese acquaintance with the New European philosophy of natural law. The article specifies that the introduction of the natural law theory into the Japanese “legal circulation” took place in the process of reception of the French law as well as thanks to the teaching activities of the French lawyers hired by the Ministry of Justice to teach Japanese students. It is noted that a prominent French comparativist, professor at the University of Paris, Gustave Boissonade de Fontarabie, played a major role in promoting the ideas of natural law in the Japanese archipelago. In 1873, Boissonade came to the Far East at the invitation of the Meiji government to provide advice on modernizing Japan's legal system and to help train legal personnel for the new institutions of justice. The article provides a detailed description of Gustave Boissonade's views on natural law and an overall evaluation of his legal philosophy.

Keywords: Japanese legal system, Meiji restoration, French law, Gustave Boissonade, natural law, comparative law, reception of law, codification.

Authors:

Puzhaev Vladimir V., Senior Lecturer at Department of Labor and Environmental Law, National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University (address: 23, Gagarina pr., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6818-8116; E-mail: puzhaev_vl@mail.ru

Romanovskaya Vera B., Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University (address: 23, Gagarina pr., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-7938-5171; E-mail: vera_borisovna@mail.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00034 «Legal views of Gustave Boissonade de Fontarabie and the reception of French law in Japan».

For citation: Puzhaev V.V., Romanovskaya V.B. (2021). Gyustav Buassonad de Fontarabi i ideya estestvennogo prava v Yaponii v epokhu Meydzi [Gustave Boissonade de Fontarabie and the idea of natural law in Japan in the Meiji era]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 4, 6–33. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-6-33

Введение

Падение феодального режима сёгуната Токугава в ходе революции Мэйдзи положило начало кардинальному пересмотру основ японской дипломатии. После долгих лет изоляции от внешнего мира Япония открыла свои двери иностранному культурному (*in sensu lato*) влиянию. Подписание в период *бакумацу* невыгодных для Японии Ансэйских договоров не только обнажило проблему военной и экономической отсталости японского государства, но и стало серьёзным ударом по национальному самосознанию жителей островов. Желая сохранить политическую независимость страны и обеспечить её полноправное участие в международных делах, новое правительство Японии спешно приступило к созданию и развитию на территории государства новых правовых и политических институтов, заимствованию у Запада передовых технологий организации промышленности и форм экономического хозяйствования. Быстрая модернизация правовой системы сопровождалась категорическим отказом от разного рода идеологических и религиозных стеснений, унаследованных от феодального прошлого. В практику государственного управления прочно вошли прогрессивные формулы «*буммэй кайка*» («цивилизация и просвещение») и «*вакон-ёсай*» («японский дух – западные знания»), в сконцентрированном виде отразившие основные направления намеченных политических и социально-культурных преобразований. Вся дальнейшая судьба империи Мэйдзи оказалась связанной с восприятием и усвоением на самобытной исторической почве интеллектуальных образцов и систем мышления, рождённых в совершенно иной культурной среде. Одним из направлений рецепции западных идей и ценностей стало восприятие японскими интеллектуалами и просветителями иностранных учений о естественном праве. Будучи привнесённой в Японию извне, «западная» идея естественного права сыграла важную роль в модернизации всей правовой системы Страны восходящего солнца.

Знакомство японцев с новоевропейской философией естественного права

Господствовавшая концепция права, общая для феодальной островной Японии и континентального Китая, «противоречила представлению о “естественном праве” как о модели человеческого поведения, вытекающей из гипотетического и до-государственного состояния природы, из которого человечество должно было обязательно выйти, чтобы подпасть под верховное правление позитивного права» [Хауленд 2020, с. 107]. Право

домэйдзийской Японии было основано на системе традиционных ценностей, в целом характерной для народов Дальнего Востока. Центральное место в регулировании общественной жизни отводилось моральным нормам, вследствие чего у японцев твёрдо распространилось убеждение, что право необходимо лишь как инструмент наказания, репрессии за нарушение моральных правил, а потому оно сводится исключительно к уголовному праву. По этой причине история японского права отмечена весомым богатством и обилием уголовных законов, в то время как гражданское законодательство страны до рецепции западного права оставалось в значительной мере неразвитым (в сравнении со странами Запада). Гражданские законы древней и средневековой Японии ограничивались главным образом постановлениями в области семейного и наследственного права и отдельными положениями в сфере имущественного оборота. Однако существовавший долгое время запрет на продажу и завещание земельных участков, а также множественные ограничения, связанные с развитием торговых отношений, не способствовали широкому развитию гражданско-правового регулирования.

Начиная с V века Япония испытала на себе сильное влияние Китая в области идеологии, литературы, искусства и религии. На протяжении нескольких веков довольно щедро заимствовались элементы и институты китайского права и китайской правовой культуры. Сложившаяся в этот период система японских законов *«рицурё»* имела значительное сходство с законами империи Тан. Сближению правовых систем континентального Китая и островной Японии способствовало проникновение на архипелаг китайской письменности и распространение философии конфуцианства. В конфуцианской этике основной упор был сделан на так называемые статусные отношения, а не на права личности – понятие, которое (в современном истолковании) было неизвестно традиционным системам дальневосточного права. В сознании японцев закрепилось глубокое убеждение, что государственное управление надлежит основывать на добродетели, которая подразумевалась единственно почитаемой мерой для различения правильного и неправильного. Мораль, как сила противодействия «злу», служила мерилом преступности и наказуемости деяний. Серьёзность совершаемых японцами противоправных поступков «определялась тем, насколько была нарушена конфуцианская мораль, зафиксированная в законе» [Еремин 2010, с. 76]. В данной системе координат праву отводилась роль второстепенной категории этики [Minear 1973, p. 151]. Идея долга, а не права, была стержневым компонентом конфуцианского идеала. Как справедливо отметила Е.Л. Скворцова, японская цивилизация, равно как и китайская, «обращалась к человеку на конфуцианском языке долга-ответственности, сыновней почтительности и ритуала, а не свободы и права» [Скворцова 2017, с. 49]. Буржуазное общество Запада существовало на ином фундаменте: оно было «немыслимо без личной инициативы, в основе которой лежала свобода выбора, обеспечиваемая личной независимостью индивидов» [Бугаева 1978, с. 9]. Сегодня доподлинно известно, что в домэйдзийской Японии не существовало идеи права в том виде, в котором она процветала на Западе в XIX столетии.

Во времена правления сёгунов из династии Токугава знания японцев о нравах и обычаях народов Запада были весьма посредственны. Общественное мнение в целом характеризовалось отрицательным отношением ко всему иностранному, и государство сурово наказывало тех, кто осмеливался нарушить запрет на контакты с чужеземцами. Но даже в условиях тотальной изоляции от внешнего мира, некоторые японские интеллектуалы

могли получать общие сведения об особенностях западной культуры. Скучная информация о жизни европейцев попадала в Японию через морской порт Нагасаки, где в качестве исключения из общего правила велась торговля с китайскими и голландскими купцами (на острове Дэдзима (Дэсима) близ Нагасаки разместилась голландская торговая фактория). Налаживанию торговых контактов с немногочисленными иностранцами способствовала деятельность гильдии потомственных переводчиков с голландского языка, которые в этом смысле стали первыми «знатоками» западной цивилизации. Поначалу они могли довольствоваться только устным общением и не имели возможности приобретать в собственность тексты на голландском языке. Ещё в 1641 г., в рамках противодействия католической экспансии, сёгунат установил строгий запрет на ввоз в Японию европейских книг, кроме некоторых сочинений в области медицины и навигации. Этот запрет сохранялся вплоть до правления восьмого сёгуна Ёсимунэ, с чьего высочайшего соизволения (1720 г.) в Японию разрешили ввоз любых книг, если те были составлены на голландском языке [Кин 1972, с. 17–18; Хауленд 2020, с. 40]. На протяжении нескольких десятков лет до вторжения «чёрных кораблей» commodора Перри постепенно формировалась когорта японских исследователей «голландской учёности». Практический интерес заставлял их обращаться к изучению западных трудов по медицине, математике, естествознанию, географии, артиллерийскому и военному делу. В этом постоянно растущем фонде западных сочинений трудам в сфере юриспруденции и философии права места практически не находилось.

Первые серьёзные контакты японцев с западным правом состоялись уже в последние годы существования сёгуната Токугава и были связаны с усилением иностранного давления на Японию со стороны западных держав. По этой причине в 1862 г. сёгунатом было принято решение о направлении за границу группы японских студентов для изучения основ западной науки (военно-морских технологий, общественных наук и медицины). Изначально *бакуфу* рассматривало в качестве лучшего варианта для заимствования западных знаний и технологий Соединенные Штаты, однако разразившаяся в Америке гражданская война (1861–1865) помешала реализации данных намерений токугавского правительства. Учитывая имевшиеся торговые связи с Голландией, *бакуфу* довольно быстро достигло необходимых договоренностей о строительстве военных кораблей для Японии на голландских верфях и отправку студентов на обучение в голландские университеты. В 1863 г. в Европу для изучения права отправились два преподавателя Института по изучению западных изданий (*Бансё сирабэсё*) – Ниси Аманэ (1829–1897) и Цуда Мамити (1829–1903) (впоследствии оба стали известными японскими просветителями). Вместе с голландским врачом Й. Помпе ван Меердервуртом (1829–1908) молодые японские интеллектуалы отправились в далекую и незнакомую Европу. Обучение прибывших студентов проходило в Лейденском университете под руководством голландского профессора политэкономии Симона Виссеринга (1818–1888). В Лейденском университете Ниси и Цуда изучали учебные курсы по естественному праву, международному праву, государственному праву, политической экономии и статистике.

В 1865 г. Ниси возвратился в Японию и принял активное участие в политической жизни империи Мэйдзи. Обучение в европейском университете не только привило Ниси любовь к западной философии, но и утвердило его в осознании необходимости более тесных контактов Японии с западным миром. По возвращении на родину Ниси стремился распространять западную философию среди японцев, желая таким образом сгладить

интеллектуальный разрыв между Востоком и Западом. В основном просветительские усилия Ниси были связаны с его личными предпочтениями и выразились в популяризации философии контовского позитивизма, эмпиризма, а также утилитаристских воззрений Джона Стюарта Милля. Благодаря осуществленным переводам западных сочинений, Ниси быстро приобрел славу «отца западной философии» в Японии. Ниси также считается одним из первых японских учёных, попытавшихся примирить конфуцианскую мысль с западной философией и политической теорией. Помимо перевода на японский язык курса международного права Генри Уитона (1785–1848) (в английском оригинале – «Элементы международного права», 1836 г.), Ниси составил на родном языке краткое изложение лекций своего голландского учителя Виссеринга, куда были включены, в том числе, разделы о естественном праве.

В 1871 г. в Японии была опубликована одна из первых книг о естественном праве, получившая при переводе название «*Сэйхо: ряку*» («Общее представление о естественном праве»). Издание сопровождалось предисловием Ниси Аманэ, однако по содержанию являлось скорее вводным курсом в изучение юридических наук, чем философским объяснением теории естественного права [Нода 1981, с. 232]. Автором книги выступил Канда Кохэй (Такахира) (1830–1898), который в качестве основы для изложения своей теории естественных прав личности использовал рукописи Ниси под названием «*Сэйхо: кокэцу*» [Хауленд 2020, с. 147, 285]. Перечисленные сочинения получили широкое распространение в Японии, став для всех интересующихся своего рода ознакомительными пособиями, без знания которых нельзя было приступать к изучению западного права. В своих сочинениях Ниси также уделит место рассуждениям о соотношении понятий «*хо:*» (право) и «*хо:рицу*» (закон), объясняя, что «*хо:*» является всего-навсего идеалом, в то время как «*хо:рицу*» обозначает конкретную систему правил, используемых для регулирования общественных отношений. Можно сказать, что Ниси фактически осуществил в Японии «первую попытку различения понятий позитивного и естественного права» [Rodríguez 2012, р. 235] в том виде, в каком это различие обычно постулируется на Западе.

В процессе подготовки вышеназванных рукописей Ниси и Канда (как и многие другие переводчики, например, Мицукури Ринсё) столкнулись со значительными трудностями при подборе японских эквивалентов для точного перевода западных юридических понятий и выражений. Сложность создания юридического и политического глоссария была предопределена фундаментальным расхождением в мировоззренческих горизонтах: «... культуры Запада и Японии не просто говорили на разных языках. В основании их менталитета лежали диаметрально противоположные духовные смыслы, выраженные в наиболее абстрактных, так называемых “предельных” понятиях их лингвокультур. Если в основании западного мировоззренческого комплекса мыслится Бытие», то в основании дальневосточного комплекса располагается «Небытие, трактовка которого напрямую невозможна, но которое можно суггестировать в разного рода практиках...» [Скворцова 2017, с. 38].

Особенности лингвокультур Японии и западных стран усложняли процесс формирования юридического и политического языка, который бы соответствовал нуждам и потребностям «обновляющейся» империи. «Для абстрактных понятий, вроде бы интуитивно ясных каждому европейцу или американцу, таких как “свобода”, “суверенитет”, “право” или “общество” ни в китайской цивилизации, к которой принадлежала Япония, ни в самой

японской культуре аналогов попросту не существовало» [Скворцова 2017, с. 43–44]. Названные обстоятельства вынудили японских переводчиков потратить много времени и сил на то, чтобы определить, как на Западе интерпретируются те или иные юридические понятия и выражения. С окончанием политики *сакоку* (самоизоляции страны) они довольно быстро осознали, что европейцы говорят на разных юридических языках, так что даже фундаментальные категории «право», «закон», «субъективные права» и «юридические обязанности» могли иметь различные обозначения в континентальном праве и в английском праве. Самоотверженная и новаторская работа японских переводчиков по созданию юридического глоссария в виде иероглифических записей напоминала нелёгкий труд архитекторов, которые, прежде чем построить новое здание, вынуждены всегда заботиться о поиске или изготовлении необходимого для возведения объекта строительного материала.

Гюстав Буассонад де Фонтараби и рецепция идеи естественного права в Японии

Естественно-правовая мысль смогла закрепиться в Японии благодаря рецепции французского права и деятельности французских преподавателей, самоотверженный труд которых нередко осуществлялся с рвением настоящих миссионеров. С 1870-х гг. в Токио наблюдалось соперничество между двумя юридическими школами, в которых преподавали две разные системы права – английское (юридическое отделение Токийского университета) и французское (юридическая школа при Министерстве юстиции). Учителя английского права не испытывали особого почтения к континентальным теориям естественного права. Известный английский юрист, советник правительства Японии и профессор Токийского Императорского университета, Генри Тэрри (1847–1936) в своём сочинении «Первые принципы права» даже заявлял, что «естественное право является разновидностью псевдоправа, которая привлекла к себе большое внимание юристов стран континентальной Европы, и была при этом источником немалой путаницы и неясностей в праве, равно как была она источником диких и глупых рассуждений и, к сожалению, столь же диких действий в политике этих стран» [Терри 1914, р. 134].

Иная ситуация наблюдалась по отношению к французскому праву, которое, начиная с эпохи революционных событий XVIII века, считалось подлинным воплощением духа естественного права. Идеям французских мыслителей эпохи Просвещения в Японии был оказан довольно радушный приём. Интерес японской публики к французской политической мысли был мотивирован не только общим стремлением японцев к новым академическим знаниям Запада. Важным катализатором широкого распространения либеральных идей на территории Страны восходящего солнца стала деятельность Движения за свободу и народные права (*Дзю: минкэн ундо*), созданного в 1874 г. Ключевые фигуры данного общественно-политического движения, такие как Накаэ Тёмин (1847–1901), Ои Кэнтаро (1843–1922) и Уэки Эмори (1857–1892), находились под сильным влиянием французской политической мысли [Guinta, р. 31–32]. Популярны в Европе трактаты Жан-Жака Руссо (1712–1778) и Шарля Луи де Монтескьё (1689–1755), попав в руки молодых японских интеллектуалов, вскоре были переведены на японский язык, причём идеи Руссо привлекли к себе бóльшее внимание местной аудитории. Именно поэтому для части либеральной общественности Японии европейская философия естественного права сводилась

преимущественно к идеям Руссо, изложенным в его знаменитом сочинении «Об общественном договоре или Принципы политического права» (1762 г.).

Как мы отметили в начале этого параграфа, основной путь распространения в Японии философии юснатурализма был связан с деятельностью французских преподавателей права, нанятых на службу японским правительством. Без сомнения, среди всех французских преподавателей наибольший вклад в дело распространения в Японии естественно-правовых идей внёс профессор Парижского юридического факультета Гюстав Буассонад де Фонтараби (1825–1910)¹. В 1873 г. он отправился на Дальний Восток по приглашению правительства Мэйдзи в качестве юридического советника и преподавателя французского права. Буассонад был одним из многочисленных иностранных специалистов (*оятои гайкокудзин*), которые во второй половине XIX века содействовали осуществлению модернизации японского государства и общества.

Приглашение Буассонада в Японию стало тем случайным событием, которое коренным образом изменило ход не только его академической карьеры, но и всей жизни. В 1873 г. чрезвычайный посланник Японии в Париже Самэджима Хисанобу² обратился с просьбой к своему знакомому ориенталисту Жюлю (Юлиусу) Молю (1800–1876) из Академии надписей и изящной словесности, чтобы тот посоветовал профессора, который мог бы прочитать курс лекций по французскому уголовному и конституционному праву группе молодых японских студентов, прибывших для обучения в Париж. Не имея в ближайшем окружении подходящих кандидатур, господин Моль переадресовал просьбу японского дипломата профессору Парижского юридического факультета Шарлю Жиро, который и предложил кандидатуру Буассонада [De La Mazelière 1911, p. 127]. Талантливый лектор произвёл неизгладимое впечатление на своих новых слушателей³, так что вскоре Буассонаду

¹ На фр. – Gustave Boissonade de Fontarabie; на яп. – ボアソナード, ギュスタヴ. При рождении был наречён именем Гюстав-Эмиль и до тридцати лет носил фамилию своей матери – Бутри, поскольку являлся внебрачным сыном французского учёного-эллиниста, выдающегося знатока греческой литературы, выходца из аристократической семьи Жана-Франсуа Буассонада де Фонтараби (1774–1857) и представительницы незнатного сословия – Марии-Розы-Анжелики Бутри. После запоздалого бракосочетания родителей в 1856 г. Гюстав был узаконен своим родным отцом, получив его фамилию и став таким образом Гюставом-Эмилем Буассонадом де Фонтараби.

Фотографии с изображением Гюстава Буассонада см.: 1) <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?search=Gustave+Boissonade&title=Special:MediaSearch&go=Go> (дата обращения: 21.05.2021); 2) Сайт Университета Мэйдзи. <https://www.meiji.ac.jp/cip/english/news/2018/enjsp30000009mh5.html> (дата обращения 21.05.2021); 3) Le bras de la justice français // Zoom. Japon. 2015. № 55. P. 10. [Электронный ресурс]. <https://zoomjapon.info/2015/11/archives-pdf/numero-55-novembre-2015/> (дата обращения 21.05.2021).

² В некоторых публикациях на европейских языках имя японского дипломата указывается как Самэсима Наонобу [Okubo 1981, p. 33].

³ В состав японской делегации, которая посещала парижские лекции Буассонада, входили Кисира Канэеси (Канэясу) (1837–1883), Кавадзи Тосиёси (1834–1879), Иноуэ Коваси (1844–1895), Цурута Акира (1836–1888), Цурута Хироси (1835–1888), Намура Тайдзо (1840–1907) и Имамура Кадзуро (1846–1891). По возвращении на родину они смогли занять важные государственные посты в высших правительственных и судебных учреждениях своей страны. В частности, Кисира стал первым президентом Верховного суда Японии. Кавадзи служил в столичной полиции Токио в должности генерального суперинтенданта. Цурута Акира занял пост генерального прокурора при Верховном суде, а также, будучи профессором права в Токийском университете, занимался преподавательской деятельностью. Особенных высот в построении успешной политической карьеры достиг Иноуэ Коваси, который стал одним из наиболее влиятельных чиновников эпохи Мэйдзи. В разные годы Иноуэ тесно сотрудничал с такими крупными политическими фигурами новой Японии, как Ито Хиробуми (1841–1909) и Ивакура Томоми (1825–1883). Он также являлся членом японского Сената (*Гэнро:ин*), участвовал вместе с немецким юридическим советником Германом Рёслером (1834–1894) в

поступило официальное предложение посетить Японию с тем, чтобы транслировать знания о западном праве непосредственно на территории архипелага. Положительный ответ был получен не сразу. Решение отправиться на Дальний Восток в чужую малознакомую страну, совершенно не зная японского языка, было непростым шагом для уже немолодого профессора (возраст Буассонада приближался к отметке в пятьдесят лет). Переезд в Японию означал не только временное отлучение от французской академической жизни, но и неизбежное разобщение с семьей, равно как и оставление устроенного парижского быта. Принимая в расчёт перечисленные трудности, Буассонад после обстоятельных переговоров с японским дипломатом всё-таки согласился.

К принятию предложения японских властей Буассонада, вероятнее всего, подтолкнули некоторые личные обстоятельства. Во-первых, к ним можно отнести трудности дальнейшего развития профессиональной карьеры во Франции. После ожидаемого поступления на службу на Факультет права в Париже в 1868 г., Буассонад формально так и не получил профессорской кафедры, и на протяжении пяти последующих лет он был вынужден довольствоваться позицией временно замещающего преподавателя по двум учебным курсам: уголовного права (вместо пожилого Жозефа Ортолана) и политической экономии (вместо избранного депутатом в Национальное собрание Ансельма Батби). Во-вторых, понимание Буассонадом перспектив применения своих компаративистских навыков в Японии, а также внутреннее желание способствовать распространению влияния французского права за пределами Европы могли стать дополнительным аргументом в пользу переезда. Немаловажным видится и вопрос финансового обеспечения. С этой точки зрения решение отправиться на Дальний Восток также оказалось оправданным. По итогам переговоров с японской стороной была согласована сумма годового дохода, значительно превосходившая размер довольствия, на которое Буассонад мог бы надеяться, оставшись для продолжения профессорской карьеры во Франции⁴.

Первый рабочий контракт Буассонада был рассчитан всего на три года, однако впоследствии он неоднократно продлевался по инициативе японской стороны, которая была удовлетворена результатами юридической работы французского профессора. В общей сложности Буассонад провёл в Японии более двадцати лет (1873–1895), что является одним из самых продолжительных периодов работы среди всех иностранных юридических советников, посетивших японский архипелаг в эпоху Мэйдзи. За всё это время Буассонад лишь однажды на полгода возвращался во Францию (в 1889 г.).

По многим показателям Буассонад являлся типичным иностранным специалистом, принятым на службу по линии японского Министерства юстиции для оказания консультационных услуг в вопросах проведения в Стране восходящего солнца правовых реформ. Вместе с тем поведение Буассонада часто выделяло его среди западных коллег.

составлении проекта конституции Мэйдзи, а чуть позже вошёл в рабочую группу по подготовке императорского рескрипта 1890 г. «о народном воспитании». В связи с этим представляется важным отметить, что ещё в период пребывания Коваси во Франции между ним и Буассонадом сложились добрые дружеские отношения. В то время, когда Буассонад находился в Японии и был всецело погружён в работу по составлению проектов отраслевых кодексов империи, именно Коваси стал тем необходимым «посредником», который доводил частные мнения Буассонада по правовым вопросам (*икэнсё*) до высокопоставленных членов правительства Мэйдзи.

⁴ Кроме того, значительная денежная сумма из полагавшейся оплаты была выдана единовременным платежом, так как на этом настаивал сам Буассонад во время переговоров.

В отличие от многих иностранцев, которые, оказавшись на архипелаге, быстро погружались в роскошную жизнь высокооплачиваемых *оятои гайкокудзин*, Буассонад воздерживался от разного рода излишеств и вёл довольно скромный образ жизни, уделяя большую часть своего повседневного времени юридической и преподавательской работе. Его мало волновали светские беседы и праздное общение с другими иностранцами, которые в те годы в избытке присутствовали среди жителей японской столицы. Будучи сосредоточенным на основной цели своего визита, Буассонад даже отклонил дружественное приглашение японских чиновников посетить светскую вечеринку в *Рокумэйкан* (павильон в западном стиле, один из символов политики вестернизации, открытый в Токио в 1873 г. для обеспечения социального общения между японцами и «людьми Запада») [Ikeda 1996, p. 2–3].

Практически сразу после прибытия в японскую столицу, Буассонад приступил к преподавательской работе в юридической школе *Мэйхо:рё*.⁵ организованной в 1872 г. при японском Министерстве юстиции. Его первая публичная лекция в правовой школе была посвящена проблеме естественного права. Наблюдая некоторую растерянность своих новых слушателей, Буассонад поспешил обозначить предмет читаемой вводной лекции: «Но вы спросите, какому праву нас будут учить, ведь старое право Японии исчезнет, а новое право ещё не обнародовано? Будьте уверены, имеется право, которое существует вне текстов, предшествует текстам; право, которое является кодексом самого законодателя – это естественное право» [Voissonade 1874, p. 512]. Позитивные законы, опубликованные для всеобщего сведения в каждой отдельно взятой стране, должны быть наиболее ясной, наиболее точной и наименее спорной формулой, переводящей язык естественного права на язык практического осуществления общечеловеческих ценностей. Естественное право, согласно Буассонаду, – это общие фундаментальные и универсальные принципы права, которые могут быть транслированы от народов, достигших значительных успехов в позитивном описании состояний естественного разума, к народам, которые далеки от завершения этого процесса. Признание за естественным правом универсального характера позволяло рассматривать его в качестве основы для набиравшей обороты рецепции западного права и использовать при формировании национальных правовых институтов новой Японии. Естественное право было призвано устранить разительную пропасть между японской юридической традицией и западным правом.

Уже на первой лекции, прочитанной в Японии, Буассонад подтвердил свою приверженность методологии компаративизма. Считая французское право одним из лучших выражений идеи естественного права (из существовавших на тот момент вариантов), Буассонад позволял себе не только хвалебные отзывы о праве родной страны, но и критические замечания с указанием тех законодательств Запада, которые дали лучшие решения в сравнении с французским правом. Впоследствии Окубо Ясуо справедливо напишет, что курс естественного права, преподаваемый Буассонадом в юридической школе *Мэйхо:рё*, в действительности был курсом французского права, с той лишь разницей, что он преподносился слушателям с учетом опыта и познаний Буассонада в области сравнительного законодательства [Okubo 1981, p. 37].

⁵ До 1875 г. правовая школа была известна под двумя различными названиями, и они оба использовались в официальных документах: *Мэйхо:рё* и *Сихо:сё: хо:гакко*. В мае 1875 г. правительство отказалось от использования первого названия.

Поскольку Буассонад совершенно не владел японским языком⁶, лекция о естественном праве и все последующие лекции, с которыми он выступал перед японской аудиторией, читались на французском языке, что предполагало постоянное присутствие на занятиях переводчика. Исторические источники свидетельствуют, что в ходе своих выступлений Буассонад часто интересовался, правильно ли переводчиком доведена его мысль до слушателей (на этот счёт общение Буассонада с переводчиками происходило и во время его подготовки к чтению лекций, чтобы исключить возможное недопонимание). Подобная щепетильность Буассонада имела под собой достаточные основания. Японские переводчики были довольно молоды и знали французский язык весьма несовершенно. Кроме того, как справедливо отметил другой французский *оятои гайкокудзин* Жорж-Виктор Аппер (1850–1934), «мы можем перевести только то, что правильно понимаем». Но в те годы в японском языке ещё не была выработана подходящая понятийная система, которая с лёгкостью позволила бы на нём выразить западную юридическую терминологию. Большинство юридико-технических терминов отсутствовало в японском языке, а соответствующие идеи и принципы западного права были чужды народам Дальнего Востока [Appert 1896, p. 522].

Спустя несколько лет после первого выступления Буассонада в школе *Мэйхо:рё:* его лекции были изданы на японском языке в виде учебника по теории естественного права. Известно о нескольких опубликованных версиях от разных составителей. Первым считается издание 1878 г., подготовленное одним из учеников Буассонада – Иноуэ Мисао (1848–1905). В 1882 г. им же было опубликовано второе издание лекций с некоторыми изменениями по сравнению с первоначальной редакцией. Обе публикации осуществлялись под эгидой Министерства юстиции Японии. В этих изданиях для перевода термина «естественное право» японским эквивалентом послужило слово *сэйхо:* (*seihō*). Используя подобный перевод, Иноуэ Мисао хотел провести различия между «природой» в физическом смысле (обозначаемой словом *сидзэн*) и метафизической природой (*сэй*). Третий вариант лекций Буассонада был подготовлен Сэкигути Ютака и отличался тем, что для перевода термина «естественное право» переводчиком было использовано словосочетание *сидзэн хо:*, где слово *сидзэн*⁷ было прямым переводом французского слова *naturel* (естественное). Ещё одна версия лекций была представлена видным японским юристом Исобэ Сиро (1851–1923) и опубликована при содействии Университета Мэйдзи (без указания года издания) [Ikeda 1996, p. 97].

Во время лекций Буассонад обращал внимание японских студентов на практическую значимость проблемы естественного права. С одной стороны, естественное право может обеспечить правовую основу решений судов в условиях недостаточности и неопределённости национального законодательства и местных обычаев, так что такая практика позволит судам избегать нарушений, связанных с отказом в правосудии по

⁶ Примечателен тот факт, что за годы, проведённые в Стране восходящего солнца (1873–1895), Буассонад так и не выучил японский язык и, судя по свидетельствам современников, не прилагал в этом направлении надлежащих усилий.

⁷ Слово *сидзэн*, по всей видимости, не следует считать неологизмом, «изобретением» японских переводчиков XIX века. Идея естественного порядка, обозначаемого как *shizen*, до реставрации Мэйдзи уже была предметом философских обобщений в работах отдельных мыслителей эпохи Эдо. Примером может послужить творчество Андо Сёэки (1703–1762) – оригинального японского натурфилософа XVIII века, радикального критика феодализма. Однако использование слова *сидзэн* в те времена ограничивалось сферой натурфилософии, но не права.

поступившим на рассмотрение спорам. С другой стороны, естественное право выступает опорой Японии в вопросах восстановления её международного положения и полноправной автономии в отношениях с западными державами. По мнению Буассонада, требования японцев о пересмотре неравноправных Ансэйских договоров не могли быть обоснованы нормами международного позитивного права. Только в силу требований справедливости и разумности (как основополагающих начал международного естественного права) Япония имела возможность ставить данный вопрос перед сообществом цивилизованных наций. Буассонад также подчёркивал, что понятие *сидзэн хо*: ещё не изучалось в Японии доктринально, научно, хотя оно уже было известно в определенных кругах в качестве необходимой основы всего письменного законодательства.

Основу концепции Буассонада о естественном праве составили правовые воззрения античных мыслителей, включая Платона, Аристотеля, стоиков, а также некоторые идеи средневековой схоластической философии (Фома Аквинский), естественно-правовых и гуманистических учений Нового времени (Жак-Бенинь Боссюэ (1627–1704), Шарль Луи де Монтескьё (1689–1755), Жан-Этьен Мари Порталис (1746–1807) и др.). В частности, Буассонад нередко ссылаясь на выражение известного христианского оратора Боссюэ о том, что «право – это не что иное, как сам разум, признаваемый согласием всех».

Ещё большее влияние на правовую мысль Буассонада оказали учения римских юристов, в особенности Цицерона (*Marcus Tullius Cicero*, 106–43 до нашей эры) и Ульпиана (*Domitius Ulpianus*, 170–228). Буассонад полагал, что лучшее определение права принадлежит Ульпиану и заключено оно в известном изречении римского гения «*Jus est ars boni et aequi*» (в пер. с лат. – «Право есть искусство добра и справедливости»). Опираясь на наследие римской юриспруденции, Буассонад приходил к выводу, что всё естественное право может быть заключено в одной общей формуле: «не причиняй никому вреда». Излишняя краткость правила не должна вводить в заблуждение, поскольку в этих четырёх словах скрывается множество «социальных обязанностей», как то: уважать чужую собственность, поскольку она является результатом труда определённых лиц или труда их родителей; уважать свободу труда; уважать честь и чувства других лиц; возвращать каждому своё; возмещать ущерб здоровью, имуществу, репутации, причинённый злонамеренно либо по неосторожности [Boissonade 1874, p. 523].

Естественное право, согласно воззрениям Буассонада, образует фундамент всего права: оно вдохновляет и вызывает к жизни как частное, так и публичное право. Гражданское и торговое законодательство не могут иметь иной справедливой, рациональной и прочной основы, чем право естественное. В публичном праве естественно-правовые начала отчётливо присутствуют в уголовном и административном праве.

В вопросе соотношения естественного и позитивного права Буассонад придерживался взглядов, характерных для многих представителей классического юснатурализма. Ссылаясь на фрагменты Дигест, изречения Боссюэ, Монтескьё, а также Конфуция, Буассонад пытался привить японским студентам понимание приоритета естественного права по отношению к изданным законам государства. Сообщаемый смысл был предельно прост: позитивное право должно представлять собой эманацию естественного права; законы государства должны быть не чем иным, как переводом на человеческий язык высших требований разума и справедливости. Буассонад признавал, что в реальной жизни имеется немало примеров существования несовершенных, а иногда и недопустимых законов, которые не

соответствуют обозначенным выше естественным требованиям. Однако Буассонад предостерегал от возможного скатывания общества к власти беззакония по причине отсутствия достойных законов. Буассонад обращался к юристам, полагая, что их высшая обязанность перед обществом заключается в том, чтобы корректировать и подновлять корпус позитивного права в соответствии с идеалами права естественного. Задача же судей заключается в том, чтобы применять законы в соответствии с их духом, избегая нерациональных и несправедливых решений, то есть судить, не ограничиваясь исключительно «буквой» закона.

В контексте исследования естественно-правовых взглядов Буассонада необходимо обратиться к его общефилософским рассуждениям о природе человека (о том, какие начала преобладают в человеке в силу его природного естества). В период пребывания Буассонада на Дальнем Востоке он ответил на множество вопросов, которые адресовались ему представителями японской политической элиты. Лидеры Мэйдзи хотели получить комментарии Буассонада не только по вопросам, непосредственно затрагивающим изменение правового уклада жизни японского общества, но и по некоторым общефилософским и мировоззренческим проблемам. В 1892 г. один из таких ответов Буассонада был опубликован в *Revue française du Japon*. Прежде всего, Буассонад отметил, что вопрос о естественной добродетели человека возник в китайской философии, но впоследствии он часто становился предметом обсуждения в японской литературе. Предшествующая история мысли не смогла дать однозначный ответ на поставленный вопрос и ограничилась выработкой трёх взаимоисключающих позиций: 1) человек от природы добр, а плохие люди являются исключением из общего правила; 2) человек от природы является злым, и добрые люди, будучи редким исключением, составляют меньшинство населения; 3) по природе человек не является ни плохим, ни хорошим, а становится тем или иным в зависимости от образования, примеров для подражания или социальной среды, в которой он воспитывался. Буассонад полагал, что ни одно из указанных решений не претендует на то, чтобы быть универсальным, способным отвечать за всё человечество и человека в целом, поскольку все люди разные. Собственные воззрения Буассонада отличались абсолютной верой в естественную добродетель человека, что позволяет именовать философию Буассонада философией гуманизма. В частности, Буассонад писал, что «человек, взятый в общем [абстрактно], по природе добр, и, несмотря на жизненные испытания, чаще всего человек остается добрым [хорошим], чем становится плохим» [Boissonade 1892, p. 73].

Буассонад разделял идею о детерминизме человеческого поведения, поскольку он верил в исправляющую и корректирующую силу окружения, признавая особую заслугу в формировании личностных качеств каждого отдельно взятого индивида той социальной среды, в которой оттачивались грани его характера. Будучи в почтенном возрасте и имея значительный жизненный опыт, Буассонад указывал, что даже плохой (по природе) человек, когда он находится в благоприятных условиях жизни, нередко приближается в основных чертах своего характера к хорошему (доброму) человеку.

Как сторонник идеи гуманизма, Буассонад был убежден, что прогресс человеческой цивилизации не исчерпывается только вопросами распространения идеалов абсолютной справедливости, но требует распространения добра в отношениях между людьми [De La Mazelière 1911, p. 129]. «У человека, – писал Буассонад, – имеются два мощных естественных руководства, которые могут направлять его к хорошему и отвлечь от зла: его

разум и его сердце. Эти два руководства соединены в религии, в вере в Бога, в Высшие силы, которые единственно обладают секретом примирения абсолютной справедливости с добротой» [Boissonade 1892, p. 72]. Жизненная позиция Буассонада находила явное подтверждение в его благородных поступках. Буассонад неоднократно направлял денежные пожертвования в пользу бедных и тех, кто лишился своего имущества в результате стихийных бедствий. Сохранились некоторые сведения об одном из таких эпизодов, основанные на воспоминаниях горничной, работавшей в доме Буассонада в период его пребывания в Японии. Когда в 1888 г. в префектуре Фукусима произошло крупнейшее в новейшей истории Японии извержение вулкана Бандай, Буассонад отказался от части своего жалования, чтобы оказать посильную помощь пострадавшим. Также он осудил поведение людей, которые, желая удовлетворить свое праздное любопытство, совершали поездки в пострадавшие районы, чтобы своими глазами увидеть масштабы природной катастрофы [Ikeda 1996, p. 24–25]. Гуманизм воззрений Буассонада проявился также в его консультациях, оказанных правительственным учреждениям Мэйдзи. Буассонад был одним из немногих иностранцев, кто всерьёз заинтересовался правовым и политическим положением рабочих в Японии [Boissonade 1892, p. 309–320]. В качестве юридического советника Буассонад призывал правительство Мэйдзи принять необходимые меры для улучшения условий труда и жизни японских рабочих.

В 1892 г., на правах бывшего учителя, Буассонад направил напутственное письмо новым японским адвокатам – выпускникам Токийской франко-японской юридической школы (*Вафуцу хо:рицу гакко:*). В письме, которое составлено в дружеском тоне, умудрённый опытом профессор обозначил основные принципы осуществления адвокатской деятельности. Буассонад советовал молодым японским юристам соблюдать лояльность по отношению к «противнику» и строгую честность в отношениях с клиентом-доверителем; не гнаться исключительно за материальной выгодой и посвящать себя, по мере возможности, защите бедных и обездоленных, единственной платой которых могла быть только их искренняя благодарность. «Чтобы стать лучшим помощником правосудия, – говорил Буассонад, – адвокату требуется проявить три ключевых качества: хорошее знание юридической науки, отточенное в спорах красноречие, а также праведность» [Boissonade 1892, I (1), p. 29].

Важно отметить, что общефилософские взгляды Буассонада предопределили его активную позицию по вопросу реформирования уголовного права Японии, что отразилось в его упорных усилиях по гуманизации системы наказаний и подавлению варварской системы пыток, которые активно практиковались в японском уголовном процессе как до, так и после реставрации Мэйдзи. Применение пыток было связано со старой правовой традицией, согласно которой собственное признание обвиняемого считалось необходимым условием (лат. *sine qua non*) доказательства совершения преступления. Применение пыток как средства получения признательных показаний обвиняемых было ограничено ещё в 1874 г. За два года до этого были запрещены пытки при расследовании гражданских дел. Законом от 10 июня 1876 г. судьям было предоставлено право признавать виновными в совершении преступлений лиц в отсутствие их признания, то есть была отменена предпочтительность признания по отношению к иным доказательствам виновности подсудимого. Окончательно пытки были отменены официальным законом только в октябре 1879 г. [Еремин 2010, с. 187]. В этом была огромная заслуга гуманиста Буассонада. Став однажды свидетелем подобного

бесчеловечного обращения – использования к одному из подследственных лиц распространенной в Японии пытки «*исидак*»⁸, Буассонад заявил решительный протест и потребовал немедленно прекратить это ужасающее своей жестокостью действие. Однако увещания старого профессора не возымели успеха. Буквально на следующий день после увиденного Буассонад направил официальное письмо министру юстиции Оки Такато (1832–1899) с требованием полного запрета недостойных, варварских методов дознания. В своём донесении Буассонад указал на возможный отказ от дальнейшего сотрудничества с японскими властями, если его требования не будут удовлетворены, а пытки будут и далее сохраняться в системе средств уголовной репрессии.

Спустя месяц после первого эмоционального письма Буассонад направил новый меморандум, в котором он подробно и последовательно разъяснил причины, требовавшие безотлагательной отмены пыток на территории Японии. В частности, Буассонад перечислил четыре обстоятельства, делающие такое варварское средство доказывания совершенно неприемлемым. Во-первых, пытки являются формой унижающего обращения, а их применение зачастую сопряжено со смертельными страданиями для лиц, которые ещё не признаны виновными в совершении преступления. Во-вторых, применение пыток явно противоречит естественному праву и принципу абсолютной справедливости, поскольку оно является несовместимым с естественным правом обвиняемого на защиту. В-третьих, применение пыток противоречит требованиям чистого разума, потому что оно «отнимает» у собственного признания обвиняемого то, что составляет его естественную доказательную силу, а именно – свободу воли. В-четвертых, использование пыток в уголовном процессе наносит урон достоинству и интересам самой Японии и может навредить делу упрочения её международного и дипломатического статуса. Сохранение в системе средств уголовного доказывания такого варварского пережитка как пытки, является непреодолимым препятствием на пути к отмене экстерриториальных привилегий западных стран [Okubo 1981, p. 40], которые те приобрели по условиям Ансэйских договоров (*Ансэй дзё:яку*) и к отмене которых Япония стремилась всеми доступными средствами.

В области японского уголовного права Буассонад стремился к установлению системы умеренных наказаний и отказу от такого понятия наказания, которое было бы близко к идее мести, возмездия. Буассонад полагал, что основной целью уголовного права является социальная защита, и она достигается не путем устрашения преступников, но через систему средств воспитательного воздействия и ресоциализации. Стоит отметить, что не все идеи Буассонада получали поддержку и были реализованы на практике: его предложения об отмене смертной казни за политические преступления или о введении суда присяжных в уголовном процессе так и не были одобрены японским законодателем.

Буассонад выступал против гипотезы классического юснатурализма о так называемом естественном состоянии человека, то есть таком состоянии, когда человек жил изолированно, имея контакты, взаимодействия только в узком кругу своей семьи, да и то

⁸ *Исидак* («каменные объятья» или «каменная кладка») – вид пыток, при котором обвиняемого со связанными за спиной руками усаживали, согнув ему ноги в коленях, на остроконечные деревянные брусья, а затем укладывали сверху на ноги тяжелые каменные плиты, тем самым сдавливая ноги и причиняя лицу, в отношении которого проводилась пытка, нестерпимые страдания. Если подвергаемое пытке лицо выдерживало нагрузку установленной плиты и не сознавалось в содеянном злодеянии, поочередно добавлялись дополнительные плиты, тем самым утяжеляя общий вес всей конструкции.

лишь в тех вопросах, которые касались поддержания собственной жизнедеятельности. Такое состояние уподобляло человека большинству представителей животного мира, и Буассонад открыто заявлял, что оно не является естественным для человека, поскольку «человек, живущий один, является выдумкой, – это химерический, воображаемый одиночка, которого никто из нас не встречал» [Boissonade 1874, p. 516]. Развитие человеческого общества Буассонад связывал с социальной и коммуникативной природой человека, который имеет непреходящую потребность жить в обществе себе подобных. Именно социальная природа человека определила важнейшие аккорды всего хода исторической эволюции: «изначально разобщенные семьи объединялись и образовывали племена, из объединенных племён впоследствии формировались нации, и, наконец, затем сами нации, пересекая горы и преодолевая значительные морские пространства и преграды, сближались друг с другом, обменивались продуктами, взаимодействовали на почве промышленных и научных достижений, постепенно расширив сферу своего общения до заимствования опыта законодательного регулирования» [Boissonade 1874, p. 515]. Буассонад был последователен в отстаивании своих взглядов. Он верил, что только живущий в обществе человек нуждается в праве, то есть в правиле поведения, определяемом внешним императивом. Права и обязанности, отличные от морального или религиозного горизонтов должностования, возникают в сфере социального общения людей и не обходятся без механизмов внешнего принуждения.

Факт социального сосуществования и взаимодействия даёт индивидам глубоко внутреннее понимание основных прав и обязанностей, прав одних лиц по отношению к другим. Однако Буассонад полагал, что разум, который раскрывает нам эти права и обязанности, не одинаково проявлен у всех людей: требования сознания, которые являются собственно первой (внутренней) санкцией всякого человека, слишком часто могут быть спутаны и подавлены алчностью или же введены в заблуждение чувствами. В этом пункте отстаиваемого учения Буассонад, по всей видимости, сближается с философией некоторых величайших учителей естественного права, в особенности Т. Гоббса – одного из крупнейших представителей классической школы. Напомним, что в сочинении «Левиафан» Гоббс отметил практическую неспособность естественного права выступить средством непосредственного упорядочения отношений между индивидами, поскольку само содержание такого права каждым из них понимается по-своему. Путаница, связанная с неопределенностью естественного права, устраняется установлением чётких норм поведения в законах суверена: «... при различиях, имеющихсся между отдельными людьми, только приказание государства могут установить, что́ есть беспристрастие, справедливость и добродетель, и сделать все эти правила поведения обязательными, и только государство может установить наказание за их неисполнение...» [Гоббс 1991, с. 207].

Также Буассонад указывал, что по мере цивилизационного развития народов возникающие в обществах конфликты интересов становятся всё более многочисленными, наблюдается их усложнение. С развитием государства, разрастанием государственного аппарата и расширением государственных функций растёт число взаимодействий, а стало быть, и возможных противоречий между государством и индивидами. В практической плоскости, когда речь идёт о том, чтобы применить принципы естественного права к вполне конкретным жизненным ситуациям, возникшим на почве конфликта интересов, требуются чёткие правила, позволяющие судам проводить в жизнь требования справедливости. В

отсутствие единых юридических правил и точного текста, обнародованного властью, создается благоприятная ситуация для проявления судейского произвола [Boissonade 1874, p. 508]. Вместе с тем естественное право является абстрактной и метафизической теорией. «Специфика ценностной сущности естественного права состоит в том, что это право ни при каких условиях не может быть регулятором конкретных общественных отношений, поскольку не содержит в себе правовые нормы с их чёткими поведенческими предписаниями» [Працко 2020, с. 32]. С восхищением Буассонад принимал формулу графа де Мирабо (политический деятель времен Великой Французской революции), согласно которой право сравнивалось с молнией, сильным озарением, испускающим скорее блики, чем постоянный свет. Именно поэтому, согласно Буассонаду, законодатель имеет полное право на то, чтобы вмешиваться в регулирование поведения индивидов путём осуществления правотворческих прерогатив. От законодателя требуется посвятить себя поиску чистого разума и абсолютной справедливости, которые должны быть соединены с устремлениями и потребностями нации на основе учёта нравственных, социальных и экономических условий, в которых пребывает страна [Boissonade 1874, p. 512, 521]. Принимая в расчёт все перечисленные факторы, законодатель составляет и обнародует точные правила, регламентирующие права и обязанности граждан между собой и в их отношениях с государством. В отличие от внутренних убеждений, которые ограничиваются «санкцией индивидуального сознания», эти правила направлены на защиту интересов общества и граждан, и потому они обеспечиваются внешней принудительной санкцией, которая может быть проявлена по отношению к правонарушителю.

Буассонад допускал, что осуществляющий правотворчество законодатель может ошибаться, но он всегда имеет возможность исправить своё прежнее решение, проголосовав за принятие новой правовой нормы или акта. В этом аспекте цель новых законов видится Буассонаду в исправлении пробелов, недостатков и прочих упущений старых законов. Таким образом обеспечивается прогресс законодательства. В вопросах развития позитивного права огромную роль играет не только юридическая наука, которая может указать на имеющиеся недостатки законов. По мнению Буассонада, не меньшую силу в современных обществах приобретают общественное мнение и пресса: рано или поздно своим влиянием они могут добиться удовлетворения выдвигаемых пожеланий и исправления действующих законов в соответствии с требованиями разумности, справедливости и социальной полезности.

Буассонад был убежден, что естественное право должно стать руководящей идеей законодателя. Устанавливая запреты, осуществляя императивное регулирование, законодатель всегда должен стремиться к отражению в законе положений, которые были бы справедливыми, разумными и полезными для общества в целом. Задача по определению и закреплению в нормах позитивного права требований естественного разума является не только сложной в своём осуществлении, но и практически недостижимой. Буассонад отметил, что ни в одной стране мира данная работа никогда не была завершена, и нигде и никогда она не будет завершена в силу двух основных причин. Первую можно кратко обозначить формулой «нет предела совершенству», что означает недостижимость для человечества совершенно идеального порядка (в вопросах нравственного и интеллектуального порядка трудности определения идеала являются не менее ощутимыми, чем в мире материальных вещей). Вторая причина, по мнению Буассонада, обусловлена самим ходом исторического развития: народы мира постоянно меняются; в разные

хронологические периоды отдельные народы испытывают фазы роста и развития, иногда они подвергаются значительным испытаниям, которые могут угрожать самому их существованию, однако часто за падениями следуют подъёмы и новый рост. «Законы, – констатировал в связи с этим Буассонад, – следуют за данными изменениями... Поэтому неподвижность и отдых для законодателя невозможны: чаще всего, он должен лишь наблюдать за ходом идей, не подгоняя своими действиями прогресс; в других случаях он должен проявить мудрость и выступить с необходимой инициативой; законодатель всегда должен стремиться к исправлению нравов общества, когда они могут развратить нацию и угрожать ей гибелью» [Boissonade 1874, p. 514].

Требования справедливости, разумности и социальной полезности имеют между собой теснейшую связь, так что несоблюдение хотя бы одного из них устраняет всякую ценность изданного правотворческим органом акта. Несправедливый закон нельзя признать разумным и полезным для общества, равно как необоснованный или противоречащий интересам страны закон не вызовет необходимого одобрения у людей, которые, вероятнее всего, сочтут его несправедливым. Естественное право, понимаемое таким образом, становится единственно возможной базой для критики позитивного законодательства. Когда в начале 1890-х гг. в Японии разгорелся спор о возможности принятия проекта Гражданского кодекса⁹, Буассонад столкнулся с резкой критикой со стороны консервативных кругов японской политической элиты и некоторых японских юристов – противников французского влияния (Ходзуми Яцука, Ходзуми Нобусигэ и др.). Отвечая на обвинения в адрес подготовленного проекта, Буассонад отметил, что любая оценка закона допустима только с позиций его противоречия естественному праву, но никак не с позиции личных интересов или профессиональных предрасположенностей.

История развития правовой мысли показала, что одной из слабых сторон теорий естественного права была трудность отграничения такого права от морали. Вопрос оказался настолько деликатным, что со времен Античности и до Нового времени наблюдалось заметное разобщение в доктринах различных мыслителей. Своё видение вопроса представил и Буассонад. Он попытался дать точный критерий отграничения нравственного долженствования от долженствования правового. По его мнению, мораль является несомненно широкой областью жизненной перспективы, и как таковая она включает в себя естественное право. Но мораль шире естественного права, так как последнее, по словам Буассонада, ограничивается наставлениями справедливости, которые непосредственно связаны с сохранением социального состояния и его развитием, в то время как нравственные заповеди нацелены на удержание и развитие индивидуальной личности в рамках добра [A French... 1875, p. 124]. Таким образом, предписания, вызывающие и направляющие индивида к личностному совершенствованию, относятся к сфере морали. Если же предписывающее или запрещающее нравственное правило стремится к сохранению социального состояния, то оно приобретает правовой характер, является одновременно частью и права, и морали.

Идеи Буассонада о естественном праве получили широкий отклик у японской аудитории. Некоторые молодые юристы, посещавшие уроки Буассонада в министерской школе *Мэйхо:рё*: или Токийском Императорском университете, или же в частных

⁹ Основу проекта Гражданского кодекса составили положения «проекта Буассонада», за исключением разделов по семейному и наследственному праву, которые были подготовлены японскими правоведом Кумано Тосидзо: (1854–1899) и Исобэ Сиро: (1851–1923) с учётом национальных особенностей страны.

юридических школах (*Мэйдзи, Вафуцу*), восприняли французский гражданский кодекс не как продукт национального творчества французского парламента, но как воплощение собственно естественного права, как модель такого цивилизованного права, которое может стать хорошим приобретением для японской юриспруденции¹⁰.

Многим японцам идея естественного права пришлась по душе в силу нравственных и этических ориентиров, поскольку она напоминала им характерную для конфуцианства концепцию «небесного пути». Для членов высшей политической элиты, сплотившейся вокруг императора Мэйдзи, определяющее значение могло иметь соответствие западной доктрины естественного права положениям императорской клятвы от 6 апреля 1868 г. (*гокадзё: госэймон*), известной в истории как клятва пяти пунктов. В пункте 4 императорской клятвы закреплялось, что отныне все управленческие действия в государстве будут осуществляться в согласии с принципами Неба и Земли, «что обычно понимается как справедливое управление в соответствии с законами» [Мещеряков 2018, с. 364], или иначе, «в соответствии с принципами, принятыми во всем мире» [Тояма 1959, с. 231], сообразно «законам природы» [Теймс 2009, с. 178].

Вместе с тем в Японии было немало противников признания идеи естественного права (*сидзэн хо:*) и естественных прав человека (*тэмпу-но дзинкэн*). Выступая с консервативных позиций, они отмечали, что все права японцев производны от высшей власти Императора и, как таковые, не могут существовать до издания им соответствующих указов о даровании тех или иных вольностей народу. Над властью микадо, – упорствовали они¹¹, – не может стоять никакой иной высшей власти, так что все попытки обоснования естественного права, проистекающего из какого-либо трансцендентального источника или авторитета, воспринимались ими как прямое выступление против политических прерогатив полновластного *Тэнно:*. В определенной степени консерватизм противников *jus naturale* был связан не только с их опасениями за будущее Японии (они считали, что обустройство Японии по канонам западного мира грозит стране уничтожением японской идентичности и неминуемо приведёт к потере политической самостоятельности государства), но и их собственными страхами потерять политическое влияние в сложившейся властной иерархии.

В 1893 г. в торжественной речи по случаю вручения дипломов выпускникам юридической школы *Вафуцу хо:рицу гакко:*, Буассонад в очередной раз выступил в защиту идеи естественного права и постарался дать разъяснения по вопросу соотношения естественного права и политических прерогатив японского императора. Он отметил, что когда «речь идёт о политических правах японцев, то следует признать верным утверждение о высшей власти *Тэнно:* даровать соответствующие вольности народу». Японцы «... имеют только те политические права, которые предоставлены им имперской конституцией (*Мэйдзи Кэмпо:*)» [Boissonade 1893, p. 384], – констатировал Буассонад. Иным образом дело обстоит в сфере частного права. Чтобы утвердить слушателей в высказанной позиции, Буассонад

¹⁰ Например, Кисимото Тацуо (1851–1912), Мияги Ко:дзо: (1852–1893), Ясиро Мисао (1852–1892), Иноуэ Мисао (1848–1905) и др.

¹¹ К противникам идеи естественного права можно отнести японских сторонников немецкой исторической школы права и школы английского права, в частности, известных юристов Ходзуми Нобусигэ (1855–1926) и Ходзуми Яцука (1860–1912). «Постулируя божественное происхождение императорского дома, братья Ходзуми фактически выводили его за рамки права: следуя традиционным концепциям “почитания императора”, видели в нём не “Сына Неба”, но “Само Небо”, то есть источник права, а не его объект» [Молодяков 2014, с. 156–157].

предварительно обратился к традиционному источнику японского права – местным обычаям. «Местные обычаи, – говорил Буассонад, – из которых выросло всё семейное и наследственное право, никоим образом, прямо либо косвенно, не являлись следствием реализации власти Императора; они появились не по его инициативе и не получали его санкции. Следовательно, необходимо признать, что данные обычаи были установлены под влиянием того, что ваши отцы сочли Справедливым, Разумным и Полезным для сохранения и процветания семей» [Boissonade 1893, p. 384]. И далее Буассонад подчеркнул, что справедливость, разумность и социальная полезность – это не что иное, как имманентные начала самого естественного права. При этом французский профессор считал, что справедливость и истина носят универсальный и неизменный характер, в то время как соображения полезности изменяются во времени и пространстве.

Идея естественного права всецело доминировала в мысли Буассонада, что не могло не отразиться на его практической работе в качестве юридического советника и преподавателя французского права. Ещё в 1875 г. Государственным советом (Дадзё:кан) был принят декрет № 103¹² об организационных моментах правосудия и источниках японского частного права. В статье 3 данного документа закреплялась возможность для японских судей, рассматривавших гражданские дела, в отсутствие подходящей для разрешения спора нормы закона, выносить решения, руководствуясь нормами обычного права, а при их отсутствии – разрешать дела на основе обращения к «дзё:ри»¹³ [Bölicke 1996, p. 7–18; Röhl 1996, p. 67–71]. По мнению некоторых компаративистов, термином «дзё:ри» японский законодатель, в сущности, обозначил те правовые явления, которые в европейском континентальном праве были известны под именем «естественное право» [Noda 1976, p. 222–223]. Иной точки зрения придерживается профессор сравнительного права Уве Кишель. Он полагает, что термин «дзё:ри» вряд ли может быть однозначно описан с использованием словосочетаний «природа вещей», «естественный разум» и аналогичных им, поскольку в этом термине сочетаются идеи о юридическом толковании, источниках права, публичном порядке, судебном заполнении пробелов в праве, – то есть те идеи, которые в западной правовой мысли отражаются в самостоятельных правовых категориях [Kischel 2019, p. 12].

В юридической литературе также высказана гипотеза, что идейным вдохновителем при составлении статьи 3 декрета № 103 мог быть Гюстав Буассонад [Sugiyama 1934, p. 447], который ко времени принятия документа не только обучал японских студентов в юридической школе при Министерстве юстиции, но также читал лекции по французскому праву для представителей политической элиты Мэйдзи. Кроме того, после успешных консультаций японской делегации на переговорах с Китаем по случаю Тайваньского

¹² В историко-правовой литературе также встречаются иные наименования вида данного акта: «указ Госсовета», «закон Дадзё:кана». Расхождения в терминологии связаны с тем обстоятельством, что в обозначенный период в Японии отсутствовала чёткая система разделения властей.

¹³ На японском языке – 条理. В публикациях на европейских языках встречаются различные транслитерации термина на латинице, как то: *jōri*; *jōri*; *jory*; *juori*. Перевод данного термина с японского языка также отличается у разных авторов. Помимо наиболее распространённого перевода в значении «разум», можно встретить интерпретации в значении «естественный разум», «природа вещей», «общие принципы права», «разумность и справедливость», «здравый смысл». Подробнее о происхождении и юридическом значении *dzё:ri* в японском праве эпохи Мэйдзи см. в исследованиях немецких ученых Т. Бёличке [Bölicke] и В. Рёля [Röhl].

инцидента 1874 г., Буассонад быстро завоевал уважение многих высокопоставленных чиновников имперского правительства (Окубо Тосимити (1830–1878) и др.).

С другой стороны, Исида Минори выразил сомнение, что статья 3 декрета Дадзё:кана, закрепившая положение об иерархии источников частного права, задумывалась её разработчиками как воплощение теории естественного права, согласно которой использование обычаев и разума позволило бы бороться с недостатками позитивного права. Исида утверждал, что японские законодатели руководствовались, прежде всего, прагматическими соображениями: необходимостью разгрузить судебную систему до проведения всеобъемлющей кодификации гражданского права. В отсутствие стройной системы законодательства и нехватки судебных специалистов правительство Мэйдзи активно продвигало идею арбитража. «Ожидалось, что судебные разбирательства на основе обычаев и разума будут способствовать примирению и вынесению судебных решений на основе арбитража» [Seong-Hak Kim 2014, p. 63].

В наиболее оформленном виде естественно-правовые взгляды Буассонада отразились в проектах кодексов Японской империи, подготовленных по поручению правительства Мэйдзи. Разработанный Буассонадом проект Гражданского кодекса стал подлинным воплощением исповедуемых им естественно-правовых принципов. Известно, что основой для составления положений Проекта послужил Кодекс Наполеона 1804 г., который в XIX веке считался лучшим примером кодификации, последовавшей за теорией естественного права. Вера Буассонада в существование естественных прав личности отчётливо проявилась в статьях Проекта, посвящённых наследованию. Приведём один весьма показательный пример. Так, ст. 250 кодекса Буассонада, вопреки установленному в Японии обычаю мужской примогенитуры, позволяла не только старшим сыновьям становиться главой семьи и наследовать имущество родителей. В обоснование своей позиции Буассонад писал, что «наследование имущества родителей является естественным правом ребенка. Однако, когда детей более одного, наследование становится сложной проблемой. Обычай, по которому старший сын наделяется абсолютным правом унаследовать собственность своих родителей, не соответствует естественному праву. Для родителей естественно любить всех своих детей одинаково» [Ikeda 1996, p. 235]. 5 мая 1887 г. Буассонад выступил с отдельной речью по вопросу о праве первородства, в которой он вновь указал на несоответствие правила примогенитуры идее естественного права. «Первородство не является рациональной [основанной на разуме] системой, оно не должно давать никаких преимуществ в вопросах наследования» [Ikeda 1996, p. 235], – заключил Буассонад. Однако предложенная Буассонадом система множественности наследников осталась лишь частью его собственного («неофициального») проекта. Официальный проект Гражданского кодекса¹⁴, представленный на итоговое рассмотрение японского парламента, сохранил правило мужской примогенитуры в качестве исходного начала японского семейного и наследственного права.

Проект Гражданского кодекса, основанный на Проекте Буассонада, по итогам горячих споров и дискуссий (известных в истории под названием «ссоры из-за кодекса») так и не был

¹⁴ Ввиду сильного влияния идей Буассонада этот официальный проект в научной литературе часто именуют «кодексом Буассонада» или «старым Гражданским кодексом». Таким образом, повторимся, что существовало два опубликованных Проекта: авторский проект Буассонада [Boissonade, 2 éd. 1882–1888] и основанный на нём официальный проект Гражданского кодекса, прошедший множество обсуждений и корректировок до того, как он был вынесен на голосование в парламенте.

одобрен японским законодателем. Тот факт, что составлением разделов (книг) Проекта «о лицах», «о семье» и «о наследовании» занимались японские юристы¹⁵, сохранившие в тексте традиционные японские институты, не смог предрешисть дальнейшую юридическую судьбу всего кодекса. Реакционная волна, которая поднялась в преддверии его принятия, объединила под своими знамёнами не только идейных противников или личных оппонентов Буассонада, но и всех тех, кто выступал против французского юридического влияния. Основу оппозиции составили сторонники английского права¹⁶, которое преподавалось в двух известных учебных заведениях: Императорском университете (*Тэйкоку дайгаку*)¹⁷ и частной школе английского права (*То:кё: хо:гакуин*)¹⁸. Против кодекса Буассонада выступили и адепты немецкой исторической школы права (*рэкиси хо:гаку*), которая постепенно увлекала в ряды сторонников всё новых японских юристов¹⁹. Сумев заручиться поддержкой императора Японии, противники кодекса Буассонада сделали невозможной промульгацию подготовленного на его основе официального проекта ни в аутентичной форме, ни в каком-либо скорректированном виде. Широкая общественность потребовала разработки нового гражданского кодекса с учётом национальных традиций страны и пожелала, чтобы выполнение этого важного мероприятия было поручено японским юристам.

Спор по поводу Гражданского кодекса Буассонада стал для консервативных кругов японской политической элиты отличным шансом не только сохранить в действии традиционную патриархальную систему домохозяйств – «*иэ*» (в переводе с яп. 家 – дом), но и укрепить эту систему раз и навсегда в качестве краеугольного камня единства всей нации.

¹⁵ Однако и Кумано Тосидзо: (1854–1899), и Исобэ Сиро: (1851–1923) имели профессиональную специализацию в сфере французского права.

¹⁶ С открытой критикой Гражданского кодекса «за слишком пристальное следование примерам французского права и игнорирование японских обычаев и традиций» выступили сторонники английского права Окамура Тэрухико (1850–1916), Мотода Хадзимэ (1858–1938), Ямада Киносукэ (Ёсиносукэ) (1859–1913). Некоторые юристы (Окамура Тэрухико или Эги Тю (1858–1925), который также известен под именем Эги Макото) даже позволяли себе переходить от критики кодекса к личным «нападкам» в адрес Буассонада, которого они пренебрежительно называли «посредственным учёным». В числе противников принятия «профранцузского» Гражданского кодекса следует также назвать Такахаси Кэндзо (1855–1898), Хидзиката Ясуси (Нэй) (1859–1939), Окуда Ёсито (1860–1917), Накахаси Токугоро (1861–1934) и др. [Ikeda 1996, p. 237–238, 240].

¹⁷ С 1877 г. учебное заведение носило название *То:кё: дайгаку*, то есть Токийский университет, однако в 1886 г. название было изменено на *Тэйкоку дайгаку* (Императорский университет), а уже в 1897 г. последовало очередное изменение на *То:кё: Тэйкоку дайгаку* (Токийский Императорский университет), что было обусловлено созданием второго в стране императорского университета, расположившегося в Киото, и, следовательно, желанием властей избежать путаницы в названиях государственных учебных заведений. В 1947 г. университету возвращено прежнее название Токийский университет.

¹⁸ Учебное заведение было основано в 1885 г. как частная школа английского права и носила название *Игирису хо:рицу гакко:*. В настоящее время, после череды организационных преобразований, имеет статус юридического факультета и является структурным подразделением частного *Университета Тю:о:* в Токио.

¹⁹ Наиболее известным противником принятия проекта Гражданского кодекса Буассонада стал профессор [Токийского] Императорского университета Ходзуми Яцука (1860–1912), который заявил, что принятие этого «антияпонского» закона грозит стране уничтожением традиций «сыновней почтительности». Яцука был одним из подписантов меморандума одиннадцати японских юристов против принятия кодекса Буассонада.

Обратить внимание на немецкое право предлагал японский юрист Томии Масааки (Масаакира) (1858–1935), получивший юридическое образование во Франции. Томии критиковал кодекс Буассонада как с юридико-технической точки зрения, так и с точки зрения устаревания его фактической основы – Французского Гражданского кодекса 1804 г. По его мнению, гражданское законодательство Германии было более современным и подходящим для Японии.

Эта задумка была реализована специально созданной комиссией²⁰ в рамках работы (1893–1898) над текстом нового проекта Гражданского кодекса. Новый Гражданский кодекс Японской империи, ставший сочетанием законодательных решений из различных кодексов мира (главным образом из Германского гражданского уложения) и положений традиционного японского права, был обнародован и вступил в силу в 1898 г.

Отказ в принятии проекта Гражданского кодекса стал для Буассонада горьким опытом и, по всей видимости, был воспринят им довольно болезненно. Решение имперского парламента подтолкнуло Буассонада к тому, чтобы завершить карьеру в Японии. Его последний рабочий контракт с правительством Мэйдзи истёк в декабре 1894 г. На этот раз японские чиновники не стали уговаривать постаревшего профессора остаться, и это обстоятельство лишний раз свидетельствует об изменении настроений в японском обществе за те годы, что Буассонад потратил на составление своего проекта Гражданского кодекса (1880–1889). За это время безусловное восхищение дарованиями Буассонада в качестве носителя французской правовой культуры постепенно было вытеснено скептицизмом японцев по вопросу о целесообразности широкого заимствования индивидуалистических принципов французского права, которые шли вразрез с традиционными обычаями Японии.

Однако не стоит забывать, что в отсутствие официальной кодификации гражданского права, судебные органы Японии не могли приостановить сам процесс отправления правосудия по гражданским делам, чтобы не быть обвиненными в отказе в правосудии. Не имея опоры в действующем законодательстве, японские судьи были вынуждены использовать для обоснования своих решений имеющиеся «под рукой» материалы: сначала прямые переводы наполеоновских кодексов²¹, осуществленные усилиями Мицукури Ринсё (1846–1897), затем тексты опубликованного проекта Буассонада. Позиция японских магистратов была довольно логичной, поскольку многие из них не могли и предположить, что впоследствии этот проект будет отклонен, а вектор рецепции западного права в Японии сменится с французского на немецкий. Широкая опора в выносимых решениях на положения наполеоновских кодификаций в ранние годы Мэйдзи привела к тому, что в 1882 г. Буассонад позволил себе заметить, что японская судебная практика в этот период выросла на положениях французского права, используя кодекс Наполеона в качестве факультативного источника права – своеобразного *ratio scripta* (писаного разума). Профессор Буассонад указывал: «Японские судьи по гражданским делам, лишённые источников своего старого права, в большинстве случаев не могут полагаться на фиксированные и определённые обычаи и вынуждены разрешать возникшие затруднения в соответствии с принципами естественного права, которые, по их мнению, сформулированы в иностранных кодексах, образующих своего рода общее право Запада» [Boissonade 1882, p. XXIV]. Благо, что обращение японских магистратов к разуму было законодательно освящено ещё в 1875 г. вышеупомянутым декретом Дадзё:кана № 103.

²⁰ Основными действующими лицами в комиссии были Ходзуми Нобусигэ (1855–1926), Умэ Кэндзио: (1860–1910) и Томии Масааки (Масаакира) (1858–1935), хотя её численный состав был значительно шире и включал некоторых чиновников от исполнительной власти, судей, членов парламента, иных юристов.

²¹ По этому поводу профессор Токийского Императорского университета Сугияма Наодзио (1878–1966) впоследствии писал, что «наполеоновские кодексы сыграли в Японии ту же роль, что и *Corpus iuris civilis* в старом французском праве, и таким образом японское право быстро покинуло семью китайского права [за исключением сфер семейного и наследственного права], чтобы стать членом семьи французского права» [Sugiyama 1934, p. 468].

Заключение

Правовая мысль Буассонада представляет собой настоящий манифест идеи естественного права, однако не в классическом юснатуралистском воспроизведении, а организуемый путём своеобразного синтеза положений рационализма, гуманизма и утилитаризма. В концепции Буассонада естественное право представляется в качестве абстрактной и метафизической теории, состояния недоступного совершенства, к постепенному «открытию» которого призывается законодатель. Присоединяясь к формулам классического юснатурализма, Буассонад рассматривал естественное право как необходимую основу всего позитивного права: в том случае, если законы государства не отражают требований естественной справедливости, они являют собой форму властного произвола.

Будучи наследником общей традиции французской школы экзегезы (*L'École de l'exégèse*), Буассонад заимствовал у неё рационалистический подход, являвший собой затейливую комбинацию христианской морали и технических методов анализа текстов наполеоновских кодексов. Однако доктрину Буассонада выгодно отличала историчность его мышления, почтительное отношение к интеллектуальному наследию римского частного права. Буассонад в полной мере разделял взгляды римского юриста Ульпиана, считая, что право является наукой или искусством добра и справедливости. Естественное право, в понимании Буассонада, – это своего рода заповеди справедливости, которые направлены на сохранение и развитие прогрессивного социального состояния.

Буассонад учил японских студентов, что естественное право состоит из общих, фундаментальных и универсальных принципов, поскольку человеческий разум сам по себе является универсальным. С помощью естественного права французский профессор предложил восполнить известную недостаточность старых обычаев Японии и произвести замену тех из них, что более не соответствовали новому социальному, политическому и экономическому положению в стране. Законопроектная деятельность Буассонада в наибольшей мере раскрыла его дарования как учёного-компаративиста. «В наброске плана японского законодательства Буассонад в определенной мере попытался выявить формы естественного права за рамками французской юридической системы» [Тошитани 1996, с. 54]. Ставя перед собой амбициозную задачу, связанную с созданием прогрессивных кодексов для Японии с привлечением лучших практик законодательного регулирования, Буассонад, тем не менее, всегда оставался «верным справедливости и разуму Франции» [Ikeda 1996, p. 265]²², поскольку он искренне считал французское право наилучшим позитивным выражением естественного права (из существовавших на тот момент законодательств).

Опубликованные лекции Буассонада, посвящённые введению в естественное право, считались одной из самых важных работ для японских студентов в эпоху Мэйдзи. Переведённые на японский язык, они долгое время использовались в качестве стандартного практического руководства в процессе обучения японских юристов. Естественнo-правовые взгляды Буассонада оказали серьёзное влияние на первые поколения японских судей, адвокатов и государственных чиновников. Для некоторых из них Буассонад стал настоящим учителем и наставником, к идеям которого они относились с нескрываемым почтением.

²² Из письма Гюстава Буассонада декану Парижского юридического факультета Эдмону Кольме де Сантерру (датировано декабрем 1893 г.).

Однако Буассонад не стал «учителем» для всех японских юристов. И дело не только в его открытой и часто независимой манере общения (непозволительной для многих других иностранцев), которая могла стать причиной появления недоброжелателей из числа японских юристов и политиков. Абсолютная вера Буассонада в универсальность естественного права не позволила ему реально оценить значение обычаев в повседневной жизни японцев, глубокую укоренённость традиционных норм и институтов в общественном сознании. В сущности, Буассонад представлял себе правовой прогресс как однолинейный процесс, одинаково протекающий у всех народов, что позволяло «прививать» правовой культуре одного народа рациональные законодательные решения, созданные в условиях иной (более прогрессивной) правовой культуры. Но политическая, экономическая и социальная обстановка в Японии в эпоху Мэйдзи оказалась намного сложнее. Непреодолимое желание создать право «новой» Японии по канонам западного мира, характерное для первых лет эпохи Мэйдзи, постепенно теряло своих безусловных сторонников. В 1880–1890-х гг. в Японии наблюдался рост влияния идеологии национализма. «Восхищение всем европейским постепенно сменялось отрицанием европеизации и пропагандой возвращения к национальным началам, что в дальнейшем создало благоприятную почву для развития японского национализма» [Чижевская 2018, с. 76] и привело в конечном итоге к оформлению японского тоталитаризма в 1920-е гг. [Мещеряков 2009].

Когда Буассонад только приступил к разработке проекта Гражданского кодекса, он находился на пике своей популярности, а о рецепции французского права по-прежнему рассуждали с воодушевлением. Но уже в 1880-х гг., с укреплением позиций национализма и появлением первых поколений японских юристов, получивших образование в области немецкого или английского права, общее «соотношение сил» изменилось. На смену французским концепциям естественного права пришли консервативные идеи немецкой исторической школы права, которая защищала тезис о национальных, исключительно самобытных началах правового развития каждого народа, что было несовместимо с «буассонадовской» идеей «универсального правового пути». Исходя из сказанного, можем согласиться с мнением профессора Мацукава Тадаки о том, что «ссора из-за Гражданского кодекса» в реальности была идеологическим и политическим конфликтом между либерализмом и национализмом, между индивидуализмом и антииндивидуализмом, свидетельством отказа Японии от идеалов школы естественного права [Matsukawa 1989]. В определённой степени этот конфликт стал отражением явного «фракционного соперничества», то есть противоборства между различными юридическими школами (французской, английской, немецкой), члены которых стремились отстоять свою профессиональную значимость и доказать свою необходимость для японского государства²³. В ходе этого противоборства сторонники школы французского права потерпели поражение, и это обстоятельство предредило скорое завершение миссии Буассонада в Японии.

²³ Несмотря на тот факт, что сторонники школы английского права весьма активно выступали против принятия «кодекса Буассонада», они не могли предложить собственную альтернативу, поскольку английское право было неcodифицированным. Однако вовсе без кодекса было не обойтись, так как одним из условий отмены Ансэйских договоров было принятие в Японии современных законов наподобие тех, что существовали в западных странах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бугаева Д.П. Японские публицисты конца XIX века. Москва: Наука. 1978. 164 с.
- Гоббс Т. Сочинения в 2-х тт. Т.2. Москва: Мысль. 1991. 735 с.
- Еремин В.Н. История правовой системы Японии / отв. ред. А.А. Кириченко. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2010. 293 с.
- Кин Д. Японцы открывают Европу 1720–1830. Москва: Наука. 1972. 207 с.
- Мещеряков А.Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. Москва: Наталис. 2009. 591 с.
- Мещеряков А.Н. Реформы периода Мэйдзи: человеческое измерение // Ежегодник Япония. 2018. Т. 47. С. 350–366. <https://doi.org/10.24411/0235-8182-2018-10017>
- Молодяков В.Э. Мэйдзи исин: японская консервативная революция // Вопросы национализма. 2014. № 2(18). С. 147–164.
- Нода Й. Сравнительное правоведение в Японии: прошлое и настоящее // Очерки сравнительного права: сборник / сост., пер. и вст. ст. В.А. Туманова. Москва: Прогресс. 1981. С. 229–255.
- Працко Г.С. Естественное право как ценностная природа позитивного права // Философия права. 2020. № 2(93). С. 29–34.
- Скворцова Е.Л. О парадоксе эпохи Мэйдзи (1868–1911): культурологические проблемы перевода западной терминологии на японский язык в условиях восстановления традиционного общества // Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 3: Культура и политика: проблемы взаимосвязи / отв. ред. Ю.В. Любимов; сост. С.В. Прожогина. Москва: ИВ РАН. 2017. С. 34–55.
- Теймс Р. Япония: история страны / пер. с англ. Е. Васильевой. Москва: Эксмо; Санкт-Петербург: Мидгард 2009. 416 с.
- Тошитани Н. Идентичность и универсальность японского права // Философские науки. 1996. № 1–4. С. 49–58.
- Тояма С. Мэйдзи исин (крушение феодализма в Японии) / пер. с яп. Москва: Изд-во иностранной литературы. 1959. 364 с.
- Хауленд Д. Перевод с западного: формирование политического языка и политической мысли в Японии XIX в. / пер. с англ. А.В. Матешук; науч. консультант Е.Л. Скворцова. Москва; Челябинск: Социум; Мысль. 2020. 378 с.
- Чижевская М.П. Эволюция роли европейцев в модернизации Японии // Япония: 150 лет революции Мэйдзи. Санкт-Петербург: Изд-во Art-xpress. 2018. С. 74–82.

REFERENCES

- Bugaeva, D.P. (1978). *Yaponskie publitsisty kontsa XIX veka* [Japanese Publicists of the Late 19th Century]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Chizhevskaya, M.P. (2018). *Evolutsiya roli evropeitsev v modernizatsii Yaponii* [Evolution of the Role of Europeans in the Modernization of Japan]. In *Yaponiya: 150 let revolyutsii Meidzi* [Japan: 150 Years of the Meiji Revolution] (pp. 74–82). Saint Petersburg, Izd-vo Art-xpress. (In Russian).

Eremin, V.N. (2010). *Istoriya pravovoi sistemy Yaponii* [History of the Japanese Legal System]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). (In Russian).

Hobbes, T. (1991). *Sochineniya v 2-kh tt. T.2.* [Works in 2 vols. T.2.]. Moscow: Mysl'. (In Russian).

Howland, D. (2020). *Perevod s zapadnogo: formirovanie politicheskogo yazyka i politicheskoi mysli v Yaponii XIX v.* [Translating the West: Language and Political Reason in Nineteenth-Century Japan]. Moscow: Chelyabinsk: Sotsium, Mysl'. (In Russian).

Kin, D. (1972). *Yapontsy otkryvayut Evropu 1720-1830* [The Japanese Discover Europe 1720-1830]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (2009). *Byt' yaponsem. Istoriya, poetika i stsenografiya yaponskogo totalitarizma* [To be Japanese. History, Poetics, and Scenography of Japanese Totalitarianism]. Moscow: Natalis. (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (2018). Reformy perioda Meidzi: chelovecheskoe izmerenie [Meiji Reforms: The Human Dimension]. *Yearbook Japan*, 47, 350–366. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/0235-8182-2018-10017>

Molodyakov, V.E. (2014). Meidzi isin: yaponskaya konservativnaya revolyutsiya [Meiji Ishin: Japanese Conservative Revolution]. *Voprosy natsionalizma*, 2 (18), 147–164. (In Russian).

Noda, Y. (1981). Sravnitel'noye pravovedenie v Yaponii: proshloye i nastoyashchee [Comparative Law in Japan: Past and Present]. In *Ocherki sravnitel'nogo prava: sbornik* [Essays on Comparative Law: A Collection]. Moscow: «Progress». (In Russian).

Pratsko, G.S. (2020). Estestvennoe pravo kak tsennostnaya priroda pozitivnogo prava [Natural Law as a Value Nature of Positive Law]. *Filosofiya prava*, 2 (93), 29–34. (In Russian).

Skvortsova, E.L. (2017). O paradokse epokhi Meidzi (1868-1911): kul'turologicheskie problemy perevoda zapadnoi terminologii na yaponskii yazyk v usloviyakh vosstanovleniya traditsionnogo obshchestva [On the Paradox of the Meiji Era (1868-1911): Cultural Problems of Translating Western Terminology Into Japanese in the Context of the Restoration of Traditional Society]. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN. Vypusk 3: Kul'tura i politika: problemy vzaimosvyazi* (pp. 34–55). Moscow: IV RAN. (In Russian).

Tames, R. (2009). *Yaponiya: istoriya strany* [Japan: History of the Country]. Moscow: Eksmo; Saint Petersburg: Midgard. (In Russian).

Toshitani, N. (1996). Identichnost' i universal'nost' yaponskogo prava [Identity and Universality of Japanese Law]. *Filosofskiye nauki*, 1–4, 49–58. (In Russian).

Toyama, S. (1959). *Meidzi isin (krusheniye feodalizma v Yaponii)* [Meiji Ishin (Collapse of Feudalism in Japan)]. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury. (In Russian).

* * *

A French school of Law in Japan (1875). *The Southern Law Review*, 1, 122–125.

Appert, G. (1896). De l'influence des lois françaises au Japon. *Journal du droit international privé et de la jurisprudence comparée*, 23, 515–538. (In French).

Boissonade, G. (1874). École de droit de Jédo. Leçon d'ouverture d'un cours de droit naturel. *Revue de législation de française et étrangère*, 4, 508–525. (In French).

Boissonade, G. (1882-1888). *Projet de Code civil pour l'Empire du Japon, accompagné d'un commentaire*. 2 éd. T. 1. Des droits réels; T. 2. Des droits personnels ou obligations; T. 3. Des moyens d'acquérir les biens. Tokyo, Paris. (In French).

Boissonade, G. (1892). Réponse à la question: «L'homme est-il naturellement bon ou mauvais?». *Revue française du Japon*, I (3), 65–73. (In French).

Boissonade, G. (1892). La question ouvrière au Japon (conférence). *Revue française du Japon*, I (10), 309–320. (In French).

Boissonade, G. (1892). Lettre de M. Boissonade aux nouveaux avocats sortis de l'École franco-japonaise de droit de Tokyo. *Revue française du Japon*, I (1), 28–29. (In French).

Boissonade, G. (1893). Discours de M. Boissonade, à l'occasion de la remise des diplômes de fin d'études à l'École de droit français et japonais le 21 octobre 1893. *Revue française du Japon*, II (23), 379–388. (In French).

Bölcke, T. (1996). Die Bedeutung des Begriffes *jōri* für die japanische Rechtsquellenlehre. *Zeitschrift für Japanisches Recht*, 1 (1), 7–20. (In German).

Guinta, L. La présence française et la diffusion du français au Japon au XIXème siècle. Retrieved May 23, 2021, from <https://core.ac.uk/download/pdf/160825968.pdf> (In French).

De La Mazelière, A. (1911). Gustave Boissonade. Sa vie, sa mission au Japon (1874-1894). *Bulletin de la Société Franco-Japonaise de Paris*, XXI, 127–134. (In French).

Ikeda, M.K. (1996). *French legal advisor in Meiji Japan (1873-1895): Gustave Emile Boissonade de Fontarabie*. Diss. Ann Arbor, UMI., Michigan.

Kischel, U. (2019). *Comparative Law*. Transl. by A. Hammel. Oxford: Oxford University Press.

Matsukawa, T. (1989). Le voyage de Monsieur Boissonade. In *La révolution de la justice. Des lois du roi au droit moderne* (pp. 255–266). Paris. (In French).

Minear, R. (1973). Nishi Amane and the Reception of Western Law in Japan. *Monumenta Nipponica*, 28 (2), 151–175.

Noda, Y. (1976). *Introduction to Japanese Law*. Transl. and ed. by A. Angelo. Tokyo: University of Tokyo Press.

Okubo, Y. (1981). Gustave Boissonade, père français du droit japonais moderne (1825-1910). *Revue historique de droit français et étranger. Quatrième série*, 59 (1), 29–54. (In French).

Rodríguez, F. (2012). Codificación y recepción jurídicas en Japón: la importación de la modernidad a partir del derecho. *Revista Mexicana de Historia del Derecho*, XXV, 231–253. (In Spanish).

Röhl, W. (1996). Rechtsgeschichtliches zu *jōri*. *Zeitschrift für Japanisches Recht*, 1 (1), 67–73. (In German).

Seong-Hak Kim, M. (2014). La coutume et la raison comme sources le droit dans la première moitié de l'ère Meiji. In B. Jaluzot (ed.), *Droit japonais, droit français. Quel dialogue?* (pp. 57–77). Zurich: Schulthess éditions romandes. (In French).

Sugiyama, N. (1934). La loi du 8 juin 1875 sur l'administration de la justice et les sources du droit privé. In *Recueil d'études sur les sources du droit en l'honneur de François Gény* (pp. 446–458). Paris: Recueil Sirey. (In French).

Terry, H. (1914). *The First Principles of Law*. 10th ed. Tokyo, Osaka, Kyoto, Fukuoka: Maruzen Company Ltd.

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-34-47

**Япония в оценках советского руководства
и дипломатов 1940–1945 гг.
(по материалам Архива внешней политики
Российской Федерации)**

И.А. Дегтев

Аннотация. В настоящей работе на основе материалов Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) рассматриваются оценки советского руководства и дипломатов в отношении Японии и её политики в период 1940–1945 гг. Исследование представляет собой анализ источников официального и личного характера, в частности, межгосударственных соглашений и дипломатической переписки СССР и Японии, дневников Чрезвычайного и полномочного посла СССР в Токио Я.А. Малика. В первой части статьи анализируются представления советского руководства о Японии в начале 1940-х гг. и утверждается, что оценка Японии в официальной риторике зависела от внешних обстоятельств и факторов: динамики изменения баланса сил в Европе и договоренностей между державами по Антигитлеровской коалиции. Если вначале Москва воспринимала Японию как дружественную страну на основании пакта о нейтралитете 1941 г., то с момента денонсации этого пакта в 1945 г., ввиду приближающейся победы над Германией, и последующим объявлением войны Японией, официальная позиция СССР кардинально меняется. Вследствие этих перемен вновь актуализируются некогда вытесненные негативные коннотации Страны восходящего солнца, что естественным образом отражается на содержании официальной переписки и советской печати. Во второй части работы представлен анализ записей дневников советского посла в Токио Малика, где обнаруживаются частные оценки японской политики того времени. Отмечается, что интерпретация событий сквозь призму марксистско-ленинской оптики во внешней политике определяла Японию в качестве империалиста и поработителя азиатских народов. Во внутренней же политике Малик был склонен к разделению японского населения по социально-экономическому признаку – «японцев» и «японский народ», имея в виду тех, кто эксплуатирует, и тех, кто находится в эксплуатации соответственно. В целом, дневниковые записи Малика позволяют проследить динамику изменения настроений в среде японской элиты в период войны – от излишней самоуверенности в собственных силах до всё более проявляющегося пораженческого духа. Таким образом, с привлечением новых исторических источников удаётся расширить представление о Японии 1940–1945 гг. среди советского руководства и дипломатов.

Ключевые слова: СССР, Япония, Дальний Восток, пакт о нейтралитете, советско-японские отношения.

Автор: Дегтев Иван Андреевич, студент 2 курса магистратуры, Институт истории СПбГУ (адрес: 193060, Санкт-Петербург, ул. Менделеевская линия, 5). E-mail: ivan.degtev@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Дегтев И.А. Япония в оценках советского руководства и дипломатов 1940–1945 гг. (по материалам Архива внешней политики Российской Федерации) // Японские исследования. 2021. № 4. С. 34–47. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-34-47

Japan in the evaluations of the Soviet leadership and diplomats in 1940–1945 (Based on the materials of the Foreign Policy Archive of the Russian Federation)

I.A. Degtev

Abstract. The article considers the evaluations of Japan and its policy in 1940–1945 by the Soviet leadership and diplomats on the basis of materials from the Foreign Policy Archive of the Russian Federation. The research analyses official and personal sources, in particular, Soviet-Japanese agreements and diplomatic correspondence, as well as the diaries of the Soviet ambassador in Tokyo Yakov Malik. The first part of the article considers the views of the Soviet leadership on Japan in the early 1940s and argues that the evaluation of Japan in the official rhetoric depended on external circumstances and factors: the dynamics of changes of the balance of power in Europe and coordination between the powers of the anti-Hitler coalition. While, in the beginning, Moscow saw Japan as a friendly country, based on the Soviet–Japanese Neutrality Pact, later, since the denunciation of this pact in 1945, in view of the coming victory over Germany and the declaration of war against Japan, the Soviet Union’s official position changed. As a result of these changes, we can see the return of negative connotations of Japan, which was reflected in the contents of the official correspondence and the Soviet press. The second part presents an analysis of the Soviet ambassador in Tokyo Yakov Malik’s diaries, which demonstrate private evaluations of Japanese policy. It is noted that the explanation of events through the prism of Marxist-Leninist optics in foreign policy defined Japan as an imperialist power and an enslaver of Asian peoples. In domestic politics, Malik tends to divide the population of Japan by socio-economic characteristics – the “Japanese” and the “Japanese people”, i.e., those who exploit and those who are exploited, respectively. In general, Malik’s diaries allow us to trace the dynamics of the changing mood among the Japanese elite during the war. So, with the involvement of new historical materials, it is possible to expand the understanding of Japan in 1940–1945 among the Soviet leadership and diplomats.

Keywords: USSR, Japan, Far East, the Neutrality Pact, Soviet-Japanese relations.

Author: Degtev Ivan A., student, Institute of History of Saint Petersburg State University (address: 5, Mendeleevskaya liniya Str., Saint Petersburg, 193060, Russian Federation). E-mail: ivan.degtev@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Degtev I.A. (2021). Yaponiya v otsenkakh sovetskogo rukovodstva i diplomatov 1940–1945 gg. (po materialam Arkhiva vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii) [Japan in the evaluations of the Soviet leadership and diplomats in 1940–1945 (Based on the materials of the Foreign Policy Archive of the Russian Federation)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2021, 4, 34–47. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-34-47

Введение

Исследование внутренней и внешней политики Японской империи в период Второй мировой войны представляет определенный интерес. Это актуально как в свете недавнего тренда, направленного на рассекречивание документов и публикацию российскими службами неизвестных архивных материалов¹, посвященных отдельным сюжетам советско-японской истории, так и в связи с попытками иначе взглянуть на отношения России и Японии. Данная работа ставит задачу на основе исторических документов переосмыслить оценки и взгляды советских дипломатов и политических деятелей в отношении Японии 1940–1945 гг.

Источниковую базу исследования составили дела Архива внешней политики Российской Федерации² (АВП РФ), фонда секретариата В.М. Молотова – документы официального и личного характера. В первой группе источников представлены межгосударственные соглашения, служебная переписка глав внешнеполитических ведомств и дипломатических сотрудников СССР и Японии. Так, в их числе – советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г. и заявление о его денонсации в 1945 г., переговоры (зафиксированы на письме) и телеграммы наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с главой МИД Японии Мацуока Ёсукэ и японскими послами в Москве – Татэкава Ёсицугу и Сато Наотакэ. Вторая группа источников состоит из дневников Чрезвычайного и полномочного посла СССР в Токио Я.А. Малика. Данный материал любопытен тем, что в нём сообщается о частных и неофициальных оценках японской политики того времени. Конечно, такого рода информация не особо актуализировалась в советской печати, однако непременно поступала руководству страны в форме отчётов и донесений. Вместе с тем стоит отметить, что данный канал связи мог выступать важным источником формирования представлений о Японии у советской политической элиты. В частности, данный тезис подтверждается в работе отечественного исследователя А.С. Ложкиной, где анализируется эволюция образа Страны восходящего солнца в СССР с 1931 по 1939 гг. [Ложкина 2009].

Создание Маликом портрета Японии определялось наличием ряда факторов. С одной стороны, это общение советского дипломата с государственными и общественными деятелями Японии, послами и посланниками других иностранных государств, выступавшими источником информации и сообщавшими о разных оценках и мнениях, с другой – собственный взгляд на события (с позиций марксистско-ленинской оптики) и самостоятельный анализ, не лишенный предвзятости. Кроме того, некоторые записи Малика отчётливо демонстрируют влияние «исторического груза конфликтов, претензий и обид» на тональность содержания дневника, среди которых поражение в русско-японской войне 1904–1905 гг., интервенция Японии на Дальнем Востоке [Ложкина 2008, с. 283].

¹ Тайны японской «Барбароссы». Федеральная служба безопасности. http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/japanbarbarossa.htm (дата обращения: 06.09.2021); ФСБ: Япония планировала применить бактериологическую бомбу в 1944 году // РИА Новости. 16.08.2021. <https://ria.ru/20210816/bomba-1745859461.html> (дата обращения: 06.09.2021); ФСБ рассекретила документы об испытаниях биооружия Японии на гражданах СССР // РИА Новости. 20.08.2021. <https://ria.ru/20210820/biooruzhie-1746484884.html?in=t> (дата обращения: 06.09.2021).

² Архив внешней политики Российской Федерации. <http://agk.mid.ru/>

Япония в риторике советского руководства

Период 1930-х гг. в истории советско-японских отношений характеризуют как крайне сложный и напряженный. Как правило, это можно объяснить результатом политического курса самой Японии в эти годы, а также нахождением во власти страны сторонников агрессивной политики, искавших решение внутренних проблем во внешней экспансии. В это время известны случаи как пограничных конфликтов с СССР, так и военных провокаций на Дальнем Востоке со стороны Японии. Однако, несмотря на, казалось бы, ухудшение геополитической ситуации в регионе, с началом 1940-х гг. между странами происходит «потепление», кульминацией которого становится подписание пакта о нейтралитете в 1941 г.

Ещё в июле 1940 г., в беседе с В.М. Молотовым, японский посол Того Сигэнори от имени правительства предложил советской стороне заключить соглашение о нейтралитете сроком на пять лет. В своём ответе Молотов заявил, что проект Того будет изучен, и одновременно выразил надежду, что с заключением договора прекратятся «враждебные выступления официальных и военных лиц Японии против СССР»³. После назначения нового посла – Татэкава Ёсигугу – переговоры, начатые Того, прекратились. На этот раз японское правительство сделало другое предложение: заключить пакт о ненападении (по аналогии с советско-германским договором 1939 г. [Воробьева 2010, с. 30]). Молотову был вручён проект документа сроком на 10 лет. Однако советское руководство вместо пакта о ненападении предложило заключить пакт о нейтралитете. Такой вариант устроил японскую сторону и послужил базой для дальнейших переговоров, что в скором времени привело к подписанию и ратификации итогового акта⁴.

Можно утверждать, что в первой половине 1940-х гг. пакт о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. являлся краеугольным камнем в деле восстановления советско-японских отношений. С одной стороны, в рамках процесса нормализации отношений он расценивался как шаг в установлении и поддержании мирных контактов, с другой – имел следствием изменение советской риторики в отношении Японии и её политики. Показательно, что в это же время руководство Советского Союза во многом отказалось от негативных коннотаций дальневосточного соседа в средствах массовой информации [Коршенко 2018, с. 121]. Таким образом, в программном документе Япония определялась в качестве страны, которая уважает интересы, территориальную целостность и неприкосновенность Советского Союза и союзных ему государств⁵.

Над вопросом восстановления контактов с Москвой и создания в глазах высшего советского руководства дружественного облика Японии работали ряд японских политиков. Одним из тех, кто прикладывал усилия в этом направлении, был министр иностранных дел Мацуока Ёсукэ. В частности, на приёме у Молотова 7 апреля 1941 г. Мацуока заявил, что «одной из больших задач его поездки в Европу, помимо обмена мнениями с руководителями Германии и Италии после заключения тройственного пакта, является осуществление сближения с СССР»⁶. В беседе он высказал мнение, что смотрит на поддержание отношений

³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 388. Л. 1.

⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 388. Л. 2–3.

⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 387. Л. 14.

⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 383. Л. 6.

с Советским Союзом не с позиции временных интересов, а с точки зрения их улучшения на более длительный срок – 50–100 лет. «Хорошие отношения между обеими странами могут способствовать миру во всем мире, и чем дружественнее эти отношения, тем больше они будут способствовать этому миру», – заключил Мацуока, при этом отмечая, что сказанное является его личной оценкой⁷.

Так, после заключения пакта и по случаю отъезда на родину, Мацуока прислал Молотову телеграмму, в которой говорилось, что подписанный документ направил обе нации на новый путь дружбы, и что он будет служить маяком в улучшении советско-японских отношений⁸. Наряду с этим заслуживает внимания тот факт, что, со слов Мацуока, он представлял себя сторонником советской инициативы по заключению пакта о ненападении между СССР и Японией в 1932 г. При этом политик аргументировал сделанный тогда отказ советскому правительству тем, что японское руководство и общество страны к этому было ещё не готово. (Выражаясь иначе, «это предложение расходилось с замыслами японских правящих кругов» [Ложкина 2008, с. 266]). Выясняется, что в дальнейшем Мацуока проводил уже индивидуальную работу относительно заключения пакта о ненападении. В результате, заняв пост главы министра иностранных дел в 1940 г., он пришёл к выводу о необходимости предложить Советскому Союзу подписать соответствующий документ.

Посыл, который закладывался на этапе налаживания официальных контактов, и восторженные речи с обеих сторон по поводу перевода советско-японских отношений на мирные и дружественные рельсы позитивно сказывались на оценках Японии. «Выражаем твёрдую уверенность, что вошедший в силу Пакт о нейтралитете является основой дальнейшего улучшения советско-японских отношений, развитие которых с удовлетворением встретят народы наших государств», – отмечали Сталин и Молотов⁹. В официальной советской риторике и общественности Страна восходящего солнца воспринималась уже не как агрессор и враг, а как друг и партнёр, склонный к решению проблем и уважению интересов другой стороны. Одновременно с этим, несмотря на сложную международную обстановку – нападение Германии на СССР, союзнические обязательства Берлина и Токио по блоку, разыгравшуюся войну в Тихом океане – пакт о нейтралитете сохранял силу и продолжал выступать центральным документом в архитектуре советско-японских отношений в данный период. Это сохранялось даже при наличии острых вопросов, для которых, как заявлялось, можно было найти решение. В их числе договоренность о ликвидации японских угольных и нефтяных концессий на Северном Сахалине. Изначально проблема должна была решиться в течение нескольких месяцев, не позже октября 1941 г., исходя из взятого Японией на себя обязательства, однако окончательно вопрос был снят с повестки только в первой половине 1944 г. Тогда, как отмечает А.А. Кошкин, Япония продемонстрировала Советскому Союзу своё «дружелюбие», не желая ухудшения отношений [Кошкин 2017].

Вне всякого сомнения, напряженная обстановка и неясный исход войны в Европе побуждали обе стороны следовать общим принципам пакта и избегать нежелательных столкновений друг с другом. Известен случай, когда наличие такого рода документа в определённой мере сыграло на руку японскому руководству. Так, в мае 1943 г. советское

⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 383. Л. 7.

⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 413. Л. 17.

⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 387. Л. 33.

правительство развеяло опасения Японии по поводу возможного предоставления СССР своей территории на Дальнем Востоке третьему государству. В письме В.М. Молотову посол Сато Наотакэ заявлял о ведущихся между японскими и американскими войсками боях на острове Атту¹⁰. В связи с этим, полагал Сато, допускается, что США могли обратиться к советскому руководству с просьбой предоставить им военную базу в местностях, прилегающих к острову, например, на Камчатке. Однако со своей стороны Молотов указал, что, так как между государствами действует политика мира и добрососедских отношений, СССР не рассматривает передачу своей территории и будет неуклонно придерживаться этой линии в будущем. Ранее эта же позиция была озвучена советским послом в Токио К.А. Сметаниным в августе 1941 г. [Того 1996, с. 24]. Таким образом, данное решение находилось в соответствии с духом пакта о нейтралитете¹¹.

Несмотря на декларируемые дружественные отношения, в советско-японском взаимодействии в период войны часто происходило столкновение интересов. В частности, стороны обменивались дипломатическими заявлениями в адрес друг друга, но до прямых вооруженных столкновений дело не доходило. Нередко Япония обвинялась в несоблюдении пакта о нейтралитете, говорилось и о противоречии с Пекинским договором 1925 г. В числе таких советско-японских инцидентов – задержание пароходов «Каменец-Подольск» и «Ингул» в 1943 г., мартовский протест Москвы 1944 г. по поводу ведущейся силами японской армии и русских белоэмигрантов враждебной Советскому Союзу деятельности в Маньчжоу-го, Шанхае, Тяньцзине¹².

Касательно задержания судов советское правительство неоднократно высказывало мнение о незаконности действий японских властей. Объявлялось, что позиция СССР, опирающегося на общепризнанные принципы и нормы международного права, юридически обоснована и не может быть оспорена, тогда как позиция японской стороны лишена законного основания считать «подвергнутые задержанию и аресту пароходы “Каменец-Подольск” и “Ингул” непринадлежащими Советскому Союзу»¹³. От имени правительства Молотов заявлял, что, по существу, операция произведена по политическим мотивам: «В силу обстоятельств задержание и арест в течение более месяца двух советских пароходов, что нарушило нормальные условия для советского пароходства на Дальнем Востоке, не может не рассматриваться иначе, как нарушение со стороны Японии советско-японского пакта о нейтралитете»¹⁴.

Инцидент с арестом двух пароходов стал по большому счёту следствием политики японского руководства, которое 8 декабря 1941 г. объявило проливы Лаперуза, Цугару и Корейский своими «морскими оборонительными зонами» [Ливенцев 2010, с. 87]. Такой дипломатический демарш стал приводить к частому задержанию советских судов. Известно, что японцы систематически и без всякой причины не только задерживали советские суда, но и в ряде случаев топили их при помощи подводных лодок и самолётов. Всего за 1941–1944 гг. было задержано 178 судов, потоплены суда «Кречет», «Майкоп», «Перекоп» [Ливенцев 2010, с. 87].

¹⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 435. Л. 2.

¹¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 435. Л. 3.

¹² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 803. Л. 14.

¹³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 431. Л. 9.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 431. Л. 10.

Однако с наступлением 1945 г. советско-японские отношения, недавно перезапущенные подписанием пакта о нейтралитете, приостанавливаются, что обусловлено стратегическим изменением расклада сил в Европе и приближающейся победой над гитлеровской Германией. При этом Ялтинская конференция, состоявшаяся в феврале 1945 г., уже рассматривалась лидерами Антигитлеровской коалиции как некое преддверие скорого окончания войны в Европе и перехода к наступлению на Японию. В связи с этим, неудивительно, что на конференции было достигнуто соглашение о вступлении Советского Союза в войну против Японии после того, как произойдет капитуляция Германии¹⁵. Логично, что при всём этом у советской стороны отпадала необходимость в продлении пакта о нейтралитете, срок которого истекал в апреле 1946 г.

Ощущая скорое поражение, на встрече с В.М. Молотовым 22 февраля 1945 г. японский посол Сато Наотакэ от имени правительства озвучил предложение о пролонгации соглашения. Японской стороной предпринимались попытки выйти из конфликта с минимальными потерями и трудностями, с которыми могло бы столкнуться государство в будущем. Показательно, как писал в январе 1945 г. заместитель Молотова С.А. Лозовский Сталину, если «в первый период советско-германской войны мы были заинтересованы больше, чем японцы, в сохранении пакта», то «начиная со Сталинграда японцы заинтересованы больше, чем мы, в сохранении пакта о нейтралитете» [Славинский 1996, с. 85]. Так, приняв 5 апреля 1945 г. японского посла, Молотов сделал заявление о денонсации документа. Советско-японские отношения возвращались к положению, в котором они фактически находились до заключения пакта. Одним из главных аргументов в пользу такого решения явилось то, что после подписания соглашения с Японией обстановка в мире в корне изменилась: «Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в её войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками. При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление Пакта стало невозможным»¹⁶. С этого момента усилия официальных властей были направлены на актуализацию в общественном пространстве негативных коннотаций и осуждение политики Японии. Страна вновь стала расцениваться как враг и агрессор, но уже с той оговоркой, что она продолжает обрекать на страдания и дальнейшие жертвы азиатские народы.

Показательно, что после объявления войны в августе 1945 г. в советской прессе сразу же развернулась пропаганда в поддержку враждебного восприятия Японии. В газетных заголовках того времени присутствовали такие формулировки, как «*Японский агрессор будет разгромлен!*»¹⁷, «*Злодеяния японского империализма*»¹⁸, фразы «*Японская военщина*»¹⁹, «*Агрессивная нация*»²⁰, «*Япония – это государство фашизированных империалистов*»²¹ и др.

Таким образом, если в начале первой половины 1940-х гг. в официальной советской риторике прослеживалась одна оценка Японии, когда в центре внимания находились темы

¹⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 29. Л. 1.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 898. Л. 5.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 903. Л. 7.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 903. Л. 19.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 903. Л. 8.

²⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 903. Л. 8.

²¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 903. Л. 34.

восстановления и поддержания советско-японских отношений, то с момента денонсации пакта о нейтралитете в 1945 г. ввиду приближающейся победы над Германией и последующим объявлением войны Японии официальная позиция СССР кардинально меняется, в связи с чем происходит отход от ранее заявленного курса. Исследователями утверждается, что, подписав договор о нейтралитете в апреле 1941 г., советское руководство не преследовало цели изменить систему стереотипов о дальневосточном соседе, которая сложилась до этого времени [Коршенко 2018, с. 121]. Однако совершенно очевидно, что история советско-японских отношений в военный период и подписание пакта о нейтралитете тесно связаны со сложной дипломатической игрой, которую вели державы начиная с 1940 г. [Воробьева 2010, с. 26]. С одной стороны, договор позволил обезопасить советские дальневосточные рубежи на случай конфликта с Германией и выиграть время для подготовки к войне, с другой – стратегически мотивированное установление контактов с Японией повлекло в известной мере к поддержанию положительной оценки Страны восходящего солнца в официальной риторике и средствах массовой информации.

Япония и японская политика в оценках советского дипломата

Частные и неформальные оценки Японии и японской политики встречаются в материалах дневников Чрезвычайного и полномочного посла СССР в Токио Я.А. Малика (1942–1945), которым на основе его встреч с высокопоставленными японскими политиками были собраны ценные сведения о внешней и внутренней политике Японии, курсе и планах её правительства в годы Второй мировой войны. В целом, среди тех, с кем Малику довелось беседовать, были министры иностранных дел Японии Тани Масаюки (1942–1943) и Сигэмицу Мамору (1943–1945), заместитель министра иностранных дел Мацумото Сюнъити, бывший посол Японии в СССР Татэкава Ёсицугу. Более того, Малик также имел тесные контакты с болгарским, шведским и афганским посланниками – Янко Пеевым, Видаром Багге и Зул Факаром соответственно, а также турецким послом Ахмед Ферит Тек. При этом, круг вопросов, поднимавшийся на этих встречах, был чрезвычайно широк – от решения советско-японских государственных задач до разъяснения закулисных планов японского правительства, что нашло отражение в записях Малика. Таким образом, дневники советского посла могут представлять определённый научный интерес, поскольку зафиксированные сведения позволяют проследить динамику изменения настроений в среде японской элиты в период войны – от излишней самоуверенности в собственных силах до всё более проявляющегося пораженческого духа.

Однако, в первую очередь, при знакомстве с записями Малика обращают на себя внимание его наблюдения о существовавшей в Японии зависимости «военщины» от финансовых кругов, вылившейся в напряжённое противостояние с момента поражений Японии на фронтах Тихого океана²². Очевидно, что неудачи Японии не могли не сказаться на репутации военных, сосредоточивших всю полноту власти в своих руках. Не желая более мириться с бездумной политикой и оплачивать бессмысленные «рискованные авантюры» военных, всё увереннее стали заявлять о своих претензиях на непосредственное участие в государственном управлении финансовые и промышленные группы, влияние которых,

²² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 31.

отмечает Малик, в последние годы войны было налицо²³. В связи с этим закономерны формулировки дипломата о том, что, хотя по состоянию на 1943 г. внутриполитическая жизнь Японии и была подчинена интересам «ведущей силы», то есть генералитету, последние же «решающей силой» не являлись, поскольку «воочию убедились, что воевать без прочной опоры на хозяев страны нельзя»²⁴.

Так, кульминацией столкновения интересов финансовых и военных кругов явилась реорганизация в апреле 1943 г. кабинета премьер-министра Тодзё (Тодзио) Хидэки после 81-й сессии парламента, на которой премьера уже тогда открыто упрекали в «бюрократическом эгоизме» и нежелании использовать «талантливых людей», тем самым намекая на крупнейших капиталистов²⁵. Таким образом, именно тогда, как утверждает Малик, «военщина и экстремистский лагерь» были вынуждены окончательно признать «свою неспособность дальше “безраздельно и самостоятельно” хозяйничать и властвовать в стране без полного учёта пожеланий финансово-промышленных и аграрных кругов и более внимательного прислушивания к их голосу»²⁶. Обновление кабинета произошло по той причине, что «в условиях нынешней обстановки военно-экстремистская клика и лично Тодзё принуждены добиваться взаимного понимания с руководителями финансовых концернов, прекрасно отдавая себе отчёт, что без концернов и банков нельзя осуществлять власти»²⁷. «Нынешняя обстановка», о которой говорит Малик, состояла в том, что для Японии всё яснее становилась призрачность победы в войне, а неудачи заправлявшего всем в стране генералитета ситуацию только ухудшали. Требовались коренные изменения внутри правительства, не проведя которых, военные рисковали окончательно потерять доверие и помощь со стороны крупного капитала.

Понимая это, «острому» премьеру, как характеризует Малик Тодзио, тем не менее, приходилось лавировать между военными и финансовыми сторонами, идя на компромиссы и приспособляясь к политической обстановке²⁸. Главной его «жертвой» стало обновление своего кабинета, когда взамен «безобидных» министров – Тани, Юдзава, Хасида и Ино, занимавших посты министра иностранных дел, юстиции, просвещения и земледелия и сельского хозяйства соответственно, в состав правительства на эти должности вошли люди, так или иначе связанные с финансовыми и промышленными корпорациями Японии – Сигэмицу Мамору, Андо Кисабуро, Ямадзаки Тацуносукэ и Тадао Оаса²⁹. «Приход в состав кабинета прямых ставленников крупного финансового капитала, – заключал по этому поводу Малик, – объективно должен несколько ослабить элементы авантюризма в политике японского правительства и усилить элементы осторожности, некоторой “умеренности” и более тщательного продумывания, взвешивания и подсчёта всех плюсов и минусов при зачинании новых крупных и рискованных авантур»³⁰.

Рассматривая внешнеполитическую сторону Японии, Малик отмечает, что японское правительство, маскируя свои хищнические намерения и порабощение азиатских народов,

²³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 43.

²⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 31.

²⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 40.

²⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 31.

²⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 32.

²⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 33.

²⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 13.

³⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 43.

стремилось, по существу, построить собственную сферу влияния и установить «новый порядок» в Восточной Азии. Нередко, утверждает в своих записях Малик, такая политика прикрывалась лозунгами «строительство сферы процветания», «эмансипация Азии», «борьба азиатских народов против англо-саксонского рабства»³¹. В этом смысле данный внешнеполитический курс Японии рассматривался её властями как отказ от всего навязанного Западом, что, естественным образом, подразумевало возвращение Азии к своей «восточной оригинальности»³². К примеру, выступая по радио в сентябре 1943 г., бывший специальный посланник Японии в Вашингтоне Курусу Сабуро обратился к народам Латинской Америки с призывом не вмешиваться в азиатские дела, поскольку, на его взгляд, Восточная Азия под руководством Японии в данный момент ведёт ту же самую борьбу за освобождение от «европейского влияния», что и страны Латинской Америки полтора века назад. Однако Малик считал, что подобные выступления японских дипломатов были всего лишь попытками повысить международный авторитет Японии «невоенными средствами», что вполне справедливо³³.

Кроме того, рассматривая записи Малика, можно заметить, что дипломат был склонен разделять японское население на две (основные) группы – «японцев» и «японский народ», тем самым имея в виду тех, кто эксплуатирует и является частью современной политической системы, и тех, кто находится в эксплуатации соответственно. Косвенное подтверждение данной мысли можно найти в работе А.В. Трегубенко, где, в частности, автор рассматривает возникшую тенденцию в советской прессе «к разделению понятия “население Японии” не только по социально-экономическому признаку (буржуазия, рабочий класс, крестьянство), но и по политическому». К примеру, «если в октябре 1945 г. советская пресса писала о японцах, “воспитанных в духе непримиримой ненависти к другим народам”, которые “с детства готовились стать солдатами”», то в декабре того же года «появляется термин “японский народ”, “стремящийся к демократизации государственного строя страны”». Таким образом, заключает Трегубенко, очевидное противоречие (что «японцы» не являются частью «японского народа») объяснялось тем фактом, что, как правило, в советской прессе «народом» назывались те слои японского общества, которые разделяли коммунистические взгляды на устройство Японии [Трегубенко 2012, с. 184–185].

Подобные же оценки в отношении этих двух групп мы можем обнаружить в записях Малика тех лет. Для сравнения, «японцы», по мнению Малика, представляли собой колонизаторов, открыто хваставшихся своей политикой и «восточноазиатским ренессансом», и фальсификаторов, преднамеренно извращавших «западную культуру» с целью вернуть азиатские народы к восточным началам³⁴. Однако наряду с подобными характеристиками Малик отмечал своеобразие «японцев», о чём может свидетельствовать его беседа со шведским посланником Багге и сотрудником миссии Эриксоном в мае 1942 г.: «Японцы в силу своих расовых, физических, бытовых, исторических и других особенностей, а также в результате особой и своеобразной системы воспитания, обычаев и традиций не могут полностью ассимилироваться с другими народами, в другой стране и сфере, чувствуют себя в окружении иностранцев, особенно западноевропейцев и американцев, принижеными и

³¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 48.

³² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 60.

³³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 427. Л. 118.

³⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 61.

ущемлёнными»³⁵. Говоря же о японских народных массах, советский посол считал, что они «господствующими классами превращены в покорных рабов» самой Японии³⁶.

Отдельного внимания заслуживает тот момент, что, исходя из записей Малика, за два года до окончания войны ситуация в Японии приобретает полностью военизированный характер, когда для нужд страны направлены все её материальные и человеческие ресурсы. «Мирная жизнь, – пишет Малик, – и мирные настроения больше недопустимы. Между фронтом и тылом нет больше разницы»³⁷. В оставленных Маликом свидетельствах, с одной стороны, подтверждается переход работы государственно-административного аппарата Японии на военный лад, а с другой – фиксируется процесс всесторонней мобилизации по укреплению обороны страны. Так, план по усилению внутривластной структуры государства, принятый японским правительством в сентябре 1943 г., Малик именует «тотальной мобилизацией»³⁸. По его мнению, утверждение данного документа явилось реакцией на недавнюю капитуляцию Италии, а также было продиктовано ухудшением военного положения Японии. В числе принятых мер Малик выделяет мобилизацию женщин, отмену системы отпусков, увольнений и отсрочек призыва в армию студентов всех университетов, кроме технических учебных заведений, повышение убежденности народа в победе, создание системы продовольственной автаркии³⁹. Однако, поскольку данный комплекс мер «в условиях ухудшающегося состояния страны» оказался недостаточно эффективным, в феврале 1944 г. японское правительство было вынуждено принять уже новый план, состоящий из 15-ти чрезвычайных «эпохальных» мероприятий. Хотя эта программа обманчиво и преподносилась прессой как «путь к победе», всё же она говорила об обратном: 1. Милитаризация и унификация производства; 2. «Упрощение жизни» – внушение народу переносить любые тяготы и лишения; 3. Закрытие ресторанов и увеселительных заведений; 4. Ужесточение системы наказаний и усиление деятельности суда и прокуратуры; 5. Принудительная трудовая мобилизация для военных целей⁴⁰. Таким образом, все эти меры доказывали то, что к началу 1944 г. положение Японии на фронтах Тихого океана стало угрожающе шатким.

Вдобавок, обозначилась и другая проблема. Произошедшие к тому времени поражения японского флота в крупных битвах у атолла Мидуэй и в Коралловом море и последовавшее затем отступление японцев из ранее захваченных территорий способствовали формированию напряженной атмосферы в высших японских кругах, чего, по словам Малика, не скрывала даже пресса⁴¹. Складывалось ощущение, что после разгрома союзной Германии страну ждёт поражение и неминуемая капитуляция, и это не могло не отразиться на атмосфере встреч Малика с его японскими коллегами – бывшим послом в СССР Татэкава Ёсицугу и советником японского посольства в Москве Миякава Фунао, о содержании которых можно судить по записям дневников. Дипломат замечал, что на этих встречах участники вдавались в «рассуждения» о ближайшей судьбе Японии, которую видели печальной. Так, результатом встречи Малика с Татэкава и Миякава в январе 1944 г. стало его

³⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 68.

³⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 50.

³⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 805. Л. 157.

³⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 427. Л. 160.

³⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 427. Л. 128–129.

⁴⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 805. Л. 152–154.

⁴¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 805. Л. 276.

следующее заключение: «Япония реально начинает ощущать приближающееся к ней грозное дыхание современной войны. Эта страна вступила в полосу большого экономического и военного напряжения. Угар первоначального военного оптимизма у японцев прошёл. С тревогой японцы ожидают дальнейшего ухудшения для себя военной внешнеполитической обстановки и возможности непосредственных ударов противника по собственно Японии»⁴².

Подобным характером была проникнута и встреча Малика с министром иностранных дел Японии Сигэмицу Мамору, посвящённая трёхлетней годовщине подписания пакта о нейтралитете. Несмотря на торжественный характер, совещание, по свидетельству Малика, продемонстрировало растущую тревогу Японии, ввиду её недавних военных неудач. Теперь Япония была озабочена только собственным выживанием, укреплением позиций в Восточной Азии и, что гораздо важнее, сохранением нейтральных отношений с Советским Союзом. Таким образом, у японцев, понявших, что война на два фронта им не по силам, наступило, по словам Малика, «отрезвление». «Япония, – разумно подытоживает на страницах своего дневника Малик, – оказалась в таком военном и внешнеполитическом положении, когда пакт о нейтралитете с СССР, вопреки ожиданиям самих японцев, оказался весьма и весьма полезным и выгодным для самой Японии. Решено за это пакт ухватиться покрепче...»⁴³. Данное утверждение Малика небезосновательно, ведь даже бывший министр иностранных дел Японии Того Сигэнори (1941–1942) годами позже в своих воспоминаниях находил политическую ситуацию в стране в начале 1944 г. критической и так же заявлял о необходимости для Японии ни в коем случае не ухудшать отношения с СССР – иначе продолжать войну не было никакого смысла. В частности, в его записях фигурируют следующие строки: «Поскольку дальнейшее продолжение войны стало для Японии столь тягостным, к проблеме России следовало подходить уже не просто с точки зрения сохранения ею статуса невоюющей стороны, а с точки зрения прекращения войны» [Того 1996, с. 434].

Рассматривая материалы дневников Чрезвычайного и полномочного посла СССР в Токио Я.А. Малика, мы можем говорить о наличии дошедших до нас ценных сведений, особенно касающихся внешней и внутренней политики Японии в период войны. Дневники отражают не только свидетельства кадровых изменений в японском правительстве и его экспансионистских планов, но и истории отдельных переживаний, забот и размышлений о собственной стране японцев, которым была не безразлична её судьба, и с которыми Малику за годы пребывания в Японии удалось повстречаться и пообщаться.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, можем прийти к следующим выводам.

Во-первых, как показывает исследование, оценка Японии и японской политики в официальной советской риторике во многом зависела от внешних обстоятельств и факторов: динамики изменения баланса сил в Европе и договоренностей между державами по Антигитлеровской коалиции. Если вначале Москва воспринимала Японию как дружественную страну на основании пакта о нейтралитете 1941 г., то с момента денонсации этого соглашения в 1945 г., ввиду приближающейся победы над Германией, и последующим

⁴² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 805. Л. 83.

⁴³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 805. Л. 366.

объявлением войны Японии официальная позиция СССР кардинально меняется. Вследствие изменения отношения к Японии вновь актуализируются некогда вытесненные негативные коннотации Страны восходящего солнца что, естественным образом, отражается на содержании официальной переписки и советской печати.

Во-вторых, можно говорить о двух уровнях оценки Японии советским послом в Токио Маликом – внутривнутриполитическом и внешнеполитическом. В частности, показано, что судьба Японии во многом зависела от баланса сил между военными, сторонниками экспансионистской политики и крупными финансово-промышленными кругами, а также достигнутого между ними компромисса. Интерпретация событий сквозь призму марксистско-ленинской оптики во внешней политике определяла Японию в качестве империалиста, с одной стороны, склонного к территориально-политической экспансии, стремящегося к формированию подконтрольной сферы влияния в Восточной Азии и установлению в регионе прояпонских режимов, с другой – открыто заявляющего претензии на мировое господство. Пропагандой и средствами массовой информации такие действия прикрывались стремлением к достижению мира и гармонии между народами, а также освобождением от англо-саксонского рабства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Воробьева Т.А. Советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г. в современной отечественной историографии // Вестник ВятГУ. 2010. № 2(1). С. 25–38.

Коршенко С.В. Образ Японии и японцев в советском массовом сознании накануне и в период Второй мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург. 2018.

Кошкин А.А. Японский план «примирения» СССР с Германией // ИА Regnum. 26.05.2017. <https://regnum.ru/news/polit/2280056.html> (дата обращения: 15.08.2021).

Ливенцев Д.В. Потери гражданского флота Дальнего Востока в период Великой Отечественной войны // Берегиня.777.Сова. 2010. № 2(4). С. 86–92.

Ложкина А.С. Образ Японии в советском общественном сознании (1931–1939): автореф... дисс. кан. ист. наук. Москва. 2009.

Ложкина А.С. Япония в представлениях высшего советского руководства 30-х годов: мифотворчество и прагматизм // Ежегодник Япония. 2008. № 37. С. 259–284.

Славинский Б.Н. Ялтинская конференция и проблема северных территорий. Москва: Новина. 1996.

Того Сигэнори. Воспоминания японского дипломата / введение Б.Н. Славинского; предисловие Того Кадзухико. Москва: Новина. 1996.

Трегубенко А.В. Проблемы оккупации Японии в дискурсе советской прессы (1945–1951 гг.) // Научно-информационный журнал «Армия и общество». 2012. № 1(29). С. 183–189.

REFERENCES

Korshenko, S.V. (2018). *Obraz Yaponii i yaponcev v sovetskom massovom soznanii nakanune i v period Vtoroj mirovoi voiny* [The image of Japan and the Japanese in the Soviet mass consciousness on the eve and during the Second World War]. (Candidate of Historical Sciences Dissertation). Saint Petersburg. (In Russian).

Koshkin, A.A. (2017, May 26). Yaponskii plan «primireniya» SSSR s Germaniei [The Japanese Plan of «Reconciliation» of the USSR with Germany]. *IA Regnum*. Retrieved August 15, 2021, from <https://regnum.ru/news/polit/2280056.html> (In Russian).

Liventsev, D.V. (2010). Poteri grazhdanskogo flota Dal'nego Vostoka v period Velikoi Otechestvennoi voiny [Losses of the Civil Fleet of Far East During the Great Patriotic War]. *Bereginya.777.Sova*, 2(4), 86–92. (In Russian).

Lozhkina, A.S. (2008). Yaponiya v predstavleniyakh vysshego sovetskogo rukovodstva 30-h godov: mifotvorchestvo i pragmatizm [Japan in the Views of the Top Soviet Leadership of the 30s: Myth-Making and Pragmatism]. *Yearbook Japan*, 37, 259–284. (In Russian).

Lozhkina, A.S. (2009). *Obraz Yaponii v sovetskom obshchestvennom soznanii (1931–1939)* [The Image of Japan in the Soviet Public Consciousness (1931–1939)] (Abstract of Candidate of Historical Sciences Dissertation). Moscow. (In Russian).

Slavinskii, B.N. (1996). *Yaltinskaya konferenciya i problema severnykh territorii* [The Yalta Conference and the Problem of the Northern Territories]. Moscow: Novina. (In Russian).

Togo, S. (1996). *Vospominaniya yaponskogo diplomata* [The Memoirs of a Japanese Diplomat]. Moscow: Novina. (In Russian).

Tregubenko, A.V. (2012). Problemy okkupatsii Yaponii v diskurse sovetskoi pressy (1945–1951 gg.) [The Problems of Japan's Occupation in the Soviet Press Discourse (1945–1951)]. *Nauchno-informacionnyi zhurnal «Armiya i obshchestvo»*, 1(29), 183–189. (In Russian).

Vorob'eva, T.A. (2010). Sovetsko-yaponskii pakt o neitralitete 1941 g. v sovremennoi otechestvennoi istoriografii [The Soviet-Japanese Neutrality Pact of 1941 in Modern Russian Historiography]. *Vestnik VyatGU*, 2(1), 25–38. (In Russian).

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-48-61

Япония и страны-члены ШОС: новые контуры энергетического сотрудничества

К.А. Корнеев

Аннотация. Япония традиционно выстраивала свою энергетическую политику в отношении России и стран Центральной Азии, опираясь на сырьевой характер их экспорта; к тому же, это отвечало потребностям Японии, практически полностью лишённой собственных первичных энергоресурсов и минералов. Целенаправленно применялся принцип «ресурсной дипломатии», или такой формат торгово-экономических отношений, когда взамен японских вложений в отдельные сектора экономики и энергетики, либо японской официальной помощи в целях развития, заключались твёрдые контракты на поставку углеводородов со значительными скидками к текущим ценам на мировом рынке. Однако институционализация экономического сотрудничества на постсоветском пространстве в рамках ЕАЭС и ШОС привела к тому, что Япония стала «третьей стороной» для стран, вступивших в эти структуры, что усложнило и расширило систему взаимодействия Токио с правительствами России, Казахстана, Узбекистана, Киргизии. Сегодня постепенно формируются новые контуры энергетической кооперации, подразумевающие не только торговлю энергоресурсами, но и строительство транспортной энергетической инфраструктуры, интерес к возобновляемой энергетике (Россия и страны Центральной Азии обладают подходящими природно-климатическими условиями для её развития), обсуждение совместных проектов в сфере новых альтернативных видов энергии, к которым относится водород. Что касается принципов энергетического взаимодействия Японии с Индией и Китаем, также ресурсодефицитными странами, то основной акцент делается на поставки энергетического и транспортного оборудования из Японии, а также инвестиции японских компаний в строительство различной энергетической инфраструктуры. Объединение России, Китая, Индии, Казахстана, Киргизии, Пакистана, Таджикистана и Узбекистана в рамках ШОС в значительной мере повышает их международный авторитет, что способствует проведению более независимой и взвешенной внешнеторговой политики.

Ключевые слова: Япония, Шанхайская организация сотрудничества, новые направления энергетического сотрудничества, энергетическая политика.

Автор: Корнеев Константин Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). E-mail: korneev@ifes-ras.ru

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта «Проектные научные коллективы РГГУ» № 2021-1-2 под названием «Трансформация энергетических рынков стран-членов ШОС на современном этапе: возможности для России».

Для цитирования: Корнеев К.А. Япония и страны-члены ШОС: новые контуры энергетического сотрудничества // Японские исследования. 2021. № 4. С. 48–61. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-48-61

Japan and the SCO member states: New shapes of energy cooperation

K.A. Korneev

Abstract. Japan has traditionally built its energy policy towards Russia and the countries of Central Asia by relying on the raw materials nature of their exports; moreover, such situation met the needs of Japan, which suffers from a significant lack of its own primary energy resources and minerals. It applied the principle of “resource diplomacy” – a bilateral format of trade and economic relations, according to which, in exchange for Japanese investments in certain economic and energy sectors (including Japanese official development assistance), firm contracts to supply hydrocarbons with appreciable discounts compared to current prices in the world market were concluded. However, the institutionalization of economic cooperation in the post-Soviet space within the framework of the EAEU and the SCO led to the fact that Japan became a “third party” for the countries that joined these structures. Eventually, it complicated and expanded the system of Tokyo’s interaction with the governments of Russia, Kazakhstan, Uzbekistan, and Kyrgyzstan. Today, new contours of energy cooperation are gradually forming, involving not only trade in energy resources, but also the development of transport energy infrastructure, interest in renewable energy (Russia and the Central Asian countries have suitable natural and climatic conditions for its development), discussions on joint projects in the field of new alternative types of energy, for example, hydrogen energy. As for the principles of Japan’s energy cooperation with India and China, which also belong to resource-deficient countries, the main emphasis is put on the supply of energy and transport equipment from Japan, as well as investments by Japanese companies in the construction of various energy infrastructure. The unification of Russia, China, India, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Pakistan, Tajikistan, and Uzbekistan within the SCO significantly increases their international authority and helps them to conduct a more independent and balanced foreign trade policy.

Keywords: Japan, Shanghai Cooperation Organization, new directions of energy cooperation, energy policy.

Author: Korneev Konstantin A., PhD (History), senior researcher, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). E-mail: k_korneev@mail.ru

Acknowledgements. This article was written under the funding of Russian State University for the Humanities “project scientific collectives” (grant no. 2021-1-2) by the name “Transformation of the SCO Member States Energy Markets at Present Stage: Possibilities for Russia”.

For citation: Korneev K.A. (2021). Yaponiya i strany-chleny ShOS: novyye kontury energeticheskogo sotrudnichestva [Japan and the SCO member states: New shapes of energy cooperation]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 4, 48–61. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-48-61

Введение

В настоящее время перед Японией остро стоит задача диверсификации энергетического импорта за счёт расширения сотрудничества, в том числе и с отдельными государствами-членами ШОС, преимущественно из центральноазиатского региона. Поскольку сама Организация не имеет наднациональных органов управления и позиционирует себя больше как геостратегическое объединение независимых стран-членов, внешняя экономическая

политика которых вовсе не придерживается единого русла, это создаёт предпосылки восприятия японскими компаниями ШОС. Тем не менее, Россия и государства Центральной Азии представляют для Токио немалый интерес, поскольку рассматриваются как поставщики энергоресурсов, благодаря которым снизится зависимость от стран Персидского залива, региона, геополитически нестабильного и мало предсказуемого с точки зрения долгосрочных энергетических контрактов. Значение Китая, Индии и Пакистана в другом – они представляют собой крупные рынки сбыта для японских энергетических технологий, промышленной продукции, материалов и оборудования.

В настоящее время происходит существенная трансформация энергетических рынков стран-членов ШОС, вызванная не только активизацией проектов евразийской экономической интеграции (ЕАЭС, китайская инициатива «Один пояс, один путь»), но и глобальным продвижением «зелёной энергетики» в самом широком смысле этого слова. Ведущие державы Евросоюза и Восточной Азии, входящие в число ключевых импортёров энергоресурсов из России и государств Центральной Азии, приняли программы по переходу к низкоуглеродной экономике в течение 20–30 лет. Такие программы подразумевают максимально возможное снижение «углеродного следа» в промышленности, строительстве, на транспорте, в коммерческом и коммунально-бытовом секторах за счёт внедрения новых технологий энергосбережения и тотального доминирования в структуре энергоснабжения возобновляемых источников энергии.

Конечно, пока сложно говорить, насколько эффективным окажется данный низкоуглеродный транзит, однако сама постановка вопроса является серьёзным вызовом для стран-экспортёров первичной энергии, заставляя их обращать внимание на иные сектора энергетики, помимо добывающей промышленности. В связи с этим исследование существующих форматов энергетического сотрудничества на пространстве ШОС, включая новые направления энергетической кооперации стран-членов Организации с Японией, а также выделение общих принципов реализации энергетической политики Японии в направлении государств, составляющих в настоящий момент времени пространство ШОС, выглядят своевременными и актуальными.

Необходимо отметить, что в отечественной и зарубежной литературе уделяется достаточно много внимания раскрытию целей и задач энергетической политики Японии в отношении отдельных государств-членов Шанхайской организации сотрудничества, однако несколько не хватает обобщающего, агрегированного подхода, который бы учитывал тенденции и закономерности, а также многофакторный характер процесса реализации японской энергетической политики на евразийском пространстве. Настоящая статья стремится заполнить эту нишу и ответить на вопрос, в какой мере Япония заинтересована в усилении своего присутствия на энергетических рынках стран-членов ШОС и как практически осуществляются имеющиеся планы.

Следует выделить несколько русскоязычных авторов, которые в определённой степени рассматривают торгово-экономическую и энергетическую проблематику взаимодействия Японии с государствами евразийского пространства в XXI веке. В работах Добринской О.А. (ИВ РАН) раскрывается сущность политики «мягкой силы» Японии в Центральной Азии, Киреева А.А. (МГИМО) рассматривает комплексные вопросы эволюции японо-китайских отношений, важный вклад вносят аналитические материалы Мамадзимова А. (Таджикский Национальный Университет), посвящённые развитию японского формата «C5 + 1» в

отношении центральноазиатских государств. Перспективы Японии в Шанхайской организации сотрудничества были рассмотрены в одной из статей Нургалиева М. (Японский институт международных отношений, Токио), а характер энергетической кооперации Японии с Индией и Пакистаном изучается в работах Печищевой Л.А. (РГГУ). Долгосрочные факторы развития российско-японских отношений являются предметом исследования Стрельцова Д.В. (МГИМО); также существенный вклад в освещение ряда аспектов, смежных с темой настоящей статьи, вносят работы Кистанова В.О. и Казакова О.И. (ИДВ РАН), Мищенко Я.В. (ИДВ РАН, МГУ), Лебедевой И.П. и Нелидова В.В. (ИБ РАН).

Материалов на английском языке довольно много, поэтому имеет смысл упомянуть лишь тех авторов, труды которых использовались непосредственно при написании статьи. Это Murashkin N. (Griffith Asia Institute), Abbas N. (EastWest Institute), Kennedy S. and Goodman M. (Center for Strategic and International Studies), Xie Z. (Asian Development Bank Institute), Dadabaev T. and Djalilova N. (University of Tsukuba). В основном перечисленные авторы концентрируют внимание на японо-китайской и японо-центральноазиатской актуальной энергетической повестке, а также на общем значении региона Центральной Азии как арены геоэкономической конкуренции между крупными державами в XXI веке. Тем не менее и в этих материалах присутствует фрагментированное представление о японской энергетической политике на евразийском пространстве.

Энергетическое сотрудничество на пространстве ШОС с участием Японии

Шанхайская организация сотрудничества была создана в 2001 г. и прочно заняла нишу влиятельного международного геостратегического объединения евразийского характера. Естественно, страны, вошедшие в состав Организации, преследовали различные цели, но их объединяло общее стремление войти в число держав, вовлечённых в принятие важных решений на глобальном уровне вообще и в Азии в частности. Япония практически сразу сформировала повестку в отношении стран-членов ШОС; предполагалось даже, что Япония могла бы выступить посредником в развитии отношений ШОС с другими региональными структурами, ставящими перед собой схожие задачи развития [Нургалиев 2009, с. 115]. Ещё в 1997 г. премьер-министр Японии Рютаро Хасимото предложил внешнеполитическую концепцию «Евразийской дипломатии», направленную на укрепление взаимного доверия с Россией, Китаем и государствами Центральной Азии, экономическое сотрудничество во имя процветания и консультации в целях развития демократии и поддержания политической стабильности. В конце 1990-х гг. это предложение было встречено позитивно как в самой Японии, так и в странах-адресатах.

Но к 2004 г. стало очевидно, что Россия и Китай постепенно укрепляют свои позиции в азиатском регионе и начинают претендовать на региональное лидерство. В качестве противовеса их растущему влиянию Япония инициировала новый формат сотрудничества «Центральная Азия + Япония» или «C5 + 1». Предлагался целый пакет мер по углублению японо-центральноазиатских связей, включая финансовую поддержку молодых республик ЦА в ситуации, когда они активно ищут своё место в формирующейся новой азиатской геополитической реальности. Важное место в рамках формата «C5 + 1» отводилось и вопросам энергетики – Япония не скрывала заинтересованности в разработке нефтяных месторождений в Казахстане и газовых – в Узбекистане.

Следует отметить, что сам по себе комплексный подход к выстраиванию внешнеполитических и внешнеэкономических отношений с государствами Центральной Азии оказался эффективным. В конце 2000-х гг. на похожие принципы взаимодействия с Таджикистаном, Туркменистаном, Узбекистаном, Казахстаном и Киргизией перешла Республика Корея, запустив международную площадку под названием «Форум сотрудничества Центральная Азия + Республика Корея». К аналогичной политике вскоре пришли и США – сначала была предложена идея «Большой Центральной Азии», а в середине 2010-х гг. организована целая серия саммитов с участием правительств центральноазиатских республик под общей вывеской «Партнёрства по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии» [Мамадазимов 2021].

Что касается Японии, то особого развития предложенный ею формат не получил, хоть и обрёл международное признание. Сыграло свою роль «периферийное» восприятие Центральной Азии как направления для японской внешнеэкономической политики – основной акцент в 2000-е гг. делался на новый этап развития внешнеторговых связей со странами АСЕАН с помощью заключения соглашений о свободной торговле. К тому же всё более активно в центральноазиатском регионе действовали Китай и Россия. Первый подписал несколько крупных контрактов с Узбекистаном, Казахстаном и Туркменистаном на поставки энергоресурсов при условии китайских инвестиций в строительство соответствующей транспортной инфраструктуры (в первую очередь – трубопроводов). Вторая же стала больше внимания уделять развитию экономической интеграции в рамках Евразийского экономического сообщества (2001–2014 гг.), которое в 2015 г. было реформировано в Евразийский экономический союз.

В начале-середине 2010-х гг. произошёл очередной виток интереса Японии к центральноазиатскому региону. На первый план вышла концепция «мягкой силы» – а именно, достижение внешнеполитических целей путём формирования положительного образа Японии с использованием различных инструментов, в основном социокультурного плана. Для этого предполагалось финансирование проектов в сфере культуры и индустрии развлечений со стороны Японии, чтобы через знакомство граждан центральноазиатских республик как с традиционными японскими ценностями, так и с современной массовой культурой вывести Японию в число стран, расширение сотрудничества с которыми будет однозначно восприниматься как благо [Добринская 2018, с. 12].

Однако этот подход оказал благоприятный эффект и на энергетику. Консорциум японских компаний ещё в 1997 г. приобрёл 8 % акций нефтегазового месторождения Кашаган на казахстанском шельфе Каспийского моря, извлекаемые запасы которого составляют более 2 млрд т. Но активная разработка в рамках инвестиционных соглашений стартовала в конце 2000-х гг. Общая стоимость освоения Кашагана оценивается в 28 млрд долл. США, и японский консорциум готов вложить ориентировочно 3 млрд долл. Эксплуатация месторождения началась в сентябре 2013 г., однако из-за проблем с надёжностью трубопроводной системы была остановлена и возобновлена только в 2016 г. Пока объёмы добычи серьёзно отстают от целевых – в 2019 г. было извлечено 14 млн т нефти, хотя изначально планировалось в два раза больше. Также японские компании приобрели долю в проекте строительства трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан, который считается важной альтернативой системе трубопроводов, существующей в регионе ещё с

советских времён, либо построенных в 2000-е гг. при непосредственном участии Китая [Ивахненко 2020].

Япония стремится развивать энергетическое сотрудничество и с Узбекистаном. Эта страна богата природным газом, но не имеет выхода к морям, поэтому экспорт пока идёт исключительно в сопредельные страны (Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан) по трубопроводам. Следует отметить, что в Узбекистане есть богатые залежи урана и редкоземельных металлов, что вызывает интерес со стороны японских компаний. Однако возможна и совместная разработка новых месторождений природного газа – такой вариант обсуждался во время визита президента Узбекистана в Японию в 2019 г. По итогам переговоров был представлен проект модернизации газотранспортной системы Узбекистана с привлечением 1,5 млрд долл. японских инвестиций [Кадилова 2020]. В целом правительство и бизнес-сообщество Узбекистана готовы расширять сотрудничество с Японией и положительно воспринимают её в качестве долгосрочного партнёра – несомненно, это во многом заслуга японской политики «мягкой силы».

Киргизия и Таджикистан в настоящее время не входят в орбиту внешней энергетической политики Японии, поскольку запасов первичных энергоресурсов у них мало. Тем не менее Токио также реализует в отношении этих стран концепцию «мягкой силы», предоставляя им финансирование на нужды развития транспортной и социальной инфраструктуры, медицины, культуры, образования. Конечно, разница очевидна – в 2015 г. в результате поездки Синдзо Абэ по центральноазиатским государствам с Узбекистаном были подписаны предварительные контракты на сумму 8,5 млрд долл., а с Киргизией и Таджикистаном – на суммы 120 млн и 7,5 млн долл. соответственно [Murashkin 2019, p. 26].

Энергетическая политика Японии в отношении Индии выстраивается с учётом огромной ёмкости индийского рынка для экспорта японских технологий. Японские компании участвуют в строительстве промышленного коридора Дели – Мумбаи, занимаясь сооружением современной энергетической и транспортной инфраструктуры. Объём привлекаемых инвестиций – порядка 100 млрд долл., работы ведутся с 2007 г. Около 30 % этого объёма до конца 2020-х гг. согласился предоставить Японский банк международного сотрудничества. Японский бизнес также заинтересован и в развитии возобновляемой энергетики в Индии. С середины 2010-х гг. ведётся строительство нескольких ВЭС и СЭС на территории страны по японским технологиям. Что касается Пакистана, то основные японские инвестиции идут в развитие сети автосборочных предприятий, энергетика не играет заметной роли. Но в 2015–2016 гг. сообщалось о планах японской компании Marubeni по строительству нескольких теплоцентралей в пакистанской столичной агломерации, обсуждались и совместные проекты в сфере ВИЭ. Впрочем, достоверной информации о том, идёт ли их реализация, нет [Печищева, Корнеев 2021, с. 143].

Статус России как важного энергетического партнёра Японии не меняется на протяжении полутора десятилетий, с момента ввода в эксплуатацию нефтегазовых проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2». России отводится роль поставщика, способного внести существенный вклад в диверсификацию направлений японского импорта энергоресурсов, поскольку в настоящий момент до 90 % требуемой стране нефти и до 20 % природного газа закупается в странах Персидского залива. Тем не менее суммарная доля России в японском импорте энергоресурсов не превышает 8 %, что обусловливается в основном политическими причинами – то есть условной ориентацией стран на разные геостратегические лагеря. Но

сотрудничество развивается. В июне 2019 г. консорциум японских компаний приобрёл 10 % акций проекта «Арктик СПГ-2» (оператор – компания НОВАТЭК). Ежегодный объём производства составит 19,8 млн т СПГ в год, а первые поставки в Японию должны осуществиться в 2023 г. Есть и продолжение сахалинских проектов – речь идёт о планах по строительству там нового завода по сжижению природного газа мощностью в 6,2 млн т, что в перспективе обеспечит порядка 10 % потребности Японии в природном газе. Инвестиционная ёмкость – около 9 млрд долл., а соглашение о создании совместного предприятия может быть подписано уже в 2021 г. [Стрельцов 2020, с. 76].

Япония с конца 1980-х гг. покупала в Китае небольшие объёмы угля – примерно 3–5 млн т ежегодно. Однако с середины 2010-х гг. эта практика практически сошла на нет, что не отменяет одного факта: Китай остаётся для Японии крупнейшим торговым партнёром, на него приходится 19 % японского экспорта и 22 % импорта. В энергетической сфере преобладает высокотехнологичное сотрудничество – японские компании поставляют оборудование для строительства ВЭС и СЭС в Китае, строят «традиционные» топливные электростанции, участвуют в модернизации электросетевой инфраструктуры китайских мегаполисов. С 2017 г. наблюдается потепление в японо-китайских отношениях после нескольких лет взаимных упреков и противоречий; тем не менее на международной арене страны являются скорее конкурентами, чем партнёрами, и это в значительной мере препятствует углублению энергетического сотрудничества [Киреева 2020, с. 23]. К тому же китайская промышленность сегодня способна на 80 % обеспечивать страну современным оборудованием, и рыночные ниши для японских компаний постепенно сужаются.

Следует признать, что Япония выстраивает свою энергетическую политику на основе двусторонних отношений со странами-членами ШОС, однако предпринимаются и попытки выработки общего подхода, в числе которых можно отметить формат «С5 + 1» и политику «мягкой силы», опирающуюся на социокультурный фундамент, но с далеко идущими целями торгово-экономического характера.

Новые направления энергетической политики Японии на пространстве ШОС

Китай по-прежнему остаётся главным экспортным рынком для стран Центральной Азии. У этих государств недостаточно собственных средств, чтобы вкладывать их в строительство сети нефте- и газопроводов, что и обуславливает развитие совместных с Китаем проектов в данной сфере. Следует ещё раз отметить, что центральноазиатские республики богаты сырьевыми ресурсами (в контексте ШОС речь идёт о Казахстане и Узбекистане). Разведанные запасы нефти на территории Казахстана составляют около 4 млрд т, на территории Узбекистана – 1 млрд т. Недра Казахстана содержат около 1 трлн м³ природного газа, Узбекистана – 1,2 трлн м³, и это ещё не все подтверждённые запасы [Statistical Review 2020, p. 14–19]. Поэтому Казахстан и Узбекистан вызывают повышенный интерес со стороны нефтегазовых корпораций Китая, а дополнительным фактором служит и удобное расположение центральноазиатских государств у границ КНР.

Если говорить о потенциальном экспорте в Японию, то есть две серьёзные преграды на этом пути. Во-первых, отсутствие у центральноазиатских республик выхода к Тихому океану, что стильно затрудняет логистику. В настоящее время Казахстан поставляет в Японию около 2,5 млн т сырой нефти в год, но маршрут достаточно сложен – сначала

необходимо транспортировать нефть через мощности Каспийского трубопроводного консорциума в порт Новороссийск, а затем морем – в Японию [Abdullayeva, Kambaliyev 2021]. Здесь находится и вторая преграда – зависимость стран Центральной Азии от российской энергетической инфраструктуры. Альтернативные пути сегодня фактически отсутствуют, и в случае серьёзного охлаждения российско-японских отношений поставки из Казахстана могут прекратиться – например, Россия по обоюдному согласию выкупит у Казахстана прописанные в контрактах объёмы поставок в Японию и перенаправит нефть другим потребителям, скорее всего, в Китае.

В связи с этим рассматриваются иные варианты энергетического сотрудничества Японии с центральноазиатскими республиками, которые не столь сильно зависят от внешних обстоятельств и обеспечиваются лишь интенсивностью и глубиной двусторонних отношений. Помимо общих планов по строительству нескольких ВЭС и СЭС на территории Киргизии примерной установленной мощностью 5–10 МВт, можно перечислить ряд проектов. Сразу необходимо отметить, что в основном они касаются модернизации существующей энергетической инфраструктуры. Это актуально для всех стран центральноазиатского региона, входящих в Шанхайскую организацию сотрудничества, но в наибольшей степени японские технологии получают Узбекистан и Казахстан. Например, компании из Японии участвовали в процессе комплексной модернизации Навоийской ТЭС в Узбекистане (суммарной стоимостью 1,2 млрд долл.), от них требовалась установка второй газовой турбины комбинированного цикла мощностью 450 МВт. Проект был успешно завершён в 2018 г. Кроме того, на территории Узбекистана японскими компаниями Marubeni и Itochu в рамках контакта с узбекским правительством на суммы 480 и 600 млн долл. соответственно ведётся геологоразведка урановых месторождений с целью последующей добычи урана для нужд японской атомной энергетики [Dadabaev, Djalilova 2021, p. 120].

Также в 2015 г. Mitsubishi Heavy Industries подписала соглашение о строительстве завода по производству удобрений из природного газа в Узбекистане, а представители корпорации Toshiba не раз заявляли о намерениях предоставить свои технологии для строительства атомных электростанций в Казахстане [Abbas 2015]. Однако эти проекты пока остаются на бумаге. Наоборот, в начале сентября 2021 г. во время проведения Восточного экономического форума (ВЭФ) в г. Владивосток президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев заявил о готовности Казахстана к строительству АЭС по российским технологиям и с привлечением российских специалистов [Ишекенова 2021].

В отличие от стран Центральной Азии, новые формы энергетического сотрудничества Японии с Индией представлены куда более широким спектром. По итогам работы 6-го Индийско-японского межправительственного энергетического саммита (диалога) в 2012 г. было объявлено о привлечении японских компаний к строительству так называемых солнечных городов в Индии – иными словами, населённых пунктов, которые будут снабжаться электроэнергией от СЭС. Цель – сократить на 10 % национальный спрос на ископаемые источники энергии в течение 5 лет. Известно, что строительство нескольких таких городов началось, однако в настоящее время будущее этой дорогостоящей программы под вопросом. Тем не менее за 2010–2020 гг. Япония предоставила Индии по линии ОПР более чем 3 млрд долл., предназначенных для развития инфраструктуры возобновляемых источников энергии [Japan Bank for International Cooperation 2021].

В 2019 г. стороны заключили инвестиционное соглашение на сумму 250 млн долл. на сооружение гидроаккумулирующей электростанции (ГАЭС) мощностью 1 ГВт в округе Пурулия, штат Западная Бенгалия. Строительство на основе японских технологий должно быть завершено к 2027 г. Также к середине 2020-х гг. планируется сдача в эксплуатацию крупного парка СЭС суммарной установленной мощностью 350 МВт в округе Курнул, штат Андхра-Прадеш, строящегося усилиями совместного японо-индийского консорциума SBG Cleantech. Активно развивается и сотрудничество в области новых энергетических технологий (например, варианты производства «зелёного» водорода на территории Индии с последующими поставками в Японию), регулярно организуются профессиональные обмены, научные семинары и обучение студентов из Индии в японских высших учебных заведениях [Renewable Energy Industry in India 2021].

На фоне Индии новые направления энергетического сотрудничества с Пакистаном практически отсутствуют. В 1990-е и 2000-е гг. при помощи японских технологий и инвестиций в Пакистане было построено около 2 ГВт мощностей угольной генерации. В дальнейшем сотрудничество в основном развивалось в рамках предоставления Японией ОПР на различные инфраструктурные проекты, в том числе и в энергетике. В середине 2010-х гг. разрабатывался проект строительства гидроэлектростанции на территории Пакистана, также были планы по модернизации электросетевой инфраструктуры страны под руководством специалистов из Японии. Обсуждались и планы по сооружению предприятий нефте- и газохимии в Пакистане, но без конкретных сроков и целей [Japan's Assistance 2012].

В отношении России японская энергетическая политика носит достаточно противоречивый характер, если рассматривать её через призму инновационного сотрудничества. С одной стороны, Россия по-прежнему важна для Японии как поставщик первичных энергоресурсов, поэтому, несмотря на внешнеполитические разногласия, японские корпорации инвестируют в разработку российских газовых и нефтяных месторождений. С другой стороны, богатые гидроэнергетические ресурсы и подходящие для развития солнечной и ветряной энергетики природно-климатические условия делают привлекательным и совместный бизнес в сфере ВИЭ. Первый пример успешного взаимодействия в этом направлении – строительство ветродизельного комплекса (ВДК) мощностью 3,9 МВт в посёлке Тикси (Якутия) отечественной компанией «РусГидро» и японской Организацией по развитию новых энергетических и промышленных технологий (NEDO). Этот комплекс состоит из ВЭС мощностью 0,9 МВт, дизельной электростанции мощностью 3 МВт и системы аккумулирования электроэнергии. После того как японские компании Komai Haltec, Takaoka Toko и Mitsu завершат в условиях Крайнего Севера испытания комплекса, он будет безвозмездно передан российской стороне. В Токио видят этот проект как демонстрацию возможностей Японии по обеспечению энергоснабжения населённых пунктов вдоль Северного морского пути [Константинов 2021].

Следует отметить, что, начиная с 2016 г., регулярно проводятся заседания Российско-японского консультационного энергетического совета под председательством министров энергетики. Постепенно развивается кооперация России и Японии в научно-исследовательской сфере, касающейся новых энергетических технологий и повышения энергоэффективности ТЭК; есть и проекты по экспорту «зелёного» водорода, который потенциально может производиться в России с использованием мощностей ГЭС и поставляться в Японию морем специально оборудованными для этого газовозами. Вообще,

для продвижения повестки экологически чистой водородной энергетики по инициативе японской стороны в 2017 г. был создан международный «Водородный Совет» – неправительственная организация, объединяющая в своих рядах корпорации и научно-исследовательские организации из Японии, США, стран Западной Европы, Республики Корея, Китая и так далее, ведущие деятельность по разработке и внедрению водородных технологий в энергетике, на транспорте, иных сферах [Hydrogen Council 2021].

Объём накопленных с начала 1990-х гг. японских ПИИ в экономике Китая составляет сегодня примерно 130 млрд долл. США. Из этой суммы около 30 млрд приходится на инвестиции в китайскую энергетику [Kennedy, Goodman 2020], включая строительство и модернизацию топливных электростанций, поставки оборудования для ВЭС, СЭС и ГЭС, участие в проектировании и сооружении электросетевой инфраструктуры местного (распределительные сети) и магистрального (ЛЭП) назначения, поставки транспортного энергетического оборудования, внедрения автоматизированных систем управления. Это далеко не полный список, но необходимо подчеркнуть, что наиболее интенсивным японо-китайское энергетическое сотрудничество было в 1990-е и 2000-е гг., а с 2010-х гг. наблюдается резкое уменьшение числа совместных энергетических проектов. Основная причина – рост конкуренции между китайскими и японскими корпорациями на мировом рынке новых энергетических технологий, а также усиление политических противоречий.

Важным механизмом двусторонней кооперации остаётся ежегодный Японо-китайский форум по энергосбережению и охране окружающей среды. В 2020 г. форум прошёл уже в 14-й раз, и на нём обсуждались вопросы координации усилий по достижению углеродной нейтральности экономик Японии и Китая за счёт широкого внедрения технологий возобновляемой и водородной энергетики, обеспечения лучшей энергоэффективности работы промышленных производств, строительной и транспортной отрасли, сферы услуг. Ключевая задача форума – обмен передовым опытом в сфере стратегического развития энергетики [The 14th Japan-China Forum 2020]. Значительную роль в этом свете играет привлечение японских компаний к инвестированию в перспективные энергетические проекты в рамках китайской инициативы «Один пояс и один путь». Основной акцент идёт на меры по реализации проектов, способствующих достижению углеродной нейтральности. Между китайскими и японскими корпорациями продолжаются переговоры по формированию общего инвестиционного портфеля, который должен обеспечивать деятельность нескольких совместных предприятий по строительству ВЭС и СЭС в странах Юго-Восточной Азии – Таиланде, Вьетнаме, Индонезии и других. Примерный объём таких инвестиций может достигать 1 млрд долл. [Belt and Road Economics 2019, p. 61–64].

Тем не менее вряд ли стоит ожидать серьёзного роста масштабов японо-китайской кооперации в энергетической сфере, поскольку взгляды сторон на этот процесс и его вероятные результаты существенно различаются. Япония стремится к наращиванию своих позиций как лидирующего поставщика новых энергетических технологий в азиатском регионе, в то время как Китай, помимо той же задачи, хочет связать системой контрактов и обязательств потенциальных участников инициативы «Один пояс и один путь», продвигая, таким образом, идею глобализации «по-китайски». В дальнейшем японская энергетическая политика в отношении Китая в большей степени будет реализовываться в научно-исследовательской сфере и также в режиме двусторонних консультаций по актуальным вопросам энергосбережения, энергоэффективности и новых технологий [Xie 2020, p. 15].

Заключение

Учитывая характер и суть энергетической политики Японии в отношении отдельных стран-членов Шанхайской организации сотрудничества, можно выделить три ключевых направления взаимодействия Японии с рассматриваемыми государствами евразийского пространства в целом, помимо традиционной торговли первичными энергоресурсами:

1. Обновление энергетической инфраструктуры, имеющей высокий износ, за счёт поставок японского оборудования и использования японских технологий. Основным получателем японской финансовой и технологической помощи в этой сфере является Узбекистан; японская ассоциация NEDO в конце 2000-х гг. также разрабатывала проект модернизации трубопроводной системы Казахстана, но он остался на бумаге. В 1990-е и 2000-е гг. японские компании модернизировали несколько НПЗ в России, а в Китае участвовали в обновлении электросетевой инфраструктуры мегаполисов.

2. Японские инвестиции в развитие возобновляемой и водородной энергетики, создание совместных предприятий в этой сфере. Здесь у Японии есть положительный опыт сотрудничества практически со всеми странами-членами ШОС, особенно с Индией и Китаем, но это направление в принципе укладывается в парадигму разработки и продажи новых энергетических технологий, чему Япония уделяет особое внимание.

3. Программы обучения в Японии студентов из стран Центральной Азии, России, Китая, Индии и Пакистана по специальностям энергетического профиля. С середины 2000-х гг. растёт число обменных программ между японскими ВУЗами и высшими учебными заведениями центральноазиатских государств. Например, в рамках соглашения по предоставлению стипендий для подготовки кадров между правительством Республики Узбекистан и Японским агентством международного сотрудничества в 2000–2019 гг. в Японии прошли обучение 345 студентов из Узбекистана. Планируется удвоить это число к 2024–2025 гг. [Отчёт по результатам подготовительного исследования, 2020].

Известно, что в Японии ежегодно обучаются студенты из России и Казахстана, несколько сотен студентов из Индии и Китая (точные данные на этот счёт найти сложно) каждый год поступают в японские ВУЗы. Тенденция очевидна – японские достижения в развитии новых энергетических технологий и в управлении энергетической отраслью в условиях постоянного риска возникновения природных и техногенных катастроф являются передовыми, что признаётся во всём мире, а страны азиатского региона зачастую сталкиваются с похожими проблемами, поэтому интерес закономерен.

Также очевидно, что в плане многоуровневого взаимодействия с Японией самые весомые позиции среди всех центральноазиатских государств, входящих в ШОС, имеет Узбекистан. Это обусловлено как его относительно независимой внешней политикой (страна не входит ни в ЕАЭС, ни в ОДКБ – ключевые инструменты российского влияния в ЦА, с осторожностью рассматривает предложения Китая в рамках инициативы «Один пояс и один путь»), так и хорошим потенциалом развития энергетических отраслей и экономики вообще. Уровень жизни населения постепенно растёт, и ёмкий узбекский рынок во всё возрастающей мере становится ареной конкуренции российских, японских и китайских компаний. На 2020-е гг. анонсировано значительное количество совместных японо-узбекских проектов, и Узбекистан имеет все шансы стать примером небольшого евразийского государства, которое

умело балансирует между крупными игроками в регионе и развивает свою экономику, опираясь на технологии и инвестиции сразу нескольких важных партнёров.

Таким образом, несмотря на то, что Япония не имеет единого вектора энергетической политики в отношении ШОС как структуры, есть несколько пересекающихся и затрагивающих все страны-члены Организации принципов, проистекающих из общей стратегии действий японских корпораций на развивающихся рынках (к ним по-прежнему относят и Китай) в условиях изменения мирового технологического ландшафта в энергетике. Тем не менее очевидно, что Япония в принципе выстраивает различные модели кооперации с отдельными странами-членами ШОС, и вопрос о сотрудничестве с Организацией как единой структурой в настоящее время на повестке дня не стоит в основном по геополитическим причинам. Однако в случае изменения внешнеполитической обстановки наработанный опыт взаимодействия между Японией и отдельными странами-членами ШОС может стать важным фундаментом для институционализации уже многостороннего сотрудничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Добринская О.А. Осуществление политики «мягкой силы» Японии на примере отношений с Центральной Азией // Актуальные проблемы современной Японии. 2018. № 32. С. 7–21.

Ивахненко И. Кашаган – огромные запасы нефти и проблем // Нефть Капитал. 13.07.2020. <https://oilcapital.ru/article/general/13-07-2020/kashagan-ogromnye-zapasy-nefti-i-problem> (дата обращения: 30.08.2021).

Ишекенова Б. Готов ли Казахстан к АЭС? // LS Aqparat. 03.09.2021. <https://lsm.kz/skolko-mozhet-stoit-stroitelstvo-aes-v-kazahstane> (дата обращения: 04.09.2021).

Кадирова З. Япония – надёжный партнёр Узбекистана // Национальное информационное агентство Узбекистана. 28.07.2020. <https://uza.uz/ru/posts/yaponiya-nadezhnyu-partner-uzbekistana-28-07-2020> (дата обращения: 31.08.2021).

Киреева А.А. Новая историческая веха в китайско-японских отношениях: насколько глубоко потепление и что за ним стоит? // Японские исследования. 2020. № 1. С. 21–47.

Константинов В. Точки взаимодействия // Российская газета. 30.03.2021. <https://rg.ru/2021/03/30/kak-razvivaiutsia-rossijsko-iaponskie-ekonomicheskie-proekty.html> (дата обращения: 01.09.2021).

Мамадазимов А. Эволюция японского формата «C5 + 1» в сторону глобализации // Central Asian Analytical Network. 14.05.2021. <https://www.caa-network.org/archives/21828/evolyucziya-yaponskogo-formata-s-5-1-v-storonu-globalizaczii> (дата обращения: 01.09.2021).

Нургалиев М. Перспективы Японии в Шанхайской организации сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 1(61). С. 109–117.

Отчёт по результатам подготовительного исследования проекта по предоставлению стипендий для подготовки кадров Республики Узбекистан. Июнь 2020 г. <https://openjicareport.jica.go.jp/pdf/12092664.pdf> (дата обращения: 29.10.2021).

Печищева Л.А., Корнеев К.А. Япония и Индия: эволюция формата стратегического сотрудничества // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2021. № 1. С. 139–149.

Стрельцов Д.В. Российско-японские отношения: долгосрочные факторы развития // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 13(3). С. 68–85.

REFERENCES

Dobrinskaya, O. (2018). Osuschestvlenie politiki “myagkoi sily” Yaponii na primere otnoshenii s Tsentral’noi Aziei [Japan’s Soft Power Policy: The Case of Central Asia]. *Aktual’nye problemy sovremennoi Yaponii*, 32, 7–21. (In Russian).

Ishekenova, B. (2021, September 03). Gotov li Kazakhstan k AES? [Is Kazakhstan Ready for a Nuclear Power Plant]. *LS Aqparat*. Retrieved September 04, 2021, from <https://lsm.kz/skol-komozhet-stoit-stroitel-stvo-aes-v-kazahstane> (In Russian).

Ivakhnenko, I. (2020, July 13). Kashagan – ogromnye zapasy nefi i problem [Kashagan – Huge Reserves of Oil and Problems]. *Neft Kapital*. Retrieved August 30, 2021, from <https://oilcapital.ru/article/general/13-07-2020/kashagan-ogromnye-zapasy-nefti-i-problem> (In Russian).

Kadirova, Z. (2020, July 28). Yaponiya – nadezhnyi partner Uzbekistana [Japan is a Reliable Partner of Uzbekistan]. *Natsional’noe Informatsionnoe Agentstvo Uzbekistana*. Retrieved August 31, 2021, from <https://uza.uz/ru/posts/yaponiya-nadezhnyy-partner-uzbekistana-28-07-2020> (In Russian).

Kireeva, A. (2020). Novaya istoricheskaya vekha v kitaisko-yaponskikh otnosheniyakh: naskol’ko gluboko poteplenie i chto za nim stoit? [A New Historic Era in China-Japan Relations: How Deep is Rapprochement and What are the Reasons]. *Japanese Studies in Russia*, 1, 21–47. (In Russian).

Konstantinov, V. (2021, March 30). Tochki vzaimodeistviya [Interaction points]. *Rossiiskaya gazeta*. Retrieved September 01, 2021, from <https://rg.ru/2021/03/30/kak-razvivaiutsia-rossijsko-iaponskie-ekonomicheskie-proekty.html> (In Russian).

Mamadazimov A. Evolyutsiya yaponskogo formata “C5 + 1” v storonu globalizatsii [The Evolution of the Japanese “C5 + 1” Format Towards Globalization]. *Central Asian Analytical Network*. Retrieved September 01, 2021, from <https://www.caa-network.org/archives/21828/evolyucziya-yaponskogo-formata-s-5-1-v-storonu-globalizaczii> (In Russian).

Nurgaliev, M. (2009). Perspektivy Yaponii v Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva [Japan’s Prospects in the Shanghai Cooperation Organization]. *Tsentral’naya Aziya i Kavkaz*, 1 (61), 109–117. (In Russian).

Otchet po rezul’tatam podgotovitel’nogo issledovaniya proekta po predostavleniyu stipendii dlya podgotovki kadrov Respubliki Uzbekistan [Report on the Results of the Preparatory Study of the Project on the Provision of Scholarships for the Republic of Uzbekistan’s Personnel Education]. (June 2020). Retrieved October 29, 2021, from <https://openjicareport.jica.go.jp/pdf/12092664.pdf> (In Russian).

Pechishcheva, L. & Korneev, K. (2021). Yaponiya i Indiya: evolyutsiya formata strategicheskogo sotrudnichestva [India and Japan. Evolution of the Strategic Cooperation Format]. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, 1, 139–149. (In Russian).

Streltsov, D. (2020). Rossiisko-yaponskie otnosheniya: dolgosrochnye faktory razvitiya [Russian-Japanese Relations: Long-Term Development Factors]. *MGIMO Review of International Relations*, 13 (3), 68–85. (In Russian).

* * *

Abbas, N. (2015, October 28). Japan Pursues Technology-for-Energy Diplomacy in Central Asia. *EastWest Institute*. Retrieved September 2, 2021, from <https://www.eastwest.ngo/idea/japan-pursues-technology-energy-diplomacy-central-asia>

Abdullayeva, Z. & Kambaliyev, A. (2021, February 05). Kazakhstan: Oil and Gas Laws and Regulations. *Iclg.com*. Retrieved October 28, 2021, from <https://iclg.com/practice-areas/oil-and-gas-laws-and-regulations/kazakhstan>

Belt and Road Economics: Opportunities and Risks of Transport Corridors. (2019). Washington: International Bank for Reconstruction and Development.

Dadabaev, T. & Djalilova, N. (2021). Connectivity, Energy, and Transportation in Uzbekistan's Strategy vis-à-vis Russia, China, South Korea, and Japan. *Asia Europe Journal*, 19, 105–127.

Hydrogen Council Adds Fourteen New Members. (2021, July 07). *Hydrogen Council*. Retrieved September 3, 2021, from <https://hydrogencouncil.com/en/newmembers-newcochair-july2021/>

Japan Bank for International Cooperation Press Releases (2005-2021 Data). Retrieved September 6, 2021, from <https://www.jbic.go.jp/en/information/press/environment.html>

Japan's Assistance to Pakistan in Energy Sector. (June 2012). Retrieved September 3, 2021, from <https://www.pk.emb-japan.go.jp/JapanPakistanRelations/Energy-Sector.pdf>

Kennedy, S. & Goodman, M. (2020, July 07). Decoupling Kabuki: Japan's Effort to Reset, Not End Its Relationship with China. *CSIS*. Retrieved September 6, 2021, from <https://www.csis.org/analysis/decoupling-kabuki-japans-effort-reset-not-end-its-relationship-china>

Murashkin, N. (2019). *Japan and Central Asia. Do Diplomacy and Business Go Hand-in-Hand?* Paris: IFRI Centre for Asian Studies.

Renewable Energy Industry in India. (2021, September 03). *India Brand Equity Foundation*. Retrieved September 7, 2021, from <https://www.ibef.org/industry/renewable-energy.aspx>

Statistical Review of World Energy. (2020). London: BP Energy Outlook Publications.

The 14th Japan-China Energy Conservation and Environment Forum Held. (2020, December 21). *METI*. Retrieved September 8, 2021, from https://www.meti.go.jp/english/press/2020/1221_004.html

Xie, Z. (2020). Energy Insecurity and Renewable Energy Policy: Comparison between the People's Republic of China and Japan. *ADB Working Paper Series*, 1085, 1–17.

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-62-78

Предварительные итоги «тихой» олимпиады в Токио

А.В. Белов

Аннотация. В июле – сентябре 2021 г. в Токио состоялись 32-е олимпийские и паралимпийские игры, которые имели несколько важных особенностей. Прежде всего, соревнования прошли в период пандемии COVID-19. Неудивительно, что проведение игр пришлось отложить на год, основные мероприятия состоялись без зрителей, круг участников был ограничен.

Тем не менее, спортивные итоги проведённых игр заслуживают высокой оценки. Об этом свидетельствует большое число участников из многих стран, широкий перечень представленных видов спорта, высокие результаты и множество мировых и олимпийских рекордов. Японские спортсмены завоевали наибольшее число медалей за всю историю участия в олимпийском движении. Меры по борьбе с распространением инфекции среди олимпийцев оказались весьма эффективными. Низкое число зарегистрированных заболеваний в олимпийской деревне и отсутствие случаев передачи вируса от спортсменов волонтерам и обслуживающему персоналу подтвердили действенность антиэпидемических мер. Неудивительно, что на таком фоне общественное мнение в Японии в период проведения игр развернулось от отрицательных к положительным оценкам. Экономические итоги проведения олимпиады пока не подведены. Однако очевидно, что дополнительные затраты на противоинфекционные мероприятия, потеря выручки от продажи билетов и непредвиденные расходы привели к снижению потенциального экономического эффекта. Пожалуй, сложнее всего обстоит дело с символическими аспектами игр. Как известно, олимпиада должна была стать символом завершения «потерянных десятилетий», восстановления после цунами, землетрясения и атомной аварии 2011 г., свидетельством технологического прогресса Японии, инструментом повышения туристической привлекательности страны. К сожалению, в ходе олимпиады эти аспекты не удалось полностью реализовать, т.е. символические итоги не оправдали ожиданий.

Проведение олимпиады в разгар пандемии было скептически воспринято жителями многих стран. Тем не менее, итоговые оценки со стороны официальных лиц, а также общественного мнения Японии оказались положительными. Это говорит о том, что решение о проведении игр было верным, а сами состязания внесли весомый вклад в историю олимпийского движения.

Ключевые слова: Япония, олимпийские игры, пандемия COVID-19, экономический эффект спортивных мероприятий, общественное восприятие олимпийских игр, наследие олимпийских игр.

Автор: Белов Андрей Васильевич, доктор экономических наук, профессор Университета префектуры Фукуи (адрес: Япония, 910-1195, Фукуи, Ёсида-гун, Эйхэйдзи-тё, Мацуока-Кэндзёдзима, 4-1-1). ORCID: 0000-0002-8703-8487; E-mail: abelov@fpu.ac.jp

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Белов А.В. Предварительные итоги «тихой» олимпиады в Токио // Японские исследования. 2021. № 4. С. 62–78. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-62-78

«Quiet» Olympics in Tokyo and its preliminary results

A.V. Belov

Abstract. The 32nd Olympic and Paralympic Games, held in Tokyo in July-September 2021, had several important features, one being the events taking place amid the worldwide COVID-19 pandemic. It is not surprising that the Games were postponed for a year, the main events held without spectators, and the number of foreign visitors, officials, and support staff severely limited.

Nevertheless, the results of the sporting events were highly commendable. One should take note of the long list of participants from many countries, the variety of competitive events, and the number of world and Olympic records made. In addition, Japan recorded its best Olympic performance so far in terms of medals won. Measures to control the spread of infection also proved to be highly effective. Only a handful of cases were reported in the Olympic Village, and lack of transmission of the virus from the athletes to the volunteers and service personnel is proof of the effectiveness of the measures taken. It is not surprising that the Games' public perception in Japan gradually transitioned from negative to positive. The Games' economic benefits, however, need further assessment, as additional outlays for the implementation of anti-infection measures, ticket revenue loss, and some extra costs will likely mean lower economic benefits. Perhaps the most difficult task though is assessing what the Games symbolized. Tokyo's bid to host these Games was viewed as an effort to move on from the prolonged "lost decades," a sign of recovery after the triple disaster of March 11, 2011, a way to showcase Japan's technological prowess, and a tool to improve the country's tourist destination image, among other things. Unfortunately, these aspects were poorly addressed during the Games, that is, the results of efforts made fell short of expectations.

Nonetheless, in spite of some initial skepticism, the final international assessments as well as public opinion in Japan turned out to be overwhelmingly positive. This indicates that the decision to hold the Games was correct, and the sporting extravaganza made a significant contribution to the Olympic movement.

Keywords: Japan, Olympic Games, COVID-19 pandemic, public perception of the Olympic Games, economic impact of sporting events, legacy of the Olympic Games.

Author: Belov Andrey V., Doctor of Sciences (Economics), Professor, Fukui Prefectural University (address: Japan, 910-1195, Fukui, Yoshida-gun, Eihei-cho, Matsuoka-Kenjojima, 4-1-1). ORCID: 0000-0002-8703-8487; E-mail: abelov@fpu.ac.jp

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Belov A.V. (2021). Predvaritel'nyye itogi «tikhoi» olimpiady v Tokio [«Quiet» Olympics in Tokyo and its preliminary results]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 4, 62–78. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-62-78

Введение

В июле-сентябре 2021 г. в Токио состоялись 32-е олимпийские и паралимпийские игры, которые имели несколько важных особенностей. Прежде всего, соревнования прошли в период пандемии COVID-19. Неудивительно, что проведение игр пришлось отложить на год, основные мероприятия состоялись без зрителей, круг участников был ограничен. Перечисленные особенности серьезно повлияли на формы проведения состязаний и результаты, которые получила страна-организатор. В данной статье сделана попытка обобщить соответствующие источники и проанализировать спортивные и медицинские аспекты проведения игр, динамику общественного мнения, некоторые экономические итоги

и символическое значение прошедшей олимпиады. В статье использованы научные статьи из баз Web of Science, Econlit и Ebsco, материалы МОК и японских организаторов олимпиады, а также публикации японских и международных СМИ. Исследование проведено методом сравнительного анализа текстов источников и сопоставления заявленных целей и полученных результатов.

В первой части работы рассмотрены спортивные итоги состоявшихся игр и достижения японской сборной. Вторая часть посвящена анализу мер по борьбе с распространением инфекции среди олимпийцев, приведены критерии оценки их эффективности и дан общий обзор эпидемической ситуации в Японии. В третьей части исследованы факторы и динамика общественного мнения по вопросу проведения игр. В четвёртой части предметом исследования являются некоторые экономические эффекты, полученные в ходе подготовки и проведения соревнований. Пятая часть статьи затрагивает, пожалуй, наиболее сложный вопрос, связанный с символическим значением проведённых игр. С символической точки зрения олимпиада должна была завершить «потерянные десятилетия», показать успехи в восстановлении после землетрясения и цунами 2011 г., продемонстрировать достижения технического прогресса и повысить привлекательность страны для иностранных туристов. Надёжных показателей степени реализации поставленных целей пока не предложено, поэтому в данной части исследование ограничено анализом доступной информации и обобщениями на основе личного мнения автора. В заключении статьи упомянуты официальные оценки проведённых игр и сделан вывод о том, что решение о проведении игр было верным, а сами состязания внесли весомый вклад в историю олимпийского движения.

Спортивные итоги олимпиады Токио-2020

Спортивные итоги проведённых игр заслуживают высокой оценки и сами по себе, и в сравнении с другими олимпиадами. Об этом свидетельствует большое число участников из многих стран, широкий перечень представленных видов спорта, высокие результаты и множество мировых и олимпийских рекордов. Некоторые сравнительные характеристики игр приведены в табл. 1.

Таблица 1. Основные характеристики олимпийских и паралимпийских игр Токио-2020 и в Рио-де-Жанейро-2016 (в скобках)

Показатель	Олимпийские игры	Паралимпийские игры
Дата проведения	23 июля – 8 августа 2021 г. (5–21 августа 2016 г.)	24 августа – 5 сентября 2021 г. (9–18 сентября 2016 г.)
Спортсмены, чел.	11 656 (12 500)	4 403 (4 350)
Команды	205+1* (206)	161+1* (176)
Виды спорта	33 (28)	22 (22)
Число стартов	339 (306)	539 (528)
Мировые рекорды	17 (27)	69 (220)
Олимпийские рекорды	24 (91)	124 (432)

* Олимпийская команда МОК для беженцев и лиц без гражданства.

Источник: Tokyo 2020 // International Olympic Committee (IOC). 2021. <https://olympics.com/tokyo-2020/olympic-games/en/results/all-sports/medal-standings.htm> (дата обращения: 21.09.2021).

Как показывают статистические данные, несмотря на проведение олимпиады в условиях пандемии COVID-19, в ней приняло участие если не рекордное, то достаточно большое количество спортсменов и национальных команд. А вот по числу видов спорта, осуществлённых стартов и разыгранных медалей игры Токио-2020 стали наиболее представительными за всю историю олимпийского движения. Кроме того, 49 % участников олимпийских игр и 40,5 % спортсменов паралимпиады составили женщины, что сделало Токио-2020 наиболее сбалансированными в гендерном отношении¹. Расширение спектра олимпийских видов спорта позволило привлечь к состязаниям спортсменов разных возрастов. Самой молодой золотой медалистке (скейтбордистке М. Нисия из Японии) было всего 13 лет, а самой старшей (наезднице Дж. Брэдоу-Верндл из Германии) – 52 года. Серебряные медали получили и 12-летняя скейтбордистка из Японии К. Хираки, и 62-летний наездник А. Хой из Австралии. Очевидно, что инклюзивность и разнообразие в спортивном, гендерном и возрастном отношении стали важными характеристиками игр Токио-2020.

Несколько расширился также и перечень стран, завоевавших на соревнованиях награды высшего достоинства. Золотые медали на олимпиаде и паралимпиаде в Токио получили представители 63 и 59 стран (на прошлых играх в Рио-де-Жанейро эти цифры составляли, соответственно, 59 и 62).

Японские спортсмены завоевали на состязаниях олимпиады 58 медалей (в том числе 27 золотых, 14 серебряных и 17 бронзовых) и заняли третье место по числу золотых и пятое – по общему количеству наград. Это самый крупный успех японской команды за всю историю участия в олимпийском движении. Всего начиная с 1912 г. Япония получила 439 медалей, в том числе 41 награду (12 золотых) на играх в Рио-де-Жанейро в 2016 г. Наиболее результативно на олимпийских играх традиционно выступали японские спортсмены по спортивной гимнастике (98 медалей, в том числе 31 золотая), дзюдо (84/39), плаванию (80/22), вольной борьбе (56/28), лёгкой атлетике (25/7), тяжёлой атлетике (14/2), синхронному плаванию (14/0) и классической борьбе (13/4).

Рекордные результаты японских олимпийцев в Токио-2020 отражают, прежде всего, их высокий спортивный уровень, развитую систему подготовки, прекрасную спортивную инфраструктуру и наличие в стране всех компонентов спорта высоких достижений. Важным дополнением к этому стал сам факт проведения олимпиады в Японии. Действительно, Япония выставила для участия в соревнованиях 556 участников в 37 видах спорта (против 338 в 30 видах на прошлой олимпиаде). Только команда США оказалось более многочисленной (613 спортсменов), но даже они выступали в меньшем количестве дисциплин (35). Японским участникам не нужна была акклиматизация после длительного путешествия, на них не распространялись требования обязательного карантина, они пользовались всеми преимуществами выступления «на своём поле». Кроме того, Япония как принимающая сторона предложила для включения в олимпийскую программу чрезвычайно популярные в стране софтбол, карате, скейтбординг, спортивное скалолазание и серфинг. Японские спортсмены завоевали золото в четырёх из пяти перечисленных видов спорта.

Значительных успехов добились также и японские паралимпийцы, которые заняли 11

¹ Здесь и далее о спортивных итогах: Tokyo 2020 // International Olympic Committee (IOC). 2021. <https://olympics.com/tokyo-2020/olympic-games/en/results/all-sports/medal-standings.htm> (дата обращения: 21.09.2021).

место и в «золотом», и в общем медальном зачёте. Это не лучшее достижение параолимпийской команды Японии: в 2004 г. в Афинах японская сборная находилась на 10-м месте с 52 медалями, включая 17 золотых. Однако смена поколений и травмы некоторых участников привели к тому, что на предыдущей паралимпиаде в Рио японские спортсмены остались вообще без наград высшей пробы. Неудивительно, что на Токио-2020 возлагались большие надежды, которые в значительной степени оправдались. Добавим также, что первое выступление паралимпийцев Японии состоялось в 1964 г. на играх в Токио. Это событие во многом изменило общественное восприятие параспорта в стране. За время участия в паралимпиадах японская команда получила 514 наград, в том числе 150 золотых, 170 серебряных и 193 бронзовых.

К сожалению, сбылись не все спортивные прогнозы. Не смогла пробиться в финал пловчиха Р. Икээ, два года назад победившая лейкемию и ставшая примером человеческой стойкости и спортивного упорства. В третьем раунде проиграла теннисистка Н. Осака, зажигавшая олимпийский огонь и являвшаяся безусловной фавориткой в борьбе за олимпийское золото. В то же время, у японской команды появились новые герои: сестры Каваи Рисако и Юако завоевали медали высшей пробы в вольной борьбе, брат и сестра Абэ Хифуми и Ута стали чемпионами по дзюдо, М. Нисия получила золотую медаль по скейтбордингу в возрасте 13 лет. Награду высшей пробы завоевал паралимпиец С. Куниэда, который возглавляет мировой рейтинг теннисистов на инвалидных колясках. Японские атлеты, безусловно, подтвердили свой высочайший уровень и статус страны как одной из ведущих спортивных держав мира.

Пожалуй, главной особенностью Токио-2020 стало проведение большинства спортивных соревнований без зрителей. Это связано с тем, что перед началом олимпиады в Японии начался подъём заболеваемости коронавирусом, в Токио и ряде других префектур был объявлен режим чрезвычайной ситуации и автоматически отменены все крупные общественные мероприятия. В результате зрители присутствовали лишь на отдельных олимпийских соревнованиях, проходивших за пределами центральных регионов, например, на футбольном матче в префектуре Мияги 28 июля и на велосипедных гонках в Сидзуока 2 августа.

Влияние отсутствия болельщиков на спортивные результаты довольно сложно определить. По крайней мере, предыдущие исследования, в том числе проведённые уже во время пандемии, содержат очень неоднозначные выводы. Например, представительный анализ футбольных матчей во время чемпионата Европы-2020 не выявил значимого влияния пустых трибун на результаты [Wunderlich, Weigelt, Rein, Memmert 2021]. А вот биатлонисты на мировом первенстве 2021 г. в Словении продемонстрировали весьма сложную реакцию, которая оказалась зависима и от гендерной принадлежности, и от характера спортивной активности. В частности, мужчины в присутствии зрителей лучше бегали (использовали преимущества хорошей физической подготовки), но хуже стреляли (связано с концентрацией внимания), а женщины показывали прямо противоположные результаты [Heinrich, Müller, Stoll, Cañal-Bruland 2021]. Специальных исследований на материалах Токио-2020 пока не проводилось, то есть точных выводов о связи спортивных результатов и пустых трибун сделать нельзя.

В то же время, при сравнимом числе участников в Токио-2020 и в Рио-2016 на соревнованиях в японской столице было установлено значительно меньше мировых и

олимпийских рекордов (табл. 1). Вероятно, это стало результатом комплексного действия целого ряда факторов, среди которых следует учесть и антивирусные мероприятия (неизвестное влияние вакцин, утомительные перелёты, сложные процедуры въезда, карантинные требования, ограничения социальных контактов и т.п.), и непростые для адаптации климатические особенности Японии в период соревнований (сильная жара при высокой влажности), и снижение использования запрещённых препаратов (выявлено 6 случаев допинга против 16 в Рио-2016). В таких условиях отсутствие поддержки со стороны зрителей на трибунах вполне могло негативно повлиять на психологический настрой спортсменов и на их спортивные достижения.

Антивирусная защита на соревнованиях Токио-2020

В Японии, по сравнению с другими развитыми странами, отмечается небольшое число заболевших и умерших от COVID-19. Причины этого, скорее всего, связаны с фактическим закрытием границ сразу после начала пандемии, а также с эффективными мерами предотвращения распространения инфекции внутри страны. Антиинфекционная политика Японии существенно отличается и от практики США (мягкий пограничный контроль, жёсткие внутренние ограничения и ускоренная вакцинация), и от действий Китая («нулевая терпимость» к коронавирусу, строгие меры и на внешних рубежах, и внутри страны). В известном смысле Япония старается прагматически использовать преимущества и американской, и китайской модели. По-видимому, японский подход к борьбе с COVID-19 лучше всего описывают следующие формулировки: постоянный жёсткий контроль въезда, «пульсирующие» мягкие внутренние ограничения и вакцинация «в порядке очереди» с выделением приоритетных групп населения [Белов 2021; Белов, Тихоцкая 2020].

Перед началом олимпиады в июле 2021 г. в Японии было зарегистрировано 818 тыс. заболевших (34 место в мире) и 14,9 тыс. умерших (37 место), заболеваемость составила 6,5 тыс. на 1 млн населения (142 место), смертность достигла 119 чел. на 1 млн (134 место) (табл. 2).

Таблица 2. Ситуация с COVID-19 (июль 2021 г.)

Страна	Число заболевших*		Число умерших*		Избыточная смертность**	
	всего	на млн чел.	всего	на млн чел.	всего	на млн чел.
В мире всего	187 642 740	24 073	4 049 289	520	н.д.	н.д.
1 США	34 732 753	104 305	622 845	1 870	597 490	18
2 Индия	30 874 376	22 150	408 792	293	н.д.	н.д.
3 Бразилия	19 089 940	89 160	533 546	2 492	428 880	20
4 Франция	5 812 639	88 849	111 325	1 702	81 690	13
5 Россия	5 783 333	39 612	143 002	979	494 610	34
...						
34 Япония	818 690	6 493	14 948	119	–11 280	–0,9

...							
85	Корея	169 146	3 296	2 044	40	–4 820	–0,9

Источники:

* COVID-19 Coronavirus Pandemic // Worldometer. 2021.
<https://www.worldometers.info/coronavirus/> (дата обращения: 21.09.2021);

** Tracking covid-19 excess deaths across countries // Economist. 2021.
<https://www.economist.com/graphic-detail/coronavirus-excess-deaths-tracker> (дата обращения: 21.09.2021).

Важно отметить, что вплоть до августа 2021 г. в стране наблюдалась отрицательная «избыточная смертность», т.е. от всех причин умирало меньше людей, чем до пандемии. Такая ситуация наблюдалась всего в нескольких странах мира и возникла в результате снижения подвижности и социальной активности населения, из-за чего в период пандемии меньше жителей погибало от острых заболеваний, несчастных случаев, транспортных аварий и т.д. Однако, во второй половине 2021 г. в Японии началось быстрое распространение опасного дельта-штамма коронавируса, и положение дел резко изменилось.

С конца июня рост заболеваемости приобрёл лавинообразный характер. Если 22 июня было зафиксировано 1 443 случая новых заражений, то к открытию олимпиады 23 июля это число составило 4 082 и продолжало увеличиваться вплоть до 21 августа, пока не достигло пика в 25 380 случаев. В начале июля начался неизбежный прирост числа тяжёлых больных и смертельных исходов. По данным на 21 сентября 2021 г. с начала пандемии от коронавируса скончалось 17 248 чел., из них в последние 3 месяца умерло 3,7 тыс., а с начала года – около 13,4 тыс. заболевших.

В некоторых регионах увеличение нагрузки на систему здравоохранения привело её к состоянию кризиса². Ярким свидетельством этого стал вынужденный отказ в июле от обязательной госпитализации всех заражённых и переход к практике лечения на дому для больных с мягкими и средними симптомами. К 27 августа число «домашних» пациентов достигло 118 035 человек³. В большинстве регионов Японии этим людям доставляли бесплатное питание и обеспечивали регулярное медицинское наблюдение, а при необходимости – направляли в стационары. Однако, к сожалению, часть больных умирала дома. За март – август 2021 г. полиция сообщила о 817 случаях таких смертей, из которых 250 пришлось на последний месяц указанного периода⁴. Наблюдение за лечащимися на дому пациентами легло на плечи региональных центров здравоохранения, которые, соответственно, утратили возможность искать источники и ликвидировать очаги заражения. Это привело к вынужденному снижению стандартов борьбы с распространением инфекции внутри страны.

² Tsukimori, O. (2021). The Hospital Conundrum: Why Tokyo's Health System is Overflowed with COVID-19 Patients // Japan Times. 2021, September 15. <https://www.japantimes.co.jp/news/2021/09/14/national/hospital-system-tokyo-coronavirus/> (дата обращения: 21.09.2021).

³ Корона дзютаку рёёся энкоку де 11.8 ман нин [Пациенты с коронавирусом, лечащиеся на дому, 118 тыс. человек] // Nihon Keizai Shinbun. 2021, 27 августа. <https://www.nikkei.com/article/DGXZQOUA27BH10X20C21A8000000/> (дата обращения: 21.09.2021).

⁴ Корона кансэн дзютаку дэ сибо сита хито 8 гацу ва 250 нин [250 человек с коронавирусом умерли дома в августе] // NHK. 2021, 13 сентября. https://www3.nhk.or.jp/news/special/coronavirus/medical/detail/detail_166.html (дата обращения: 21.09.2021).

В дополнение к этому законопослушные жители Японии начали демонстрировать признаки усталости от периодически вводимых и ослабляемых ограничений, какими бы символическими они ни казались при взгляде со стороны. В частности, данные Apple Mobility Data (число запросов на составление маршрутов для пешеходов, автомобилей и общественного транспорта) зафиксировали заметное снижение подвижности граждан в апреле-мае 2020 и январе 2021 г., т.е. в период первых всплесков заболеваемости. Однако, когда дело дошло до пятой волны в мае-июне 2021 г., ограничения уже не вызвали соответствующей реакции населения⁵.

Фактически, среди действенных мер борьбы с распространением инфекции у японских властей осталась только массовая вакцинация. Прививки от коронавируса начали делать в Японии с февраля 2021 г. Приоритет получили медицинские работники, в апреле подошла очередь жителей в возрасте 65 лет и старше, и наконец, с июня – всех остальных категорий населения. На первом этапе вакцинации зависимость от импортных поставок, внутренние проблемы логистики и задержка с одобрением препарата AstraZeneka привели к некоторому запаздыванию по сравнению со многими развитыми странами. В результате, к июлю, месяцу начала олимпиады, две прививки в Японии сделали только 16,8 % жителей против 50,8 % в Великобритании и 47,5 % в США. Отметим, что в августе – сентябре иммунизация в Японии набрала скорость. Более половины жителей Японии получили две дозы вакцины, что примерно соответствовало средним цифрам, характерным для крупных развитых стран.

Однако в первой половине 2021 г. в Японии складывалась очень сложная ситуация: на фоне сравнительно низких показателей заболеваемости и смертности наблюдалась неблагоприятная динамика, росла нагрузка на систему здравоохранения, доля вакцинированного населения была ниже ожидаемой. В этих условиях правила проведения олимпиады Токио-2020 неизбежно должны были отличаться от других крупных международных событий, прошедших в период пандемии в США (чемпионат мира по гольфу 25–28 февраля 2021 г.) или в Великобритании (финал чемпионата Европы по футболу 28 июня – 11 июля 2021 г.). Неудивительно, что организаторы олимпиады в Японии сделали выбор в пользу строгого антиэпидемического контроля и решили ограничить въезд из-за рубежа, провести соревнования без зрителей в Токио и прилегающих префектурах, а также изолировать спортсменов в так называемых «пузырях» безопасности. Эти решения могли вызывать вопросы у многих жителей США или европейских стран, но при взгляде из Японии производили впечатление оправданных и обоснованных мер.

Въезд в Японию был разрешён для спортсменов, а также минимального числа тренеров и обслуживающего персонала, представителей прессы и официальных лиц. Из 180 тыс. предполагаемых гостей в Токио появились лишь около 70 тыс. Прибывающие спортсмены проходили въездной антиинфекционный контроль, а затем помещались в «пузыри безопасности», т.е. изолировались от контактов с местным населением и представителями других команд. В ходе 10-дневного карантина, который проходил, как правило, в заранее намеченных точках акклиматизации, олимпийцы могли находиться только в гостинице, спортзале или специальном транспорте. Прогулки и экскурсии были запрещены, со спортсменами лично общались лишь японские волонтеры и обслуживающие работники. За

⁵ Отчёт по данным о количестве передвижений // Apple Mobility Data. 2021. <https://covid19.apple.com/mobility> (дата обращения: 21.09.2021).

пять дней до выступления спортсменов перевозили в Олимпийскую деревню, а затем к местам тренировок и соревнований, где также соблюдался строгий профилактический протокол. В течение двух дней после выступления спортсмены должны были покинуть страну.

Принятые меры не были безупречными. В период массового заезда участников соревнований СМИ рассказывали и о нарушениях правил, и о переполненных автобусах, и о невакцинированных волонтерах. Однако таких фактов было немного, и они не повлияли на прочность антивирусной защиты. По официальной информации МОК, с 1 июля по 6 сентября среди участников и обслуживающего персонала было проведено более миллиона ПЦР-тестов и получено всего 312 позитивных результатов⁶. Причём большинство инфицированных составляли японские технические работники. Случаев распространения вируса в Олимпийской деревне и передачи инфекции от спортсменов жителям Японии не наблюдалось. Тесты среди вернувшихся из Японии участников соревнований на протяжении первых двух недель вообще не выявили новых заболевших. Любой из имеющихся показателей подтверждает высокую эффективность антиинфекционных мероприятий. С одной стороны, это неудивительно, поскольку 80 % олимпийцев и 88 % паралимпийцев до приезда в страну прошли вакцинацию. С другой стороны, важным фактором успеха стали усилия организаторов, которые заслуживают самой высокой оценки.

Динамика общественного мнения

Одной из характерных особенностей Токио-2020 стала сложная динамика общественного мнения. Большинство жителей Японии в период подготовки поддерживали, перед началом – выступали против, а после завершения – одобряли проведение олимпиады. В этом нет ничего неожиданного. Действительно, как установлено предыдущими исследованиями, общественность выступает за проведение олимпийских игр, если ожидает долгосрочного позитивного влияния на развитие страны. В то же время появление местной оппозиции в демократических странах является скорее правилом, чем исключением [Hiller, Wanner 2018]. С течением времени восприятие прошедших крупных спортивных мероприятий меняется, причём чаще усиливаются позитивные, а не негативные моменты [Ribeiro, Correia, Biscaia 2020]. Собственно говоря, именно это и произошло в Японии, с поправкой на серьёзные изменения социального климата в ходе пандемии (табл. 3).

Данные табл. 3 показывают, что опросы общественного мнения относительно олимпийских игр в Японии проводились несколькими организациями по разным методикам, не допускающим прямого сопоставления. Тем не менее, достаточно большое число проведённых исследований свидетельствует, во-первых, о поддержке игр на первом этапе на волне позитивных ожиданий (2012–2019 гг.), во-вторых, о переломе настроений в ходе пандемии (2020–2021 гг.) и, в-третьих, о положительных оценках завершившихся соревнований (август – сентябрь 2021 г.).

Таблица 3. Исследования общественного мнения Японии относительно поддержки

⁶ Tests and Total Confirmed Positives // International Olympic Committee (IOC). 2021. <https://gtingm.tokyo2020.org/image/upload/production/hflbynail76rgidus6rx.pdf> (дата обращения: 21.09.2021).

олимпиады Токио-2020

Опрос / дата	Результат	Источники и примечания
Пр-во Токио / окт. 2012	67 % за проведение	Сидзирицу тё:са кэкка ни цуйтэ [Результаты опроса об одобрении] // Bureau of Olympic and Paralympic Games Tokyo 2020 Preparation. 2012. https://www.2020games.metro.tokyo.lg.jp/news/PressRelease_shijiritsu3.pdf (дата обращения: 21.09.2021).
TeleNews24/ янв. 2013	83 % за проведение	То:кё: горин кайсай сайсэй 8 вари кё: [Более 80 % за проведение олимпиады в Токио] // TeleNews24. 2013. https://www.news24.jp/articles/2013/03/04/04224154.html (дата обращения: 21.09.2021).
Институт MRI / 2013–2019	56 % в среднем интересуются проведением	Оримпикку рэгаси: ни кансуру исики тё:са [Исследование по вопросу знакомства с понятием олимпийского наследия] // MRI (Mitsubishi Research Institute). 2019. https://www.mri.co.jp/knowledge/wisdom/legacy/dia6ou000000pc0k-att/legacy_survey_06_201906.pdf (дата обращения: 21.09.2021).
NHK / 2015–2019	80 % в среднем за проведение (60 % для паралимпиады)	2020 нэн То:кё: оримпикку параримпикку ни кансуру ёрон тё:са [Исследование общественного мнения по вопросам олимпиады и паралимпиады в 2020 г. Токио] // NHK (Nippon Housou Kyoukai). 2020. https://www.nhk.or.jp/bunken/research/yoron/pdf/20200101_7.pdf (дата обращения: 21.09.2021).
Пр-во Японии / дек. 2019	85 % за проведение	2020 нэн То:кё: оримпикку параримпикку ни кансуру ёрон тё:са [Исследование общественного мнения по вопросам олимпиады и паралимпиады в 2020 г. Токио] // Government Cabinet Office. 2020. https://survey.gov-online.go.jp/r01/r01-tokyo/gairyaku.pdf (дата обращения: 21.09.2021).
NHK / янв. 2020	73 % за проведение	Найкаку сидзирицу [Поддержка кабинета министров] // NHK (Nippon Housou Kyoukai). 2021. https://www.nhk.or.jp/senkyo/shijiritsu/ (дата обращения: 21.09.2021).
NHK / дек. 2020	за/против (%): 27/52	Источник указан выше.
NHK / янв. 2021	за/против (%): 16/38	Источник указан выше.
NHK / февр. 2021	за/против (%): 52/38	Источник указан выше.
NHK / март. 2021	за/против (%): 58/33	Источник указан выше.
NHK / апр. 2021	за/против (%): 61/32	Источник указан выше.
NHK / май 2021	за/против (%): 44/49	Источник указан выше.
NHK / июнь 2021	за/против (%): 25/65	Источник указан выше. Вопрос: согласны ли Вы с объяснениями организаторов о необходимости проведения игр без зарубежных туристов и без зрителей.
NHK / июль 2021	за/против (%): 31/69	Источник указан выше. Вопрос: согласны ли Вы с объяснениями организаторов о необходимости проведения игр без зарубежных туристов и без зрителей. Дополнительно задан вопрос об отношении к предложенным антиинфекционным мерам (57 % высказали отрицательное отношение).
NHK / авг. 2021	оценка игр: 62 % положит.	Источник указан выше.

Yomiuri / авг. 2021	оценка игр: 64 % положит.	Горин кайсай «ёкатта» 64% [64% одобряют проведение олимпиады] // Yomiuri Shinbun. 2021, 9 августа. https://www.yomiuri.co.jp/election/yoron-chosa/20210809-OYT1T50143/ (дата обращения: 21.09.2021).
TBS/JNN / авг. 2021	оценка игр: 61 % положит.	Суга найкаку сидзирицу ва? [Какова доля поддержки кабинета Суга?] // TBS/JNN. 2021, 7 августа. https://news.tbs.co.jp/newsi_sp/yoron/backnumber/20210807/q3-1.html (дата обращения: 21.09.2021).
JJI.com / авг. 2021	оценка игр: 38 % полож., 35 % отриц.	Горин кайсай, хё:ка кикко: [Олимпиада прошла, оценки почти равны] // JJI.com. 2021. https://www.jji.com/jc/article?k=2021081300781&g=pol (дата обращения: 21.09.2021).
NHK / сент. 2021	оценка игр: 52 % полож. 43 % отриц.	Источник указан выше. Вопрос: расширилось ли понимание многообразия (гендерного поведения, сексуальной ориентации, ограниченных возможностей и т.п. – <i>Прим. авт.</i>) в результате проведения олимпийских и паралимпийских игр.
Подсчёты автора / 17 сент. 2021	оценка игр: 84 % успех 16 % провал	Количество ответов www.google.co.jp при поиске за последний месяц (17 августа – 17 сентября) по ключевым словам <i>орипара сэйко</i> : (успех олимпиады и паралимпиады, 85,4 тыс.) и <i>орипара сиппай</i> (провал..., 16 тыс.), всего 101,4 тыс. ответов.

Источники: см. примечания в таблице.

Получается, что отношение общественности к олимпиаде изменилось дважды. Строгого анализа факторов перемен пока не проводилось. Однако японские и международные СМИ среди причин первого «скептического» разворота публичных оценок называли, прежде всего, опасения, связанные с распространением коронавируса, а также множество скандалов, сопровождавших подготовку игр (от утверждения эмблемы до церемонии открытия)⁷. Причины второй, «позитивной», метаморфозы также выглядят достаточно понятными. Она произошла на фоне многочисленных публикаций об успехах японской сборной, благодаря эффективному антиэпидемическому контролю и высокому организационному уровню проведения игр. И всё же научную оценку тенденций изменения общественного мнения следует считать задачей будущих исследований.

Экономические итоги проведения олимпиады

Экономические итоги крупных общественных мероприятий в широком смысле чаще всего рассматриваются как баланс затрат и результатов. При этом затратная часть состоит из вложений в создание общей инфраструктуры, подготовку спортивных объектов и операционных расходов. В результативной части выделяются краткосрочные эффекты (потребление туристов во время проведения игр, продажи сопутствующих изделий и т.п.), долгосрочные выгоды («олимпийское наследие» в виде улучшения инфраструктуры и последующего увеличения торговли, инвестиций, туризма) и нематериальные итоги (чувство удовлетворения и гордости от успехов национальной сборной и т.п.) [Baade, Matheson 2016]. Нетрудно представить, насколько сложно количественно выразить перечисленные факторы и

⁷ Martin, A. (2021). Twists and turns: Retracing Tokyo's tumultuous path to the Olympics // The Japan Times. 2021, 5 июля. <https://www.japantimes.co.jp/sports/2021/07/05/olympics/summer-olympics/road-to-tokyo-olympics-covid19/> (дата обращения: 21.09.2021).

составить полный баланс.

Дело осложняется также и отсутствием единого подхода к оценке крупных спортивных событий в экономической теории. При кажущемся обилии публикаций по этой тематике большинство исследований и выводов носят частный, а зачастую и противоречивый характер. Пожалуй, наибольшие споры и трудности вызывает анализ долгосрочных последствий спортивных форумов. Исследования показывают, например, что численность населения принимающего региона, душевой уровень реального ВВП и открытость торговли в долгосрочном плане не зависят от проведения олимпийских игр [Billings, Holladay 2010]. В то же время, рынки труда и финансов могут испытывать некоторое позитивное влияние при соблюдении финансовой дисциплины и минимизации долговых обязательств [Madden 2006]. Краткосрочный эффект летних олимпиад может выражаться в подъёме регионального душевого ВВП на 0,3–0,4 % по сравнению с национальным уровнем, но долгосрочные позитивные результаты появляются далеко не всегда. Зимние олимпийские игры, как правило, положительных результатов вообще не приносят, а иногда даже ведут к временному сокращению регионального продукта в год проведения [Firgo 2021].

Исследования на материалах Японии показали, что долгосрочное влияние зимней олимпиады Нагано-1998 на валовой выпуск и занятость префектуры оказалось «ограниченным» и ощущалось только в секторах обслуживания и недвижимости. С учётом этого учёные предсказали аналогичные результаты для Токио-2020 и посоветовали организаторам быть экономными, максимально использовать имеющиеся объекты и уменьшить долговое финансирование [Miyoshi, Sasaki 2016]. Более оптимистичные прогнозы были сделаны в отношении перспектив роста иностранного туризма (до 30 млн чел. в 2020 г.) и инфраструктурных инвестиций (0,4–0,6 % от ВВП 2014 г. на период интенсивного строительства в 2017–2018 гг.), однако авторы исследования предпочли не называть конкретных цифр предполагаемого эффекта [Osada et.al. 2016].

Большинство циркулирующих в СМИ характеристик экономических аспектов олимпиады Токио-2020 представляют собой оценку затрат на проведение игр. Одна часть затрат (инвестиции) напрямую входит в ВВП текущего года, другая – отражается на валовом выпуске через систему взаимосвязей межотраслевого баланса. В этом смысле значительная часть краткосрочных эффектов Токио-2020 уже получена и использована в виде прироста валового выпуска во время токийского строительного бума 2015–2018 гг.

Самой крупной статьей подготовительных расходов, как правило, является создание или улучшение общей инфраструктуры (дорог, аэропортов, вокзалов и т.п.), не связанной напрямую с проведением соревнований. Такие затраты особенно велики на начальных стадиях. Сравнение токийских олимпиад 1964 г. и 2020 г. показывает, что в современной Японии косвенные ассигнования на инфраструктуру удалось значительно сократить, хотя прямые спортивные расходы ощутимо увеличились из-за увеличения числа участников и повышения требований к проведению игр (табл. 4).

Наиболее доступная оценка прямых расходов на проведение олимпийских и паралимпийских игр Токио-2020 содержится в бюджете оргкомитета олимпиады. Последняя, пятая его версия опубликована 22 декабря 2020 г. и отражена в табл. 5.

Таблица 4. Расходы, связанные с проведением олимпийских игр (млрд иен)

Статья	Токио-1964	Токио-2020*
Прямые расходы (% ВВП)	27 (0,1)	1600–1800 (0,3)
Проведение игр	10	820
Строительство спортивных объектов	17	680
Прочие расходы	0	100–300
Косвенные расходы (% ВВП)	961 (3,0)	2000–3000 (0,3–0,5)
Строительство инфраструктурных объектов		2000–3000
Итого (% ВВП)	987 (3,1)	3600–4800 (0,6–0,8)
Для справки: ВВП	31 567	607 600

* Прогноз.

Источник: Сайто: Дз. (2018) 2020 нэн То:кё: оринпикку но кэйдай ко:ка. 1964 нэн то но хикаку дэ кангаэру [Экономические результаты олимпиады Токио-2020. Сравнение с 1964 г.] // Japan Center for Economic Research Column. 2018, 16 апреля. <https://www.jcer.or.jp/j-column/column-saito/20180416.html> (дата обращения: 21.09.2021).

Таблица 5. Расходы на проведение игр Токио-2020 (млрд иен, в скобках – паралимпиада)

Статья	Оргкомитет	Правительство Токио	Правительство Японии	Всего
Спортивные объекты	231 (60)	547 (30)	150 (30)	928 (120)
строительство	–	226	120	346
эксплуатация	231	321	30	582
Проведение соревнований	490 (30)	105 (15)	15 (15)	610 (60)
Антивирусные мероприятия	–	40	56	96
Непредвиденные расходы	–	10	–	10
Итого	721 (90)	702 (45)	221 (45)	1644 (180)

Источник: Тайкай кэйхи ба:дзэн 5 ни цуйтэ [О пятой версии расходов на мероприятия] // Bureau of Olympic and Paralympic Games Tokyo 2020 Preparation. 2020, 23 декабря. <https://www.2020games.metro.tokyo.lg.jp/532efd4445e3e2b09ff3296f9290b890.pdf> (дата обращения: 21.09.2021).

Общая сумма расходов согласно табл. 5 составляет 1 644 млрд иен, или 15,4 млрд долл. по курсу на конец февраля 2021 г. Именно эта цифра наиболее часто упоминается в зарубежных СМИ, когда речь заходит об «общей стоимости» токийской олимпиады.

Проведение игр Токио-2020 должно было привести к получению ряда краткосрочных результатов. Краткий их перечень по прогнозам от 25 мая 2021 г. приведён в табл. 6. Отметим, что одна из наиболее крупных статей предполагаемых доходов, связанная с

потреблением иностранных туристов (150 млрд иен, из расчёта 150 тыс. иен на каждого из 1 млн чел.), в приведённых данных не отражена, поскольку решение о недопуске зарубежных зрителей было принято в марте 2021 г., т.е. до составления таблицы.

Таблица 6. Оценки краткосрочных выгод от проведения мероприятий Токио-2020 (млрд иен).

Статья	Сумма
Продажи билетов	90,0
Расходы зрителей	56,8
Продажи сопутствующих товаров и ТВ	291,0
Продажи прав трансляции	33,5
Маркетинговые мероприятия компаний	36,5
Итого	507,8

Источник: Kiuchi, T. (2021) Potential economic losses from cancelation of Tokyo Olympics // Nomura Research Institute Blog. 2021, 25 мая. <https://www.nri.com/en/knowledge/blog/lst/2021/fis/finsights/Market-0525> (дата обращения: 21.09.2021).

Проведение соревнований при пустых трибунах свело практически к нулю поступления от продажи билетов и расходы зрителей. Точные данные о других потенциальных доходах пока неизвестны. С учётом этого можно уверенно сказать лишь одно: после окончательного подведения итогов экономические выгоды (или потери) от проведения олимпиады Токио-2020 окажутся невелики, особенно на фоне огромных размеров экономики Японии.

Символические аспекты игр в Токио

Пожалуй, сложнее всего подвести символические итоги состоявшихся игр. Символическое значение олимпиады было связано с окончанием периода «потерянных десятилетий», восстановлением после катастроф 2011 г., демонстрацией современных технологий и расширением возможностей для въездного туризма. К сожалению, к началу олимпиады экономика оказалась в состоянии кризиса, большинство публичных мероприятий на пострадавших территориях пришлось отменить, некоторые компании-лидеры технического прогресса отказались от участия в церемонии открытия, а для туристов пришлось закрыть границы. Получается, что первоначальных целей не удалось достичь, т.е. символические итоги не оправдали ожиданий⁸. Это частично подтвердил опрос общественного мнения, проведённый 1 сентября 2021 г.: привлечение иностранных туристов и прогресс в восстановлении пострадавших от тройной катастрофы районов в качестве достижений Токио-2020 отметило незначительное число респондентов – 6,6 % и 4,2 % соответственно (табл. 7).

⁸ Субъективное мнение автора на основе наблюдений за материалами японских СМИ.

Таблица 7. Интернет-опрос об ожиданиях и итогах Токио-2020 (сокращено)*

Вопрос: отметьте в приложенном перечне ожидания (итоги) игр	23 июня	11 августа	1 сентября
Повышение интереса жителей Японии к спорту	15,0	28,5	23,1
Повышение уровня японских спортсменов	10,9	25,0	20,6
Ревитализация регионов	5,3	4,3	3,9
Улучшение транспортной инфраструктуры	4,5	3,0	4,3
Появление чувства единства нации	9,5	17,8	12,1
Привлечение зарубежных туристов	12,0	7,4	6,6
Повышение международного престижа Японии	9,5	13,7	10,6
Улучшение понимания проблем людей с ограниченными возможностями	5,3	17,1	26,1
Снижение обеспокоенности проблемами, связанными с коронавирусом	5,9	3,8	4,0
Получение экономического эффекта	18,5	13,7	10,2
Ускорение восстановления пострадавших в 2011 г. регионов	4,1	4,0	4,2
Снижение гендерного неравенства	4,3	4,2	6,6

* Частная компания Nippon Research Center (NRC). Регулярный и продолжающийся опрос жителей Японии на основе интернет-панели респондентов. 11 раундов за период 23 июня – 1 сентября 2021 г. Число ответов 990–1004.

Источник: То:кё: 2020 олимпикку параримпикку ни кансуру тэйтэн кансоку ёрон тё:са [Регулярный опрос об олимпиаде и паралимпиаде Токио-2020] // Nippon Research Center. 2021. <https://www.nrc.co.jp/report/210916.html> (дата обращения: 21.09.2021).

И все же, как зафиксировал тот же самый опрос, в результате проведения игр выросло понимание проблем людей с ограниченными возможностями, усилился интерес жителей Японии к спорту и повысился уровень японских спортсменов. В ходе последнего опроса (1 сентября) это отметили, соответственно, 26,1 %, 23,4 % и 21,4 % респондентов (табл. 7). По-видимому, с точки зрения многих жителей Японии три перечисленных итога могут стать главным наследием Токио-2020.

Заключение

Олимпийские и паралимпийские игры Токио-2020 прошли в сложной обстановке и имели ряд уникальных особенностей, связанных с переносом соревнований, строгими антиинфекционными мерами и отсутствием зрителей на трибунах. Краткий анализ предварительных итогов указывает на присутствие в них как положительных, так и отрицательных моментов. Олимпиаду удалось сделать самым инклюзивным и разнообразным спортивным событием в истории, японская сборная завоевала рекордное количество наград, удалось предотвратить распространение вируса. Неудивительно, что скептически настроенная общественность Японии изменила мнение и положительно оценила

проведение игр после их окончания. Экономические и символические итоги пока не подведены, однако предварительные данные указывают на множество несбывшихся ожиданий. В этих условиях любое суждение о прошедших событиях становится субъективным и может быть подвергнуто сомнению. По выражению одного из спортивных обозревателей, «кто хочет думать об успехах, отметят успех, а желающие подчеркнуть неудачи будут говорить о неудачах»⁹. Поэтому, в заключение отметим лишь положительные оценки Токио-2020, прозвучавшие со стороны официальных лиц¹⁰ и выразим личное мнение автора, сложившееся на основе проведенного анализа: решение о проведении игр было правильным, а сами игры усилиями спортсменов и организаторов внесли важный вклад в историю олимпийского движения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белов А.В. Экономическая политика Японии в период пандемии // Мировая Экономика и Международные Отношения. 2021. № 1(65). С. 33–40. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-33-41

Белов А.В., Тихоцкая И.С. Первая волна пандемии COVID-19 в Японии: социальные и экономические аспекты // Азия и Африка сегодня. 2020. № 10(743). С. 14–21. DOI: 10.31857/S032150750011106-8

REFERENCES

Belov, A.V. (2021). Ekonomicheskaya politika Yaponii v period pandemii [Economic Policy of Japan in the Time of Pandemic]. *Mirovaya Ekonomika I Mezhdunarodnye Otnosheniya* [World Economy and International Relations], 1(65), 33–40. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-33-41

Belov, A.V., & Tikhotskaya, I.S. (2020). Pervaya volna pandemii COVID-19 v Yaponii: social'nye I ekonomicheskie aspekty [The First Wave of COVID-19 Pandemic in Japan: Social and Economic Considerations]. *Aziya I Afrika Segodnya* [Asia and Africa Today], 10(743), 14–21. (In Russian). DOI: 10.31857/S032150750011106-8

* * *

Baade, R., & Matheson, V. (2016). Going for the Gold: The Economics of the Olympics. *Journal of Economic Perspectives*, 30 (2): 201–18. DOI: 10.1257/jep.30.2.201

Billings, S., & Holladay, J. (2010). Should Cities Go for the Gold? The Long-Term Impacts of Hosting the Olympics. *Economic Inquiry*, 50(3). DOI: 10.2139/ssrn.1679126

Firgo, M. (2021). The Causal Economic Effects of Olympic Games on Host Regions.

⁹ Suzuki, H. (2021, September 6). Орипара сэйко: сита то омоитай хитов а сэйко:, сиппай о сютё: ситай хито ни ва сиппай [Кто хочет думать об успехе олимпийских и паралимпийских игр, для того – успех, для желающих увидеть неудачу – неудача] // Yahoo Japan News. 2021, 6 сентября. <https://news.yahoo.co.jp/articles/08867f2dfba2f803f213cd6c87140bb0f9a80022> (дата обращения: 21.09.2021).

¹⁰ IOC's Bach Says Tokyo Olympics Have 'Far Exceeded' Expectations // The Mainichi. (2021, 6 августа). <https://mainichi.jp/english/articles/20210806/p2g/00m/0sp/050000c> (дата обращения: 21.09.2021).

China Hails Success of Tokyo Olympics Ahead of Beijing Winter Games // Kyodo News. 2021, 9 августа. <https://english.kyodonews.net/news/2021/08/a22154b1277d-china-hails-success-of-tokyo-olympics-ahead-of-beijing-winter-games.html> (дата обращения: 21.09.2021).

Regional Science and Urban Economics, 88 (2021), 103673.
<https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2021.103673>

Heinrich, A., Müller F., & Cañal-Bruland R. (2021). Selection Bias in Social Facilitation Theory? Audience effects on elite biathletes' performance are gender-specific. *Psychology of Sport and Exercise*, 55(2021), 101943. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2021.101943>

Hiller, H., & Wanner R. (2018). Public Opinion in Olympic Cities: From Bidding to Retrospection. *Urban Affairs Review*, 54(5), 962–993.

Madden, J. (2006). Economic and Fiscal Impacts of Mega Sporting Events: a General Equilibrium Assessment. *Public Finance and Management*, 6 (3), 246–394.

Miyoshi, K., & Sasaki, M. (2016). The Long-Term Impacts of the 1998 Nagano Winter Olympic Games on Economic and Labor Market Outcomes. *Asian Economic Policy Review*, 11(1), 43–65.

Osada, M., Ojima, M., Kurachi, Y., Miura, K., & Kawamoto, T. (2016). Economic Impact of the Tokyo 2020 Olympic Games. *Bank of Japan Research Papers*, 16–01–21. Retrieved September 20, 2021, from https://www.boj.or.jp/en/research/brp/ron_2016/data/ron160121b.pdf

Ribeiro, T., Correia, A., & Biscaia, R. (2020). The Social Impact of the 2016 Rio Olympic Games: Comparison of Residents' Pre- and Post-event Perceptions. *Sport, Business and Management*, 11(2), 201–221. <https://doi.org/10.1108/SBM-02-2020-0014>

Wunderlich, W., & Memmert R. (2021). How does Spectator Presence Affect Football? Home Advantage Remains in European Top-class Football Matches Played without Spectators During the COVID-19 Pandemic. *PLoS ONE*, 16(3), e0248590. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0248590>

Поступила в редакцию 23.09.2021

Received 23 September 2021

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-79-93

Преодоление изоляции в условиях пандемии и постпандемии: на примере России и Японии в сфере высшего образования

Л.В. Жилина

Аннотация. Вспышка пандемии COVID-19 с начала 2020 г. резко повлияла на развитие высшего образования в различных аспектах, включая переход от очного к онлайн-обучению, отмену различных мероприятий и активностей и формирование «новой нормальности» в высшем образовании [Tesar 2020]. В то же время пандемия повысила виртуальную мобильность и совместное онлайн-обучение, создав альтернативу физической мобильности студентов. Для развития продвижения межкультурного диалога посредством онлайн-общения, основанного на изучении иностранных языков, и для мотивации студентов, преподаватели из Университета Кансай (Япония, Осака) и Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Россия, Омск) начали использовать платформу *Flipgrid* для межкультурного онлайн-обмена между студентами вышеуказанных вузов.

В настоящем исследовании в контексте вышеизложенного анализируются результаты онлайн-опроса, проведённого среди студентов этих двух вузов. Цель опроса – понять, что именно мотивировало студентов на участие в нём и как они оценивают это участие. Результаты исследования свидетельствуют, что участники положительно отзывались как об актуальности модели эффективной языковой практики, так и о значении международного общения для лучшего понимания культуры и людей страны – ближайшего соседа по АТР. Таким образом, изучение культурных особенностей других представляет собой первый шаг в приобретении межкультурных компетенций для студентов обоих университетов и для начала межкультурного диалога между ними.

Ключевые слова: Япония, межкультурное общение, японские студенты, международный онлайн-проект, взаимодействие студентов.

Автор: Жилина Лариса Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, факультет Иностранных языков, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Россия, 644077, Омск, пр-т Мира, 55А). ORCID: 0000-0002-6337-3870; E-mail: larissa-zhilina@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Прежде всего, я хотела бы выразить искреннюю благодарность людям, без которых я не смогла бы завершить это исследование, моим японским коллегам: г-же Е. Бакун – преподавателю русского языка (Университет Кансай, Япония) – за идею этих проектов, а также г-же Т. Китаока – преподавателю русского языка (Университет Кансай, Япония), студенты которых участвовали в этих проектах. Хочу поблагодарить студентов Кансайского университета и Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского за содействие и сотрудничество. Хотелось бы выразить благодарность г-ну Е.Н. Кручине за важные комментарии к работе и г-ну Т. Уильямсу – консультанту по политике и политическим вопросам (Лондон, Великобритания) за стимулирующие вопросы к моему исследованию и редактирование этой статьи.

Для цитирования: Жилина Л.В. Преодоление изоляции в условиях пандемии и постпандемии: на примере России и Японии в сфере высшего образования // Японские исследования. 2021. № 4. С. 79–93. (На англ.) DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-79-93

Defeating isolation in the pandemic and post pandemic new dispensation: The case study of Russia and Japan in higher education

L.V. Zhilina

Abstract. The outbreak of COVID-19 pandemic since early 2020 has dramatically impacted higher education development in various aspects, including the shift of face-to-face teaching to online teaching and learning, the cancellation of physical events and activities, and the formation of a “new normality” in higher education [Tesar, 2020]. At the same time, COVID-19 has increased virtual mobility and collaborative online learning as alternatives to physical student mobility.

For developing promotion of intercultural dialogue through the online communication based on learning foreign languages and motivating students, faculty members from Kansai University (Japan, Osaka) and F.M. Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk) started to use the platform *Flipgrid* for intercultural online exchange between the students of the above-mentioned universities.

Based on an online survey of students’ participation in the exchange project, this research examines how the Russo-Japanese intercultural online project affected students’ motivation and ultimately their participation in the project, as well as their evaluation of the achieved results. The feedback from this project has been positive – participants commented favorably on both the relevance of the model of effective language practice and the significance of international communication for better cultural understanding and furthering human relationships with Japan, a close neighbor of Russia in the Asia-Pacific region. It may be surmised that an appreciation for cultural diversity and other cultures provides the first step in developing the competences necessary for operating in multicultural environments. Therefore, this was, for the students of both universities, the start of intercultural dialogue between them.

Keywords: Japan, intercultural communication, Japanese students, international online project, student collaboration.

Author: Zhilina Larisa V., PhD (History), Associate Professor, Department of Foreign Languages, F.M. Dostoevsky Omsk State University (address: 55A, Mira Str., Omsk, 644077, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-6337-3870; E-mail: larissa-zhilina@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements. First of all, I would like to express my sincere gratitude to the following people without whom I would not have been able to complete this research – my Japanese colleagues: Ms. Elena Bakoun, instructor of Russian language (Kansai University, Japan) for generating these projects’ ideas and whose students participated in this intercultural online project, and also Ms. Chinatsu Kitaoka, instructor of Russian language (Kansai University, Japan), whose students participated in these projects. I would like to thank students of both universities, Kansai University and F.M. Dostoevsky Omsk State University, for participating in these international projects. I would like to show my warm thank to Mr. Eugeny Kruchina for important comments to this paper and special thanks to Mr. Tafawa Williams (Policy & Political Affairs Consultant – London, United Kingdom) for editing this article and for stimulating questions on this research paper.

For citation: Zhilina L.V. (2021). Defeating isolation in the pandemic and post pandemic new dispensation: The case study of Russia and Japan in higher education. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia]. 2021, 4, 79–93. (In English). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-79-93

Preface

At present, participants of international cooperation, which, at the initial stage, were mainly the governments of interested countries, is characterized by an increasingly diversified set of actors who fully participate in international projects. Some of these actors include territorial unions, universities, associations, trade unions, individual enterprises, public institutions, etc. This tendency of institutions to expand into international cooperation is a representative characteristic of cultural and educational cooperation [Arzhanova 2011, p. 125]. Moreover, internationalization has evolved in higher education over the past 30 to 40 years from a marginal to a key aspect of the reform agenda. In that process, some traditional values have been lost, and past priorities have been replaced by others [de Wit, Deca 2020, p. 3]. As for the internationalization in global context, comprehensive internationalization is described as a “strategic, coordinated process that seeks to align and integrate international policies, programmers, and initiatives, and positions ... universities as more globally oriented and internationally connected”.¹

Student mobility in higher education is rapidly increasing. Ever more students are doing part of their studies abroad, not only in the neighboring countries, but also far away at the universities in other continents [Marambe et al. 2012, p. 300]. But in the last year the influence of the COVID-19 pandemic is significant in international higher education, especially student mobility: due to the outbreak of COVID-19 worldwide, universities all over the world have been forced to suspend the programs for students studying aboard as well as accepting international students. That is why developing students’ online mobility as an alternative plan, faculty members from Kansai University² (Japan, Osaka) and F.M. Dostoevsky Omsk State University³ (Russia, Omsk) commenced an online inter-cultural exchange program.

Project idea and goal

Currently students all over the world no longer require a reason for studying intercultural communication, as the need for skills in this area is a part of conventional wisdom. There are various reasons to study culture and communication, such as personal growth, social responsibility, economic motive, cross-cultural travel motive, media motive, etc. [Baldwin et al. 2013]. The need for intercultural competences is underlined when we examine the response to challenges within multicultural communities. The need to cooperate bridges together group through appropriate skills

¹ See: Association of Universities and Colleges of Canada. (2014). Canada’s universities in the world: AUCC internationalization survey. <https://www.univcan.ca/wp-content/uploads/2015/07/internationalization-survey-2014.pdf> P.3. (accessed: 21.06.2021).

² Kansai University (関西大学), abbreviated as *Kandai* (関大), is a private non-sectarian and coeducational university located in Suita, Osaka. Founded in 1886, it belongs to the old education system universities and is one of western Japan’s four leading private universities.

³ F.M.Dostoevsky Omsk State University (OmSU) since its founding in 1974 has earned reputation as a leader in multifunctional research, teaching, and cultural complex and ranked the best university in Omsk region. OmSU embraces its connections to the world and develops international relations with the universities of Europe, the USA, Mexico, Japan, China, Kazakhstan and other countries.

needed to reinforce the capacity of global citizens for learning to live together [Lianaki-Dedouli, Plouin 2017]. The components of intercultural competence are knowledge, skills, and attitudes that are complemented by the values one holds because of one's belonging to a given society [Byram et al. 2001, p. 5].

Noting the fact that the goals of higher education are remarkably similar across different national systems of higher education regardless of the cultural setting, they seldom differ on goals that include the promotion of independent learning and critical thinking [Kember, Gow 1990]. Recalling the sudden and unprecedented shift to online teaching as a response to human immobility, the need to continue teaching and learning activities and to engage and motivate students remained of pivotal importance. As such, faculty members from Kansai University and F.M. Dostoevsky Omsk State University started to use the online exchange platform *Flipgrid* for developing language learning of students and students' intercultural exchange.

When preparing the present paper, it was found that similar activity was described by Lee Lina, who reported about a Spanish-American intercultural exchange through which learners used asynchronous video discussions to exchange cross-cultural perspectives⁴ [Lee 2020, pp. 262–282]. Another similar project was conducted in September 2020, when MIPT teachers, together with the University of Iowa, launched an international cultural and communication project⁵ [Zatesa, 2020, pp. 55–56]. Using the *Flipgrid* platform, the students posted videos they recorded on a given topic, watched videos made by other students and commented on them in the format of a video message. As far as we can see, researchers and university teachers have been integrating *Flipgrid* into their classrooms in a variety of ways, improving students' foreign language skills and communication skills. But we could not find similar inter-cultural projects in collaboration with Japanese universities. The relevance of our online inter-cultural project was the necessity to shift the emphasis in the foreign language learning process from studying the language, its grammatical and lexical features towards practical-oriented learning targeting the development of intercultural communication of the students. In other words, we tried to help students to become more competent communicators – to work on “dialogue” skills by trying to engage in true dialogue (to work on speaking and listening skills) and to become interpersonal allies with people from other culture [Martin, Nakayama 2009, p. 480].

Both Universities take a multi-dimensional approach to reflect and incorporate the rich diversity of the world and, therefore, that is why the curriculum focuses on international society, countries, and regions, but the study of the issues therein requires proficiency in the language of the country or the region involved. For this reason, the faculty members emphasize intensive training in practical language abilities to encourage students to become highly proficient in the languages of their choice. So incorporated into the pursuit of academic qualification, students will use the languages to study topics related to their special interest, such as linguistics, human geography, multilateral groupings or trading blocs, and international civil society. Also, the fact is that Japan and Russia are close neighbors in the Asia-Pacific region, which also justified this project for intercultural collaboration of students of the two universities. That is why the *main goal for the project participants is not simply to become fluent in the language, but rather to master the uses of the language as tools for better understanding the world, and for communicating with people as*

⁴ The study involved 37 university students.

⁵ The study involved 30 students from the Russian and American Universities – 14 of them were MIPT students.

they work together to create better understanding of the world they live in. In other words, to develop the promotion of intercultural dialogue through online communication based on foreign language learning. As a result, a decision was made to open an online Russian-Japanese project at both universities starting April 2021. The *Flipgrid* platform for exchange between Japanese students studying Russian and Russian students studying English was set up, with a total of 68 students from the mentioned universities participating. Two topics were discussed on the platform: “*Russia-Japan – national cuisines (Do you like cooking?)*” and “*Show me your home-city*”. First project was launched from 19 April to 19 May 2021 and the second one – 20 May – 20 June 2021.

Students were asked to make video presentations on the given topics. Japanese students uploaded video clips accompanying them in Russian, Russian students – in Russian and dubbed them in English. After posting an introductory video, students were required to view and respond (in video-format) to participants with thorough responses. At the end of each project, each video was rated and then an online survey on participation in the project was conducted on the *Google* platform. The survey questions that participants were asked were purposely inserted to two research projects. Questions within the two projects investigated the online Russo-Japanese international projects’ role in furthering intercultural communication and the international collaboration experience of students of the mentioned universities received in the context of distant learning due to the COVID-19 pandemic.

As mentioned above, one of the projects was called “*Russia-Japan – national cuisines (Do you like cooking?)*” The results of this survey became the subject of analysis in the present work. It is, however, important to appreciate why it was decided to use this theme. Food is one aspect of public diplomacy that seems to be sufficiently non-serious but yet sufficiently influential and has the tendency to influence many people in the simplest way. It is a fact that national cuisine is considered a brand that highlights the identity of a particular country. As such, food can be used as tool for public diplomacy [Solleh 2015, p. 162; Nye 2004]. Embedded within this theme is the understanding of food as being an important aspect of cultural and ethnic identity and the favorite type of cooking method as a way to encourage conversation about food practices within the groups. Further, it has been established that food can influence individuals to have a better impression towards a nation and is also able to change one’s perception of it [Solleh 2018, p. 190; Nye 2004].

Posed question

According to Brant Burleson [Burleson 2009], interpersonal communication is defined as social interaction based on producing and interpreting messages to create shared meanings, and to accomplish desired social goals. All communication is situated in some context, and people come together across cultures for personal and/or professional purposes. These cultural and acculturative contexts include and affect multiple variables, including, but not limited to: ethnic/racial minorities, religions, immigrants, refugees, migrant laborers, business travelers [Gamst et al. 2011]. Contextualizing these variables are volitional intent (e.g., travel/study abroad), fluidity (e.g., immigration to a new country), socio-demographics (e.g., occupation/education), and similarity (e.g., linguistic or cultural). Within, this context, intercultural communication competence influences effectiveness (i.e., goal accomplishment) and appropriateness (i.e., exhibiting appropriate behavior) [Arasaratnam, Banerjee 2011], with the goal of producing the desired cross-cultural communication outcomes of adaptation (i.e., altering one’s behavior due to the environment) and

adjustment (i.e., mood states like self-esteem, stress, and self-confidence that accompanies adjustment) [Lieberman, Gordon 2011; Matsumoto, Hwang 2013]. Analyzing data obtained, we will try to answer the question: *How does students' perception of the goal of the online Russo-Japanese international intercultural project affect their motivation or participation in the project, and their evaluation of the achieved result?* To answer this question, we begin by taking a closer look at the project.

General information on the survey

The majority (4) of questions in the survey were closed questions; respondents had to choose between certain options. However, there were also two open-ended questions, which gave respondents the opportunity to comment on the most important thoughts about their new experience encountered while participating in the project. These questions allowed participants to express their opinion on how they could successfully communicate with their foreign peers and the opportunities that they believe may be accrued from new knowledge about a foreign country and learning the language.

The sampling group of this study included Kansai University students and OmsU students. As many as 76.47 % of the respondents (i.e., 52 students) provided responses to these questions, and the key trends were identified.

In May 2021, the questionnaires⁶ for the first project “*Russia-Japan – national cuisines (Do you like cooking?)*” were distributed online through *Google Forms* to the above-mentioned groups of students. After organizing the collected data, descriptive analysis was applied to examine and demonstrate the survey participants' attitudes to the intercultural online project. The results and conclusions are presented in the following sections.

Major findings

Recently, courses within different universities' online programs started to utilize *Flipgrid* as a way for students to get to know each other and to communicate. The objectives of the assignments of our project were indicated as follows: students would share presentational videos on defined topics and collaborate with their colleagues from the university abroad to grow their online learning community. *Flipgrid* usage is based on the assumption that everyone has a camera readily available but being recorded does not always convey the same feeling as addressing others in person. So, we expected that, through the use of *Flipgrid*, students would be encouraged to make connections with foreign peers, and to use those connections throughout their course and this technology helped us to create a warmer online environment [Agan et al. 2019, p. 37]. Hall and Buzwell (2013) (as cit. in Stoszkowski 2018) noted that students who tended to be quiet in physical classes were more engaged in discussions when conducted on the platform and preferred watching their peers speak on the platform over “boring” written material [Stoszkowski 2018, p. 3].

The majority of students expressed a positive attitude towards participation in such online communicative projects. We found that 88.6 % respondents expressed interest in participating in the above-mentioned project, while only 11.4 % would not consider taking part in future projects.

⁶ The questionnaires were both in Japanese and Russian languages and students responded in Japanese and Russian respectively.

Just over half of the students (51.4 %), have had some difficulties with recording their video. In their comments, these participants wrote that they “realized the difficulties of shooting a video on their own,” “editing and posting the video,” “difficult thing was in shooting video, placing the camera and speaking Russian,” and, finally, “shooting a video while cooking was very difficult because cooking with a smartphone in hand is even a little bit dangerous.”

25.7 % of the participants had some problems in recording Russian and English comments while recording their video. As they reported in the online questionnaires, the main reasons for these problems were using a non-native language (grammar, pronunciation, expression of thoughts) while narrating the video. Japanese students emphasized that it was “difficult to make a presentation video about cooking and explain the recipe in a language other than the native language”, they “had difficulties in pronunciation of the words” and some of them “were disappointed that had had a lot of pronunciation mistakes”. Also, 20 % of the students had difficulties with both video and commentary recording.

Familiarity with new dishes and other culture

The majority of participants, 54 % and 46 % of Kansai University and Omsu students respectively, highlighted the central position of food in their responses and the new experiences they gained in this project.

As for Japanese students, they found “the process of cooking different Russian dishes” very interesting, they “could see various Russian food” and “could learn different Russian dishes and different ways of cooking”. Some of the students mentioned that “it was the first time getting to know in detail the dishes they had only seen before.”

As for Russian students, we should mention that Japanese cuisine has established itself so firmly in Russia that sometimes the young generation in Russia suggest that it is simple as far as actual cooking is concerned, healthy, low in calories, and delicious. Japanese cuisine is popular in Russia, and so Russian students have had a great interest in the cooking and preparation of Japanese dishes, they “liked to observe Japanese students’ cooking”, suggesting an added authenticity was communicated by being cooked by Japanese. That “new dishes were quite simple and tasty” and that they “really liked it” were the comments of prominence.

We found that Japanese students rated Russian students’ food cooking over that of their own traditional cooking, but there were no such comparisons or ratings discernable in Russian students’ responses. Japanese students were surprised that “not only in Russia, but also in Japan there was a recipe for cooking rice in a saucepan instead of a rice cooker” and added that “recently, few Japanese cook in a saucepan, so they found it unusual.” Some of them liked the video of cooking rice because “it was easy to understand – in the Japanese tradition of cooking, there is a similar method of cooking”. Also, they emphasized, that “there were many unique and unusual Russian dishes they had seen in the project for the first time,” but, at the same time, some participants shared their opinion, that “in comparison with Russian, Japanese food looked delicious too” and they “would like to taste dishes of Russian cuisine someday.” But there were also some funny responses such as this one: “My favorite recipe was “Fried pork with potatoes and wasabi and mayonnaise” cooked by one girl-student. First of all, I was surprised at the advent of the Japanese ingredient on video – wasabi. And when I had seen a lot of mayonnaise in that dish, I understood that the rumor

that ‘Russians love mayonnaise’ is really true. However, I wanted to understand: did she put the vinyl bag in the oven in a rush? If this recipe is correct, I’m wondering why vinyl won’t melt.”

The students of both universities were interested in the recipes of the dishes that had been cooked by their foreign peers. They found the food healthy, tasty, and attractive, and reported that the video motivated them in their desire to cook these dishes on their own:

—“I loved the recipe of chocolate muffin with yogurt – it looked so healthy and delicious” or “Chocolate muffins look very appetizing. I felt like it was easy to cook, so I wanted to cook them too.”

—“There were many delicious recipes, but the pancake recipe I liked the most of all because it was so easy to understand and I could try to cook it myself.”⁷

—“Other people's cooked food looked delicious and I would like to cook something what I think I can cook. The most delicious was the apple pie.”

—“I could not decide which dish looked better, as each dish looked delicious. I'll try something I can ‘easy to cook’ at home, adding my own arrangements.”

—“I liked the cottage-cheese pancakes! I had wanted to know how to cook it, so I was glad to see the recipe,”⁸ etc.

Some participants stated that they realized that cooking was an interesting activity and explained that they would try to develop their skills in the matter presented, and would try to cook something new themselves.”

Both Japanese and Russian students enthusiastically discovered recipes for their national dishes that were prepared by their fellow countrymen as follows: “My favorite recipe is *sukiyaki*. The reason is that I really like them too,” or “In this project, I could see something unfamiliar to me and Russian cuisine, and it was also interesting to see the food that my group-mates had cooked.”

But it is interesting to note some (both Japanese and Russian) students’ preference for cooking fast food. It is seen by us as a skill that younger generation have developed, while it is notable that participants perceive this negatively too by using the phrase “lazy to cook”. For example – on a video there were shown soups which require only gentle heating before consumption (as it had been presented by Japanese students) unlike the laborious cooking methods of traditional dishes. Russian students also mentioned “acquaintance with another culture through cooking” and “the opportunity to learn more about foreign culture “as a positive moment of communication in the project.”

Communication with peers from other country

Communication with peers representing another country was seen by the students of both universities as a very important and pleasant bonus they had got from participating in the project. Communication with students of another country was referred to by every second Japanese respondent (48 %):

—“I have never had the opportunity to speak with foreigners, so the opportunity to speak via video was a very good experience!”

⁷ *Crepes* are a very popular in the world. However, foreigners consider them to be a desert which shall be served with jam or syrup. *Crepes* with meat, caviar or any other rich filling seem to be rather weird in their opinion

⁸ Cottage-cheese pancakes are *Syrniki*. Some foreigners do not grip an idea of frying cottage cheese at first; however after tasting it, they get fascinated.

—“I was able to hear real stories of my peers from another country!”

—“Since I rarely have the opportunity to interact with Russian people, it was a very pleasant and good experience. I was glad to see in the comments on my video a Russian student who said that I had a nice smile!”

—“Since I could really communicate with Russian students, I can continue to study Russian with great enthusiasm.”

—“It was very enjoyable to interact with Russian students through video.”

—“I was able to really communicate with them!”

—“Next time I would like to communicate more actively by commenting-answering.”

—“I could see my group-mates and Russian students through a video, as opposed to an avatar picture, so it was more of a personal connection.”

—“I was able to respond in person, who made it a better experience than reading typed words on a page,” etc.

But, in comparison with Japanese students, 93 % of Russian participants of the project emphasized “communication with Japanese peers” (new people, representatives of another country, foreigners, students of another country, Japanese people, residents of another nation) as a major factor of interest in this project, explaining that “communication is the key to knowledge.” Russian respondents emphasized that they “had never done anything like this and it was really fun to communicate with representatives of another country with a culture completely different” from their culture. Respondents wrote that “communication with peers from another country gave them irreplaceable communication skills,” they “enjoyed talking to other people” and “it helped to get new knowledge about culture of Japan”. Also, Russian students noted that “it was nice to receive comments and see deep interest in the eyes of others (foreigners)” and they also considered it “an opportunity to continue interaction and communication after finishing the project.” Moreover, Russian participants stressed “responsiveness and openness of Japanese students” and “openness to communication (dialogue).”

Positive experience of participation in the project

The goal of participating in the project for some students was the expansion of professional competencies in the use of a foreign language. Choosing the goal of improving skills in foreign language, the students spoke about their foreign language improving, which refers to the development of competence. Since the process of developing of foreign language competencies in this case was more important than the result, the students noted a high degree of interest in the project and constant self-motivation throughout the project.

Positive experience of understanding

Findings show that 20.3 % of the students made comments highlighting the fact that they were able to improve various Russian skills (Japanese students) and English skills (Russian students), such as speaking, and had been able to make a presentation and expressed their satisfaction with participating in the project. Responses such as, “When I listened to the living Russian language of native Russians, I began to understand better what they were speaking about,” “I began to speak more clearly,” “I learned how to adapt my video in two languages for the appropriate audience, so that I can be understood,” “less fear of speaking English in front of the

camera,” “I have had an opportunity to practice to make a speech,” or this one: “It was difficult for me to explain what ingredients are necessary for *miso soup* because these ingredients can be found only in Japan. I was worried how to explain it to Russian students, but I was glad that some of them liked it.”

Some students noted that “new knowledge about foreign culture and cuisine will help them to learn foreign language with new motivation in the future.” It is likely that the focus of these students on the process of work in the project is due to the fact that they rated their participation in the project as quite successful:

—“It was difficult because I rarely cook. However, the cooking was fun and delicious. I also enjoyed trying to cook the beautiful dish and I was worrying about what angle the video was shot from.”

—“I cooked *tamagoyaki*. There were very simple ingredients and it was easy to cook, but I was very worried because I didn't know how to explain it in Russian. But when I saw the comments on my video, it seemed to me that I was able to tell more than I had expected, so I was relieved.”

—“I cooked *takoyaki* and I was glad that students from Omsk commented on this. However, I was disappointed that I could not answer the question exactly.”

—“It was difficult to explain in Russian how to cook while cooking and shooting the video. However, I was glad to receive a decent response from Russian students. Russian students shot also English versions of presentations, so even if I didn't understand something in Russian, it was easy to understand the meaning while listening to it. I hope this practice will be continued.”

—“Some Russians are very interested in the food I cooked. I presented *Ochazuke* because I like it! I shot my video hoping that Russian students would like to know that *Ochazuke* is delicious!”

Discussion

The recent crises in international relations have created tensions in communication and hindered the achievement of understanding between societies. Under these complicated circumstances, young people are not just objects of public influence but also agenda-setting actors capable of learning and acting on the basis of knowledge about the international situation [Zhilina 2018a, p. 63]. That is why understanding one's own culture and understanding cultures as human constructions are both necessary steps in learning to cope with intercultural interactions, and usually precede learning about people, cultures, and other ways of being.⁹ To be a successful international communicator, it is not sufficient to only make progress in foreign language proficiency. It is necessary to develop other global competencies, such as intercultural and interpersonal communicative and digital competence, and integrate them into a common set of skills that can be used for international cooperation.

Taking into consideration the fact that culture is an important and related factor in this project, and that the formative context of the Russo-Japanese project study generated purpose and interests that helped students recognize the requirements for, and benefits of technology-enabled self-access activities, we also tried to answer the question: *Regarding the students decision to participate and*

⁹ For more details, see: Intercultural Competences – Conceptual and operational framework. P. 27. <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000219768> (accessed: 21.06.2021).

their final evaluation of the achieved result, how did their initial perception of the goal of the project influence their decisions?

Present study shows that, in the project “*Russia-Japan – national cuisines (Do you like cooking?)*”, food not only contributes to students’ identity and communicates a sense of social belonging, but that it also contributes to the construction of national identities and that national cuisine is one of the symbols that show how nations position food as a part of the national identity. Food, as a metaphor of the nation, thus provides a promising referential framework through which a sense of belonging is communicated [Walravens, Niehaus 2017]. So, in such an inter-cultural project, the promotion of both Russian and Japanese national cuisines can be easily applied as instruments [Nye 2004].

It was found that cross-cultural food practices were prevalent amongst our participants (students of Kansai University and OmSU), but the decisions to cook one dish or another for a presentation video were influenced by multiple factors. Namely, national tradition, convenience, and variety guided participants’ decisions to not choose cross-cultural food, but rather their own culture’s dishes.

We sought to better understand how project members from different cultures synchronize their worldviews and modify their communication patterns to adapt to one another on both the interpersonal level and the intergroup-intercultural communication level [Ting-Toomey 1989, pp. 175-176]. Such intercultural group projects are also providing students with valuable team working skills [Hansen 2006]. Furthermore, as the make-up of student communities becomes more diverse and individualistic, the group work provides students with the ability to not only work and learn together, but also to learn about each other [Aggarwal, O’Brien 2008; Webb 1997]. This belief is not only held by academics, but students have also stated that they believe group work to be valuable and to have many benefits [Lima et al. 2007].

Analyzing the relationship between perceptions of educational goals and motivations for participating in these projects from both Japanese and Russian students, we found that most of the students considered “communication with representatives of another country” as a significant bonus to the opportunity of language skills improvement. We can see that the participants’ attitudes involved curiosity and openness towards the other, readiness to revise cultural values and beliefs, to interact and engage with others, and, through the creation of common value system, eventually reach a positive outcome for both parties’ communication. Summarizing the results of the study, we can say that the perception of the purpose of participation in the project by students was different, but students of both universities mentioned “cross cultural communication” as a strong motivating factor for their participation in the project.

Impact of the Project

In an increasingly global and mobile society, people are faced with greater cultural diversity both in their professional and private lives and, as a result of this, more and more emphasis is being placed on the need for intercultural awareness, adaptation, and respect for cultural differences [Léon-Henri, Jain 2017]. As far as we could see, the most significant outcome from the project was the collaboration between the students of two universities Kansai (Japan) and OmSU (Russia) as well as working together to improve cross-cultural knowledge and target languages’ skills. Also, the study suggested that our online inter-cultural exchange project had been essential to promote active

interaction of students to develop their interpersonal and intercultural communicative competence. At the initial stage, both Japanese and Russian students were afraid that they would look unconvincing because they were unfamiliar with their peers' culture and had not enough practice in languages, but, through *Flipgrid* communication, through intercultural relationships, students acquired important inter-personal and inter-cultural skills. Feedback from this project has been positive with participants commenting favorably on both the relevance of the model of effective language practice, as well as the significance of international communication. The most interesting result of this project was that the students of both countries not only answered the questions posed in questionnaires, but actively expressed their opinions on their video presentations and the presentations of other participants, analyzed the videos, complimented and posted "likes", and they began to communicate outside of the project.

One cannot overestimate the importance of a country's image abroad. National images, in fact, are one part of a state's soft power and play important role in international relations. In this connection, we should mention that, in this project, intercultural relationships (which are characterized by cultural differences in communication style, values, and perceptions) also helped to break the stereotypes towards the countries and the young people of these countries which the students had held before.

Besides, owing to the mentioned project, positive component of the nation's brand for Japanese students who linked their representation of Russia with Russian cuisine helped them associate Russia through visual narration. In these sequences, as well as others, the students' emotional reactions are typically captured in the visual presentation of Russia. When Japanese students visualize, they use images, symbols (e.g., pictures, etc.), and other forms of mental coding to represent experiences and information [Zhilina 2018b, p. 60].

Moreover, the years of 2020–2021 were declared Japan-Russia years of regional exchanges – years of Russian-Japanese cultural exchange between the two nations. Within the framework of these Years in Japan and in Russia a series of cultural and academic events in Japan based primarily in Tokyo, but also featuring events at venues throughout Japan, were held with the aim of introducing the many facets of Russia to the Japanese people. We think that our project could also help to deepen mutual understanding between the young generation's representatives – university students, which will serve as a way of improving country image and the foundation for new partnership between our universities and, on a larger scale, between our countries. In this connection we would like to propose launching similar projects in the coming year.

Conclusion

The analysis of this example of students' intercultural collaboration on the basis of the Internet platform *Flipgrid* shows great potential for increased intercultural understanding and dialogue through a realization of intercommunication between students of different countries under the restrictions caused by the pandemic. Sustained and supported intercultural contact creates opportunities for individual and collective reflection, creative collaborations, cooperative action, and educational transformation. Taken together, such activities promote deeper understanding of the local-global connection and form the potential for building partnerships based on reciprocity.

Internationalization offers an opportunity to establish collaborative and ethical partnerships. In turn, increased understanding may result in a reciprocal improvement of educational research and

practices. In this way, education may come to employ collaborative practices that result in the complimentary growth of multicultural understanding and increased collaboration on an international level in higher educational institutions. Principled practices for the internationalization of education create opportunities for collaborative knowledge production, exposure to different contexts and worldviews, more complex and nuanced analyses, and improved capacity to respond to change and diversity.¹⁰

To sum up, while the COVID-19 pandemic has negatively impacted the internationalization of higher education, the trend of online international mobility might become a new permanent feature of higher education even after the COVID-19 pandemic. Of course, there are some limitations inherent in our study: the sample size was relatively small because it was the first time we implemented such educational projects, and the duration of each launched project was only one month. But obtained data, after careful codification and analysis, offers useful insights for understanding the subject matter under review. As we see, during the period of restrictions caused by the pandemic, the task of improving of the skills of intercultural interaction can be solved through the participation of students in such international educational projects via Internet platforms.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аржанова И.В. Международное образовательное сотрудничество – эволюция понятия... // Вестник РУДН, серия Международные отношения. 2011. № 4. С. 124–133.

Жилина Л.В. Проблемы политической социализации современной японской молодёжи // Ежегодник Япония. 2018. Т. 47. С. 55–76. DOI: 10.24411/0235-8182-2018-10003

Затеса Н.С. Международный проект как средство создания языковой среды в неязыковом вузе // Труды 63-й Всероссийской научной конференции МФТИ 23–29 ноября 2020, Гуманитарные науки и педагогика, М: МФТИ. 2020. С. 55–56.

REFERENCES

Arzhanova, I.V. (2011). Mezhdunarodnoye obrazovatel'noye sotrudnichestvo – evolyutsiya ponyatiya... [International Educational Cooperation – Evolution of the Concept and its Substantial Essence]. *Vestnik RUDN. International Relations*, 4, 124–133. (In Russian).

Zhilina, L.V. (2018a). Problemy politicheskoi sotsializatsii sovremennoi yaponskoi molodezhi [The Challenges of Political Socialization of the Contemporary Japanese Youth]. *Yearbook Japan*, 55–76. DOI: 10.24411/0235-8182-2018-10003 (In Russian).

Zatesa, N.S. (2020). Mezhdunarodnyi proyekt kak sredstvo sozdaniya yazykovoi sredy v neyazykovom vuze [An International Project as a Means of Creating a Linguistic Environment in a Non-Linguistic University]. In *Papers of the 63th MIPT All-Russian Scientific Conference 23–29 November 2020, Humanities and pedagogy* (pp. 55–56). Moscow: MIPT, 2020, 55–56. (In Russian).

* * *

¹⁰See: Association of Canadian Deans of Education (ACDE). (2014). Accord on the Internationalization of Education. Vancouver, BC: ACDE. <https://csse-scee.ca/acde/wp-content/uploads/sites/7/2017/08/Accord-on-the-Internationalization-of-Education.pdf>. P. 5. (accessed: 21.06.2021)

Agan, T.L., Anderson, D.A., Atwood, A., Casarez, L.L., Heron, A., & Self, R.N. (2019). Flipgrid to enhance communication in distance education. *Delta Kappa Gamma Bulletin: Collegial Exchange*, 85(4), 34–37.

Aggarwal, P., O'Brien, C.L. (2008). Social loafing on group projects: Structural antecedents and effect on student satisfaction. *Journal of Marketing Education*, 30(3), 255–64.

Arasaratnam, L.A., & Banerjee, S.C. (2011). Sensation seeking and intercultural communication competence: A model test. *International Journal of Intercultural Relations*, 35, 226–233.

Baldwin, J.R., Coleman, R.R.M., González, A. (2013). *Intercultural communication for everyday life*. Somerset, GB: Wiley-Blackwell Publishing.

Burleson, B. (2009). The nature of interpersonal communication: A message-centered approach. In Berger C.R., Roloff M.E. & Roskos-Ewoldson D. R. (eds.), *The Handbook of Communication Science* (pp. 145–163). Thousand Oaks, CA: Sage.

Byram, M., Nicols A., Stevens, D. (2001). *Developing Intercultural Competence in Practice*. Great Britain by the Cronwell Press Ltd.

de Wit, H., Deca, L. (2020). Internationalization of Higher Education, Challenges and Opportunities for the Next Decade. In: Curaj A., Deca L., Pricopie R. (eds.) *European Higher Education Area: Challenges for a New Decade*. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-56316-5_1

Gamst, G.C., Liang, C.T.H., & Der-Karabetian, A. (2011). *Handbook of Multicultural Measures*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Hansen, R. (2006). Benefits and problems with student teams: Suggestions for improving team projects. *The Journal of Education for Business*, 82(1), 11–9.

Kember, D., Gow, L. (1990). Cultural specificity of approaches to study. *British Journal of Educational Psychology*, 60, 356–363.

Lee, L. (2020). Promoting Interpersonal and Intercultural Communication With Flipgrid: Design, Implementation, and Outcomes. In *New Technological Applications for Foreign and Second Language Learning and Teaching* (pp. 262–282). DOI:10.4018/978-1-7998-2591-3.ch013

Léon-Henri, D.P., Jain, B. (2017). Role Play: A Practical Way to Teach Intercultural Communication. *Jeux et langues dans l'enseignement supérieur*, 36 (2). DOI:10.4000/apliut.5746

Lianaki-Dedouli, I., Plouin, J. (2017). Bridging anticipation skills and intercultural competences as a means to reinforce the capacity of global citizens for learning to learn together. *Futures*. DOI: 10.1016/j.futures.2017.03.001

Lieberman, D.A., Gordon, R.S. (2011). Engaging a campus in effective intercultural and interracial communication initiatives. In D. Brunson, L. Lampl, & F.F. Jordan-Jackson (Eds.), *Interracial communication: Contexts, communities, and choices* (pp. 236–251). Dubuque, IA: Kendall Hunt.

Lima, R.M., Carvalho, D., Flores, M.A., Hattum-Janssen, N. (2007). A case study on project led education in engineering: Students' and teachers' perceptions. *European Journal of Engineering Education*, 32(3), 337–347.

Marambe, K.N., Vermunt, J.D., Boshuizen, H.P.A. (2012). A cross-cultural comparison of student learning patterns in higher education, *Higher Education*, 64(3), 299–316. DOI: 10.1007/s10734-011-9494-z.

Martin, J.N., Nakayama, T.K. (2009). *Intercultural Communication in Contexts*. 5th ed. McGraw-Hill.

Matsumoto, D., Hwang, H.C. (2013). Assessing cross-cultural competence: A review of available tests. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 44(6), 849–873.

Nye, J.S. (2004). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.

Solleh, F.M. (2018). Gastrodiplomacy: Psychological persuasion via national cuisine – advances in intelligent systems and computing. In *Proceedings of the 7th International Conference on Kansei Engineering and Emotion Research* (pp. 129-139). DOI:10.1007/978-981-10-8612-0_15

Solleh, F.M. (2015). Gastrodiplomacy as a soft power tool to enhance nation brand. *Journal of Media and Information Warfare*, Vol. 7, June, 2015, 161-199.

Tesar, M. (2020). Towards a post-Covid-19 “New Normality?”: Physical and social distancing, the move to online and higher education. *Policy Future in Education*, 18(5), 556–559.

Ting-Toomey, S. (1989). *Intergroup communication and simulation in low- and high-context cultures*. In Crookall, D. and Saunders, D. (eds.), 167–188.

Walravens, T., Niehaus, A. (2017). Introduction: Reconsidering Japanese Food. In *Feeding Japan* (pp.1–16). Palgrave Macmillan, Cham. DOI:10.1007/978-3-319-50553-4_1

Webb, N. (1997). Assessing students in small collaborative groups. *Theory into Practice*, 36(4), 205–13.

Zhilina L.V. (2018b). Japanese young people’ perceptions of Russia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2018, 18 (1), 49–65. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-49-65

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-94-112

Стратегический треугольник России, Китая и Японии: история, современность и возможное будущее

А.Л. Лукин, А.В. Губин

Аннотация. Концепция стратегического треугольника, которая обычно применяется для описания политической динамики между Москвой, Вашингтоном и Пекином, может быть полезна для анализа отношений между Москвой, Токио и Пекином. В статье дан обзор исторической эволюции стратегического треугольника Россия – Китай – Япония, а затем проанализированы современные отношения в рамках каждой из сторон треугольника: Россия – Китай, Япония – Китай, Россия – Япония. В качестве рубежа отсчёта современного периода авторы берут начало 2010-х гг.

С конца XIX века стратегический треугольник Россия – Китай – Япония перепробовал почти все возможные конфигурации. Сегодня ось Пекин – Москва направлена против Токио. Особенность современного треугольника в Северо-Восточной Азии заключается в том, что он находится в гравитационном поле глобального треугольника США, Китая и России. Динамика отношений по линиям Россия – Китай – Япония во многом определяется тем, что один из его полюсов, Токио, является не вполне самостоятельным актором, будучи привязанным к старшему союзнику – США. Это налагает значительные структурные ограничения на возможные трансформации в треугольнике: антагонизм Вашингтона с Пекином и Москвой затрудняет для Токио поиск компромиссов со своими великодержавными соседями в Северо-Восточной Азии. Это стало одной из причин неудачи попыток Абэ Синдзо приблизиться к решению территориального спора с Россией. Ему также не удалось предотвратить сближение Москвы и Пекина. В 2020 г., когда Абэ ушёл в отставку, отношения между Китаем и Россией стали гораздо крепче, чем в 2013 г., когда он начинал свою дипломатию на российском направлении.

С достаточной долей уверенности можно предположить, что в ближайшие годы конфигурация и характер стратегического треугольника в Северо-Восточной Азии не претерпят значительных изменений. При этом поляризация его структуры и международной системы в целом, вероятнее всего, будет усугубляться. Япония будет сохранять и укреплять тесные военно-политические отношения с США и другими «индо-тихоокеанскими» партнёрами. Пекин будет выстраивать собственную систему стратегических партнёрств и квази-альянсов, в которой самым важным (после него самого) участником будет Москва.

Ключевые слова: стратегический треугольник, Северо-Восточная Азия, российско-японские отношения, японо-китайские отношения, российско-китайские отношения, региональная и глобальная безопасность.

Авторы:

Лукин Артём Леонидович, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет (адрес: Россия, 690922, г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D). ORCID: 0000-0001-7252-9905. E-mail: artlukin@mail.ru

Губин Андрей Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет (адрес: Россия, 690922, г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D). ORCID: 0000-0001-6042-5754. E-mail: gubin.av@dvfu.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-511-93005 «Развитие стратегического партнёрства России и Китая в Восточной Азии».

Для цитирования: Лукин А.Л., Губин А.В. Стратегический треугольник России, Китая и Японии: история, современность и возможное будущее // Японские исследования. 2021. № 4. С. 94–112. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-94-112

The strategic triangle of Russia, China, and Japan: History, present, and possible future

A.L. Lukin, A.V. Gubin

Abstract. The concept of a strategic triangle, which is usually used to describe the great-power political dynamics among Moscow, Washington, and Beijing, can be relevant to analyze relations between Moscow, Tokyo, and Beijing. The paper provides an overview of the historical evolution of the Russia-China-Japan strategic triangle and examines contemporary relations in each pair of the triangle: Russia-China, Japan-China, Russia-Japan. The authors take the early 2010s as the start of the contemporary period in the Russia-Japan-China triangle development.

From the late 19th century, the strategic triangle of Russia, China, and Japan has tried almost all possible configurations. Nowadays, the axis of Beijing and Moscow is directed against Tokyo. The peculiarity of the modern Northeast Asia triangle is that it is situated within the gravitational pull of the global triangle of the United States, China, and Russia. The dynamics in the relationships of Russia, China, and Japan is, to a significant extent, determined by the fact that Tokyo lacks full independence as a foreign policy actor, being attached to its senior ally, the US. This imposes considerable structural limitations on possible transformations of the triangle, as the antagonism between Washington and Beijing, as well as between Washington and Moscow, makes it more difficult for Tokyo to reach compromises with its great-power neighbors in Northeast Asia. This was one of the reasons why Abe Shinzō failed to make significant progress on the resolution of the territorial dispute with Russia. He also failed to prevent further rapprochement between Moscow and Beijing. In 2020, when Abe stepped down as prime minister, the Russia-China relationship was much stronger than it was in 2013, when Abe launched his diplomacy of courting Moscow.

It can be predicted, with sufficient confidence, that, in the coming years, the configuration and character of the strategic triangle in Northeast Asia will not undergo major changes. At the same time, the polarization of the triangle's structure and the polarization of the international system as a whole will grow more intense. Japan will preserve and strengthen close political-military relations with the United States and other "Indo-Pacific" allies. For its part, Beijing will seek to build its own system of strategic partnerships and quasi-alliances, in which, apart from China itself, Russia will be the most important member.

Keywords: strategic triangle, Northeast Asia, Russia-Japan relations, Japan-China relations, Russia-China relations, regional and global security.

Authors:

Lukin Artyom L., Ph.D. (Political Science), associate professor, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (address: Building D, FEFU campus, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7252-9905. E-mail: artlukin@mail.ru

Gubin Andrey V., Ph.D. (Political Science), associate professor, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (address: Building D, FEFU campus, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6042-5754. E-mail: gubin.av@dvfu.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of a conflict of interests.

Acknowledgement. This research was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project № 20-511-93005 “The development of strategic partnership of Russia and China in East Asia”.

For citation: Lukin A.L., Gubin A.V. (2021). Strategicheskiy treugol'nik Rossii, Kitaya i Yaponii: istoriya, sovremennost' i vozmozhnoye budushcheye [The strategic triangle of Russia, China and Japan: History, present, and possible future]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 4, 94–112. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-94-112

Введение

Понятие «стратегический треугольник» обычно применяется для характеристики отношений между тремя наиболее значимыми геополитическими акторами современного мира – США, Китаем и Россией. Однако данный концепт, в принципе, может быть применим к любому международно-политическому сюжету, где мы имеем дело с тремя государствами, каждое из которых обладает значимым геополитическим потенциалом. Как отмечает Лоуэлл Диттмер, главное условие существования треугольника – «признание этими игроками стратегической значимости каждого из трёх участников, при том, что на отношения между любыми двумя игроками будут воздействовать отношения каждого из них с третьим» [Dittmer 1981, pp. 485–515]. Можно также вспомнить концепцию стратегического треугольника «Россия – Китай – Америка» отечественного китаевода Юрия Галеновича. На его взгляд, главным объединяющим фактором здесь служит заинтересованность в согласовании своих национальных интересов в долгосрочном плане, поскольку все три стороны являются так называемыми «вечными нациями», которые способны самостоятельно обеспечить своё выживание на планете и уничтожить любого конкурента [Галенович 2006, с. 5–6, 558].

Концепция стратегического треугольника может быть полезна для анализа отношений между Москвой, Токио и Пекином. Россия, Китай и Япония, безусловно, являются важными геополитическими игроками. Между каждым из них существуют устойчивые и значимые взаимодействия, хотя далеко не всегда дружественные. Наконец, отношения между двумя из этой тройки оказывают влияние на отношения каждого из них с третьим. Примечательно, что этот северо-восточноазиатский треугольник возник задолго до появления конфигурации Москва – Вашингтон – Пекин.

В статье будет дан обзор исторической эволюции треугольника Россия – Китай – Япония с конца девятнадцатого века, а затем проанализированы современные отношения в рамках каждой из сторон треугольника: Россия – Китай, Япония – Китай и Россия – Япония.

В качестве рубежа отсчёта современного периода авторы берут начало 2010-х гг., в том числе в связи с тем, что в это время начался третий президентский срок Владимира Путина в России, Си Цзиньпин стал генеральным секретарем Коммунистической партии Китая, а Абэ Синдзо заступил на своё второе премьерство. Путин и Си до сих пор находятся у кормила власти, а Абэ, хотя и покинул пост премьера, сохраняет значительное влияние на политику Японии. В заключительной части статьи предусмотрены выводы и некоторые предположения относительно дальнейшего развития событий в рамках треугольника.

Исторические метаморфозы треугольника

Стратегический треугольник, состоящий из России, Японии и Китая, начал формироваться во второй половине XIX века. Первой его фиксацией можно считать Московский договор 1896 г. между Российской и Цинской империями для совместного противодействия Японии. Документ был заключен после проигранной Китаем войны с Японией (1894–1895 гг.). Однако русско-китайский антияпонский союз просуществовал недолго. Договор фактически утратил силу в результате русско-японской войны 1904–1905 гг. и заключения Портсмутского мира.

Проигранная война с Японией ознаменовала завершение единственного и довольно кратковременного периода в истории отечественной внешней политики, когда Восточная Азия рассматривалась руководством государства в качестве приоритетного геополитического направления. Санкт-Петербург отказался от дальнейшей экспансии в Северо-Восточной Азии, сосредоточившись на консолидации уже имевшихся позиций на Дальнем Востоке. Новая восточная политика России была закреплена серией дипломатических соглашений с Японией 1907, 1910, 1912 и 1916 г. Данные документы разделили сферы влияния между двумя империями в континентальной Северо-Восточной Азии. Россия оставила за Японией свободу действий на Корейском полуострове и в Южной Манчжурии, в то время как Токио признал Северную Манчжурию и Внешнюю Монголию зоной интересов России. Потепление отношений между двумя странами стало особенно заметным после начала Первой мировой войны, когда они стали участниками антигерманской Антанты, таким образом превратившись – единственный раз в истории своих отношений – в официальных союзников. Китай к этому времени практически утратил субъектность в качестве единого политического актора и геополитического полюса, что привело к прекращению существования стратегического треугольника.

Формат начал возрождаться в конце 1920-х гг., когда в Китае вновь появилась централизованная власть во главе с Нанкинским правительством Гоминьдана. В 1929 г. произошёл советско-китайский военный конфликт за контроль над КВЖД, что привело к разрыву дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой. Однако довольно скоро японский фактор заставил обе стороны начать взаимное сближение: после японского вторжения в Манчжурию в 1932 г. дипломатические и консульские отношения между Москвой и Нанкином были восстановлены. Начало в 1937 г. полномасштабной войны между Китаем и Японией привело к ещё большему упрочению советско-китайских отношений несмотря на идеологические разногласия между Москвой и

антикоммунистическим Гоминьданом. СССР рассматривал милитаризирующуюся и всё более агрессивную Японию в качестве одной из главных геополитических угроз¹.

Кульминацией противостояния Москвы и Токио стали вооружённые конфликты на озере Хасан в 1938 г. и на реке Халхин-Гол в 1939 г. Для борьбы с общим врагом Советский Союз оказывал Китаю существенную военную помощь в виде поставок оружия и стратегических материалов. Однако в апреле 1941 г. диспозиция вновь изменилась: СССР и Япония приняли решение урегулировать наиболее острые взаимные разногласия и заключили Пакт о нейтралитете. Москве такой договор был нужен для обеспечения безопасности восточных границ в условиях нарастающей вероятности скорой войны с гитлеровской Германией. Япония, в свою очередь, развязывала себе руки в преддверие готовившейся экспансии на Тихом океане. В условиях продолжавшейся войны в Китае, в которой увязло значительное количество японских сил, Токио едва ли мог себе позволить открыть сухопутный фронт ещё и против Советского Союза. Нейтралитет между Москвой и Токио отразился на отношениях СССР с Китаем. Советское правительство заверило Чан Кайши, что не собирается останавливать оказываемую его стране помощь, однако с началом войны с Германией поставки в Китай прекратились, а советские военные советники были отозваны [Славинский 1995].

В 1945 г. конфигурация треугольника опять изменилась. Разорвав в одностороннем порядке Пакт о нейтралитете с целью выполнения союзнических обязательств, СССР начал войну против Японии, освободив значительную часть северо-восточного Китая. Поражение, капитуляция и последующая оккупация Японии американцами означали, что Токио уже не мог выступать в качестве суверенного и значимого игрока, что повлекло за собой и распад треугольника Москва – Пекин – Токио. Лишь к 1960-м гг. данный формат начал оживать. Этому способствовало бурное послевоенное восстановление Японии, а также возвращение ею международно-политической субъектности, хотя и на положении младшего союзника США. Другим фактором стало ухудшение отношений между СССР и Китаем, поставившее две крупнейшие коммунистические державы на грань войны. Пекин, как более слабая сторона в противостоянии, нуждался в союзниках против Москвы. После визита в Китай президента Ричарда Никсона в 1972 г. главным союзником Пекина в противоборстве с СССР стали США, однако вторым по значимости антисоветским партнёром КНР – Япония. Примечательно, что первое публичное заявление о территориальных претензиях к СССР Мао Цзэдун сделал именно на встрече с японскими парламентариями в июле 1964 г.² В 1972 г. между Японией и КНР были установлены дипломатические отношения, а в 1978 г. – заключён Договор о мире и дружбе. Ради укрепления двусторонних отношений китайское руководство даже согласилось отложить в сторону вопрос об ответственности Токио за агрессию против Китая. Так, в ходе визита в Японию в октябре 1978 г. Дэн Сяопин заметил, что «после двух тысячелетий дружественных отношений в XX веке японо-китайские связи пережили некоторые трудности»³.

¹ Почти в то же самое время фактор нарастающей японской угрозы стал одним из мотивов, побудивших США установить в 1933 г. дипломатические отношения с СССР.

² Леонид Максименков. В шаге от беды // Коммерсант. 09.09.2019. <https://www.kommersant.ru/doc/4080092> (дата обращения: 25.10.2021).

³ Михаил Коростиков. Пример лучших правил // Коммерсант. 17.12.2018. <https://www.kommersant.ru/doc/3829217> (дата обращения: 25.10.2021).

В Москве с тревогой следили за китайско-японским сближением, не без основания полагая, что оно имеет антисоветскую направленность. Вот что отмечалось в одной из советских политических публикаций: «Под лживым флагом борьбы против гегемонизма руководство Китая пытается создать на Дальнем Востоке агрессивный альянс Китая, Японии и США для борьбы против СССР и других стран социализма, осуществления экспансионистской политики и установления своей гегемонии в Азии. Японо-китайский договор открывает путь для втягивания Японии в орбиту великодержавной антисоциалистической политики Пекина»⁴.

Конфигурация стратегического треугольника, при которой Пекин и Токио оказались в одной связке против Москвы, просуществовала до конца 1980-х гг. Конец этой коалиции был вызван нормализацией советско-китайских отношений, которая ознаменовалась визитом Михаила Горбачева в Пекин в мае 1989 г. Вторым фактором стали события на площади Тяньаньмэнь, после которых Япония наряду со странами Запада ввела санкции против Пекина. Наконец, третьим важным обстоятельством явилось прекращение холодной войны, ослабление и распад Советского Союза, вследствие чего Токио перестал воспринимать Москву в качестве серьезной угрозы.

В результате развала СССР и установления гегемонии США стратегический треугольник Москва – Пекин – Токио практически исчез. Постсоветская Россия, погрузившаяся в состояние политического и экономического хаоса, перестала играть существенную геополитическую роль в Северо-Восточной Азии. К середине 1990-х гг. Китай восстановил отношения со странами Запада, выйдя из частичной международной изоляции, однако руководствуясь доктриной Дэн Сяопина (韬光养晦 – «скрывать свои силы, держаться в тени»), проводил весьма осторожную внешнюю политику. Не оправдались и прогнозы, что после распада биполярного порядка Япония возжелает стать одним из ключевых геополитических центров новой глобальной системы международных отношений. Вместо того чтобы претендовать на роль полностью самостоятельного политического игрока, Токио демонстрировал готовность оставаться в положении лояльного младшего партнера Вашингтона.

Однако во второй половине 1990-х гг. произошло событие, которое во многом определило дальнейшие мирополитические процессы, в том числе эволюцию российско-китайско-японского треугольника. В 1996 г. Борис Ельцин и Цзян Цзэминь провозгласили «стратегическое партнёрство» России и Китая. Мало кто на тот момент прогнозировал, что данная декларация постепенно разовьётся в геополитическую ось Москва – Пекин, которая бросит вызов доминированию США.

Очередное возобновление стратегического треугольника произошло к концу 2000-х – началу 2010-х гг. После финансового кризиса 2008–2009 гг. очевидными стали постепенный закат однополярного доминирования США, а также факт существенного усиления КНР и превращения её во вторую по значимости державу в мировой системе. Заметно ухудшились и китайско-японские отношения. Отчасти это было связано с подъёмом национализма в Китае, для которого основным внешним объектом ненависти стала Япония, отказывающаяся должным образом покаяться за преступления, совершенные против китайского народа. В

⁴ Японо-китайский договор 1978 // Военная энциклопедия: историко-архивный и военно-патриотический портал. <https://военная-энциклопедия.рф/советская-военная-энциклопедия/Я/Японо-китайский-договор-1978> (дата обращения: 20.10.2021).

Японии тоже нарастали националистические тенденции и росли страхи, что усиливающийся Китай представляет всё более серьёзную угрозу. Кроме того, произошло возвращение на мировую сцену России в качестве великой державы. Одновременно с этим ухудшались отношения РФ с США и Западом в целом, символическим индикатором чего стала Мюнхенская речь Владимира Путина в феврале 2007 г., в которой, по существу, было заявлено, что Россия более не готова мириться с однополярной гегемонией США. Наконец, геополитический блок Москвы и Пекина стал данностью, которую уже нельзя было отрицать.

Российско-китайские отношения в эпоху Владимира Путина и Си Цзиньпина

Политическое сближение России и Китая, особенно в дипломатической и военной областях, определяется несколькими ключевыми обстоятельствами. Во-первых, и самое главное, это логика баланса сил в международной системе: Москва и Пекин рассматривают Вашингтон в качестве главной внешней угрозы, что заставляет их сплотиться в противостоянии общему оппоненту. Во-вторых, между двумя странами сложилась ярко выраженная геоэкономическая взаимодополняемость. Китай нуждается в российских природных ресурсах, особенно энергетических, которые поставляются наземным путём и неуязвимы перед военно-морской мощью США и их союзников. Россия, в свою очередь, заинтересована в китайских деньгах, промышленных товарах и технологиях, с учётом затруднённого американскими и европейскими санкциями доступа на западные рынки. В-третьих, Москва и Пекин извлекли уроки из опыта взаимной конфронтации и понимают, что конфликт между ними был бы чреват крайне негативными последствиями. В-четвертых, нельзя сбрасывать со счетов и субъективный фактор, связанный с личностями нынешних высших руководителей России и Китая. Владимир Путин и Си Цзиньпин, судя по всему, сумели установить тесные и доверительные отношения друг с другом. Возможно, этому способствует наличие у них ряда общих черт, таких как схожий возраст и склонность к этатистской политической философии.

Путин уже неоднократно давал понять, что, хотя Москва и Пекин пока не ставят перед собой цели создания полноценного альянса, такой поворот событий вполне возможен в будущем. Так, в октябре 2020 г., отвечая на вопрос китайского эксперта о возможности военного союза между РФ и КНР, российский президент отметил: «... в принципе и исключать этого не собираемся. Поэтому посмотрим»⁵. Китайские официальные лица никогда публично не подтверждали возможность военно-политического союза с Россией. Однако официальный Пекин никогда и не дезавуировал периодически звучащие из Москвы заявления о том, что такой союз не исключен.

Стратегическое сближение России и Китая направлено прежде всего против США, но в то же время представляет серьёзный вызов тем союзникам Америки, которые имеют сложные отношения с ними. Именно к данной категории относится Япония. Как отмечают базирующиеся в Токио аналитики, «углубляющееся китайско-российское военное

⁵ Владимир Путин. Выступление на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай». 22.10.2020 // Президент России. <http://kremlin.ru/events/president/news/64261> (дата обращения: 26.10.2021).

сотрудничество на суше, на море и в сфере создания системы предупреждения о ракетном нападении вызывает тревогу в Японии»⁶.

Военное сотрудничество Москвы и Пекина в значительной степени сосредоточено на Азиатско-Тихоокеанском регионе. В частности, именно в Северо-Восточной Азии в последние годы проходили наиболее крупные совместные учения и военные акции России и Китая. Так, в 2018 г. Китай впервые принял участие в масштабных российских стратегических манёврах «Восток» на территории Дальнего Востока. По мнению американского военного аналитика Майкла Кофмана, «Москва намеренно сфокусировала сценарий учений на отражении нападения с воздуха и моря, то есть нацелила их на США и на их тихоокеанских союзников, а не на гипотетическую сухопутную угрозу со стороны Китая»⁷.

В июле 2019 г. самолёты стратегической авиации России и Китая провели первое совместное патрулирование за пределами своих национальных границ. Примечательно, что маршрут проходил над Восточно-Китайским (ВКМ) и Японским морями. В декабре 2020 г. состоялось вторая подобная операция в этом же районе. В октябре 2021 г. Россия и Китай организовали совместные военно-морские учения «Морское взаимодействие–2021» в Японском море. Особенностью стало то, что после их завершения отряд из десяти российских и китайских военных кораблей проследовал через Сангарский пролив между островами Хонсю и Хоккайдо и вышел в западную часть Тихого океана, где эскадра провела «совместное патрулирование». Затем корабли, пройдя вдоль тихоокеанского побережья Японии, вышли в ВКМ через пролив Осуми, отделяющий остров Кюсю от архипелага Рюкю⁸. Примечательно, что флагманским кораблем всей эскадры был китайский «большой эсминец» «Наньчан»⁹.

Совместные проходы через Сангарский пролив и пролив Осуми, а также патрулирование в Тихом океане были осуществлены в таком формате впервые. Согласно официальному сообщению Министерства обороны РФ, «задачами являлись демонстрация государственных флагов России и Китая, поддержание мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также охрана объектов морской экономической деятельности двух стран»¹⁰. С похожим заявлением выступило и оборонное ведомство КНР¹¹.

Несмотря на то, что США и Япония не были упомянуты в официальных заявлениях министерств обороны РФ и КНР, совершенно очевидно, что именно они стали главными

⁶ Laura Zhou. Ready, set, fire: China and Russia get back to testing each others' military tactics // *South China Morning Post*. 08.08.2021. <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3144092/ready-set-fire-china-and-russia-get-back-testing-each-others> (дата обращения: 20.09.2021).

⁷ Michael Kofman. "Vostok-2018": Russia and China signal growing military cooperation // *Russia Matters*. 10.09.2018. <https://russiamatters.org/analysis/vostok-2018-russia-and-china-signal-growing-military-cooperation> (дата обращения: 22.10.2021).

⁸ China, Russia warships pass through Osumi Strait // *NHK World*. 24.10.2021. https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/news/20211024_02/ (дата обращения: 29.10.2021).

⁹ Chinese, Russian warships tackle Japanese close-in recon, 'display confidence' in 1st joint sea patrol // *Global Times*. 25.10.2021. <https://www.globaltimes.cn/page/202110/1237181.shtml> (дата обращения: 29.10.2021).

¹⁰ Боевые корабли ВМФ России и ВМС Китая впервые провели совместное патрулирование в Тихом океане // Министерство обороны России. 23.10.2021. https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12390097@egNews (дата обращения: 26.10.2021).

¹¹ 中俄两军组织实施首次海上联合巡航 [Китайские и российские вооружённые силы провели первое совместное морское патрулирование] // 国防部网 [сайт Министерства обороны КНР]. 23.10.2021. http://www.mod.gov.cn/topnews/2021-10/23/content_4897177.htm (дата обращения: 26.10.2021).

адресатами такой впечатляющей военно-морской акции. Пекинская пропаганда прямо указывала, что китайско-российское морское патрулирование «шлёт предупреждение Японии и США, которые занимаются сколачиванием союзов против Китая и России»¹². Несомненно, что создание сети антикитайских коалиций, таких как Quad и AUKUS, подталкивает Пекин к формированию собственных квази-альянсов, где Россия рассматривается в качестве важнейшего соратника.

Как представляется, одна из целей подобных акций – оспорить военное доминирование США и Японии в северной части Тихого океана. Кроме того, совместные действия российских и китайских сил вблизи Японских островов отправили сигнал Токио о том, что внешняя политика Японии не устраивает Москву и Пекин. Можно прогнозировать, что подобные совместные акции России и Китая в Северо-Восточной Азии и северной части Тихого океана продолжатся, а их масштабы увеличатся¹³.

Наряду с совместными военными демонстрациями Москва и Пекин в последнее время предприняли ряд политико-дипломатических шагов, которые можно интерпретировать как антияпонские. В июле 2021 г., отвечая на вопрос о протестах Японии в связи с визитом российского премьер-министра Михаила Мишустина на Южные Курилы, официальный представитель МИД КНР заявил, что территориальный спор является «двусторонним вопросом России и Японии», но при этом подчеркнул, что следует «добросовестно уважать и соблюдать итоги победоносной антифашистской войны»¹⁴. Заявление примечательно тем, что оно созвучно позиции Москвы, в соответствии с которой СССР легитимно приобрел Южные Курилы в результате поражения страны-агрессора, Японии, во Второй мировой войне, и, следовательно, требование о возврате островов равносильно призыву к пересмотру итогов войны. Это также важно с учётом того, что в 1960-х гг. Пекин солидаризировался с позицией Токио по территориальному спору из-за Южных Курил, хотя впоследствии, по мере постепенного улучшения отношений с Москвой и ухудшения отношений с Токио, поддержка уступила место фактически нейтральной позиции¹⁵. Изменение взглядов Пекина на проблему Южных Курил не осталось незамеченным в Токио¹⁶.

Москва и Пекин также предприняли ряд скоординированных шагов в области «политики памяти», имеющих непосредственное отношение к Японии. Во время совместных мероприятий в китайском городе Дуннин, посвящённых 76-летию победы во Второй мировой войне, министры иностранных дел двух стран Сергей Лавров и Ван И в своих

¹² Chinese, Russian warships tackle Japanese close-in recon, 'display confidence' in 1st joint sea patrol // *Global Times*. 25.10.2021. <https://www.globaltimes.cn/page/202110/1237181.shtml> (дата обращения: 28.10.2021).

¹³ Ранее российско-китайские учения «Морское взаимодействие» уже проводились в чувствительных районах Тихого океана – в Восточно-Китайском (2014) и Южно-Китайском морях (2016). Ещё одним сигналом стало появление в июне 2016 г. российских военных кораблей в непосредственной близости от островов Сэнкаку в Восточно-Китайском море. Это вызвало переполох в Токио, особенно с учётом того, что одновременно рядом со спорными островами оказались и китайские корабли, что наводило на мысль о скоординированной акции Москвы и Пекина.

¹⁴ Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on July 27, 2021 // *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China: official website*. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1895361.shtml (дата обращения: 15.10.2021).

¹⁵ Тем не менее, до сих пор на географических картах, публикуемых государственными издательствами в КНР, Южные Курилы помечены как территория Японии, «оккупированная Россией».

¹⁶ Katsui Nakazawa. Analysis: Like '64, China enters Japan-Russia row at Tokyo Games // *Nikkei Asia*. 05.08.2021. <https://asia.nikkei.com/Editor-s-Picks/China-up-close/Analysis-Like-64-China-enters-Japan-Russia-row-at-Tokyo-Games> (дата обращения: 22.10.2021).

видеообращениях осудили фальсификацию истории войны и обещали вместе отстаивать историческую правду¹⁷. В сентябре 2021 г. в Хабаровске состоялся форум «Хабаровский процесс: исторические уроки и современные вызовы», в котором виртуально участвовали Владимир Путин, Сергей Лавров, глава СВР Сергей Нарышкин и другие высокопоставленные российские чиновники. Форум был посвящён обсуждению «преступлений милитаристской Японии» во Второй мировой войне. Государственные СМИ двух стран – российский телеканал «Звезда» и китайский CGTN – совместно выпустили специальный репортаж о преступлениях печально известного отряда №731 Квантунской армии¹⁸.

Японо-китайские отношения: взаимозависимость на фоне территориального спора

Японо-китайские отношения наиболее всего подвержены влиянию двух факторов: установившейся между странами комплексной взаимозависимости в экономике, а также наличия военно-стратегических противоречий. При этом второй элемент в настоящее время преобладает с точки зрения формирования характера и определения качества диалога Пекина и Токио. По мнению американских специалистов, КНР пытается достичь перевеса в стратегически «чувствительных» для неё районах [Blackwill, Harris 2016, pp. 45–59], в том числе через прецедент наличия так называемой серой зоны в Восточно-Китайском море¹⁹. Интерес КНР направлен на запасы природного газа и биоресурсов, а также образование «буферной» зоны, где затруднена военная активность Японии и США²⁰. Кроме того, оказание давления на Токио необходимо для торможения реализации концепции «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» [Liff 2019].

По данным японского Управления безопасности на море, на протяжении последних нескольких лет китайцы регулярно заходили в воды близ островов Сэнкаку. При этом инциденты имели массовый характер, затрудняющий их предотвращение. Например, в августе 2016 г. более 20 кораблей Береговой охраны КНР сопровождали более ста рыболовных судов, ведущих промысел, и не реагировали на предупреждения японских властей²¹. В январе и апреле 2018 г. в спорной зоне были обнаружены китайские многоцелевая атомная подводная лодка, фрегат и исследовательское судно. По словам

¹⁷ 中俄外长向东宁要塞博物馆纪念中国人民抗日战争暨世界反法西斯战争胜利76周年活动发表致辞 [Министры иностранных дел Китая и России почтили память Народной войны сопротивления японской агрессии в музее Дуннина. Выступление по случаю 76-й годовщины Победы в Мировой антифашистской войне] // Министерство иностранных дел КНР: официальный сайт. 04.09.2021. <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbzhd/t1904535.shtml> (дата обращения: 25.10.2021).

¹⁸ Александр Габуев, Темур Умаров. *China Digest Newsletter*. 13.09.2021. <https://chinadigest.substack.com/p/--6da> (дата обращения: 25.10.2021).

¹⁹ Под «серой зоной» (grey zone) в данном случае понимается район, который считается сопредельными сторонами частью своей территории, однако которым они фактически не в состоянии пользоваться ввиду создания взаимных затруднений. Противостоянием в «серой зоне» также называется применение преимущественно невоенных инструментов во избежание эскалации конфликта и для затруднения квалификации действий как угрожающих военной безопасности государства.

²⁰ См.: Global Conflict Tracker, updated 24.11.2020. Council on Foreign Relations. <https://www.cfr.org/global-conflict-tracker/conflict/tensions-east-china-sea> (дата обращения: 27.10.2021).

²¹ Trends in Chinese government and other vessels in the waters surrounding the Senkaku Islands, and Japan's response // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 03.07.2018. https://www.mofa.go.jp/region/page23e_000021.html (дата обращения: 19.10.2021).

министра обороны Японии И. Онодеры, подобные действия нагнетают напряжённость в отношениях между двумя странами, и Силы самообороны будут вынуждены адекватно реагировать в случае их повторения²².

Тем не менее в 2018 г. в ходе встречи министров иностранных дел Ван И и Коно Таро обсуждались аспекты предотвращения инцидентов, а также не исключалось, что вопрос о совместной деятельности в районе Сэнкаку / Дяоюйдао будет решён на уровне лидеров двух стран²³. Действительно, в 2017–2018 гг. наблюдалось некоторое потепление японо-китайских отношений после встречи Абэ Синдзо и Си Цзиньпина на полях саммита АТЭС во вьетнамском Дананге, когда им даже удалось договориться об установлении постоянного механизма по предотвращению кризисных явлений в Восточно-Китайском море.

Однако в «Белой книге» по вопросам обороны Японии 2020 г. отмечалось, что «Китай продолжает попытки в одностороннем порядке изменить статус-кво в районе островов Сэнкаку, используя свой силовой потенциал». Японские специалисты полагают, что в Пекине болезненно восприняли критику из Токио милитаризации Южно-Китайского моря, а также заявление японского руководства о необходимости защиты Тайваня²⁴. Китайское руководство осознаёт, что попытки установить контроль над Сэнкаку / Дяоюйдао с помощью военной силы могут привести к стычкам с японскими военными, что чревато конфликтом и с силами США на Тихом океане. К противостоянию с двумя мощными соперниками Пекин сегодня не готов это может привести к морской блокаде, прорыв которой станет сложной задачей. Потери от торговли и инвестиций могут стать катастрофическими. Однако в КНР понимают, что спорные зоны в ВКМ не подпадают под американские гарантии, когда дело касается невоенных операций. Аналитики уверены в том, что Пекин прибегает к тактике «нарезки салями»²⁵, делая упор на невоенные инструменты, чтобы избежать эскалации²⁶. По словам американского военного специалиста Р. Хэддика, «тонкая нарезка» заключается в небольших по своему масштабу действиях, каждое из которых не может стать поводом для конфликта, однако в совокупности все они служат цели расширения сферы влияния предпринимающего их государства и приводят к изменениям стратегического характера²⁷.

Постоянное нахождение китайских кораблей и судов близ Сэнкаку / Дяоюйдао вкупе с пропагандистской кампанией призваны укрепить в мировом сообществе мнение, что именно КНР контролирует данный район. Активно происходит милитаризация Морской полиции

²² Ankit Panda. Japan identifies Chinese submarine in East China sea: a Type 093 SSN // *The Diplomat*. 16.01.2018. <https://thediplomat.com/2018/01/japan-identifies-chinese-submarine-in-east-china-sea-a-type-093-ssn/> (дата обращения: 25.10.2021).

²³ Ankit Panda. East China sea: Japan Coast Guard warns Chinese survey ship in exclusive economic zone // *The Diplomat*. 22.04.2018. <https://thediplomat.com/2018/04/east-china-sea-japan-coast-guard-warns-chinese-survey-ship-in-exclusive-economic-zone/>; During Tokyo meet Kono and Wang agree to mutual visits by Abe and Xi // *The Japan Times*. 15.04.2018. <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/04/15/national/politics-diplomacy/top-china-envoy-makes-rare-japan-visit-asian-powers-mend-ties/> (дата обращения: 25.10.2021).

²⁴ Sheila Smith. Japan leans forward on China-Taiwan tensions // *East Asia Forum*. 05.09.2021. <https://www.eastasiaforum.org/2021/09/05/japan-leans-forward-on-china-taiwan-tensions/> (дата обращения: 25.10.2021).

²⁵ Под тактикой «нарезки салями» принято понимать постепенное введение ограничений и создание затруднений для оппонента необязательно в сфере, непосредственно связанной с объектом спора.

²⁶ 独自中国、漁船群の尖閣領海侵入を予告 日本に止める資格ない [Япония не должна позволять китайским рыболовецким судам вторгаться в район островов Сэнкаку] // *The Sankei News*. 08.02.2020. <https://www.sankei.com/politics/news/200802/plt2008020007-n1.html> (дата обращения: 25.10.2021).

²⁷ Robert Haddick. Salami slicing in the South China Sea // *Foreign Policy*. 03.08.2012. <https://foreignpolicy.com/2012/08/03/salami-slicing-in-the-south-china-sea/> (дата обращения: 25.10.2021).

(Береговой охраны) КНР, в её состав входят более оснащённые корабли, проводятся учения совместно с ВМС и ВВС, предусматривающие и боевые операции²⁸. Согласно новому закону, Морская полиция может применять оружие против нарушителей в водах, которые «являются неотчуждаемой частью Китая», то есть фактически во всех районах ВКМ, на которые претендует Пекин²⁹.

Япония остаётся в списке наиболее значимых торговых партнёров КНР – объём операций даже в «ковидном» 2020 г. превысил 300 млрд долл.³⁰. Однако, несмотря на давнюю историю сотрудничества и обоюдный интерес к его развитию, между странами не существует режима наибольшего благоприятствования или свободной торговли. Постепенная либерализация и переход к «нулевым» ставкам ожидается в течение 21 года с момента вступления в силу соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнёрстве (ВРЭП, RCEP), причём только четверть всех групп товаров была освобождена от пошлин сразу. Ускорение процесса может произойти при вступлении Китая во Всеобъемлющее прогрессивное транстихоокеанское партнёрство (СРТРП), однако заявку Пекина, вероятно, ждут долгое рассмотрение и корректировки. Идеи «китаецентризма» в Японии непопулярны – в силу исторического наследия и устойчивых ассоциаций КНР с антизападным «коммунистическим миром» там склонны видеть в Пекине скорее угрозу, а не партнёра. В случае повышения прибылей японских компаний от сотрудничества с КНР они окажут воздействие на правящие круги страны, но вряд ли оно станет решающим и сместит Токио в орбиту Пекина, оторвав его от Вашингтона. Очевидной тенденцией является и стремление японского правительства снизить зависимость от Китая при формировании производственно-сбытовых цепочек. В МИД КНР уже назвали это нарушением принципов рыночной экономики и честной конкуренции, заложенных в основу ВРЭП [Dreyer 2021, pp. 103–116].

В условиях долгого вынужденного перерыва в личном общении лидеров Японии и Китая от нового кабинета Кисида потребуются принять решение относительно приоритетов в отношениях с КНР. Вероятно, консультации и переговоры продолжатся, что должно способствовать некоторой разрядке напряжённости. Можно говорить о желании стран найти *modus operandi* в ВКМ, которое, однако, наталкивается на противодействие США. По всей видимости, нынешняя американская администрация опасается возможного сближения Токио и Пекина и намерена этому препятствовать, играя на националистических чувствах японцев.

В ходе визита в Токио в ноябре 2020 г. Ван И заявил, что «Восточно-Китайское море можно превратить в “море мира” совместными усилиями в случае занятия японской стороной самостоятельной позиции, избегая поддержки антикитайских действий,

²⁸ 中国海警局 懸念拭えぬ軍事組織化 [Милитаризация Береговой охраны Китая вызывает беспокойство] // *Hokkaido Shimbun*. 05.07.2018. <https://www.hokkaido-np.co.jp/article/205875> (дата обращения: 25.10.2021).

²⁹ Zhonghua renmin gongheguo haijun fa (中华人民共和国海警法) [Закон о Морской полиции КНР] // Министерство юстиции Китайской Народной Республики. 22.01.2021. http://www.moj.gov.cn/Department/content/2021-01/25/592_3265256.html (дата обращения: 25.10.2021).

³⁰ Zoey Zhang. Developing your China trade with Japan and South Korea under RCEP // *China Briefing*. 28.06.2021. <https://www.china-briefing.com/news/developing-your-china-trade-with-japan-and-south-korea-under-rcep/> (дата обращения: 25.10.2021).

предпринимаемых иными государствами»³¹. Это может свидетельствовать о нежелании Пекина полностью рвать отношения с Токио. В частности, во время телефонного контакта 8 октября 2021 г. между Ф. Кисида и Си Цзиньпином, китайский лидер напомнил о грядущем 50-летнем юбилее установления дипломатических отношений между Японией и КНР, а также подчеркнул необходимость усиления взаимодействия по вопросам государственного управления и продвижения стратегических переговоров в экономической сфере. По мнению китайского лидера, в интересах обеих стран содействие мирному региональному развитию и решение общими усилиями важных глобальных проблем³². Пекин, как представляется, пока испытывает затруднения в отделении экономической и гуманитарной повесток дня от военно-стратегических аспектов, включая территориальный спор. Вместе с тем, учитывая наличие заинтересованности в мирном сосуществовании у обеих сторон, перспективы «заморозки» чувствительных вопросов в пользу конкретного взаимодействия можно оценить в целом положительно.

Российско-японские отношения: окно возможностей захлопнулось?

Усиление Китая, связанное с этим сравнительное ослабление позиций США, а также изоляционистские настроения в американском истеблишменте оказывают воздействие на геополитическую стратегию Токио. Внутри самой Японии также происходят важные трансформации. Речь прежде всего идет об усилении политиков правонационалистического толка. Тенденция подъёма национализма началась с приходом в 2001 г. на пост премьер-министра Коидзуми Дзюнъитиро, продолжилась в годы правления Абэ Синдзо (2006–2007, 2012–2020) и, судя по всему, продолжится в обозримом будущем. Правопопулистские лидеры ратуют за превращение Японии в «нормальную» страну, под чем подразумевается, что она должна наконец избавиться от комплекса поражения во Второй мировой войне и обрести право на использование военной силы на международной арене [Стрельцов, Лукин 2017].

Стратегия Абэ, а также сменивших его Суга Ёсихидэ (2020–2021) и Кисида Фумио (с 2021 г.), оказалась направлена на то, чтобы гарантировать безопасность Японии в новой структуре баланса сил в АТР. Она преследует две ключевые задачи: постепенное наращивание военных возможностей Японии и укрепление стратегических связей с союзниками. Альянс с США остаётся краеугольным камнем безопасности Японии, но в Токио исходят из того, что уже нельзя делать ставку только на Вашингтон и следует искать новых союзников и партнёров, разделяющих озабоченность в отношении «китайского экспансионизма».

Курс Токио на антикитайское балансирование не может не учитывать фактор России – одной из ключевых держав в Евразии и АТР. Японская программа-максимум подразумевает привлечение РФ к сдерживанию Китая. Разумеется, в Токио редко говорят об этом вслух, однако всё же иногда политики даже довольно высокого уровня проявляют откровенность. Так, один из главных претендентов на пост премьера, Коно Таро в сентябре 2021 г.

³¹ Wenxing Zhou. Wang Yi's Japan visit aims to deepen bilateral ties // CGTN. 26.11.2020. <https://news.cgtn.com/news/2020-11-26/Wang-Yi-s-Japan-visit-aims-to-deepen-bilateral-ties-VJy3ifGrjq/index.html> (дата обращения: 25.10.2021).

³² Си Цзиньпин пригласил Японию принять активное участие в зимней Олимпиаде-2022 // ТАСС. 08.10.2021. <https://tass.ru/sport/12612395> (дата обращения: 25.10.2021).

обмолвился, что для противодействия китайскому вызову важно «привлечь Россию на нашу сторону»³³. В то же время руководство страны хорошо понимает, что в обозримой перспективе сделать РФ частью антикитайской коалиции едва ли возможно. Москва, безусловно, видит риски в дальнейшем росте зависимости от Пекина и стремится к диверсификации своих стратегических связей в Азии, в том числе через развитие отношений с Японией. Однако в отличие, например, от Индии и Вьетнама, у России нет территориальных споров с Китаем, а стратегические отношения с ним характеризуются существенным совпадением интересов [Стрельцов, Лукин 2017].

Главная и более реалистичная задача японской дипломатии на российском направлении в настоящее время заключается в том, чтобы обеспечить нейтралитет Москвы. Военные приготовления Японии всё больше концентрируются на отражении потенциальной угрозы на юго-западе (со стороны Китая), в том числе в связи с возможным конфликтом в Тайваньском проливе³⁴. В этих условиях для Токио было бы крайне нежелательно отвлекать ресурсы на вызовы с севера.

В Москве это понимают, поэтому одна из тактических линий, как можно предположить, состоит в том, чтобы продемонстрировать возможности России усложнить военно-стратегическую ситуацию для Японии в чувствительных для неё районах. Проводимые ВС РФ в непосредственной близости от японских берегов военные акции, включая учения со стрельбами и пролёты военных самолетов³⁵, возможно, преследуют и такую цель. Кроме того, российское военное ведомство в последние годы акцентирует «беспрецедентные меры» по развитию военной инфраструктуры на Курилах и Сахалине³⁶.

Москва сигнализирует Токио, что ему придётся расплачиваться за альянс с США. Если, например, корабли Седьмого флота США, базирующиеся в Японии, совершают провокационные заходы в российские воды³⁷, японцы должны понимать, что подобные действия старшего союзника не останутся без последствий для них самих. В Кремле вряд ли осталось незамеченным и участие Японии в учениях See Breeze–2021, проводимых под главенством Вашингтона в Чёрном море и на территории Украины. В отличие от Сеула, который уклонился от участия в манёврах³⁸, имевших явно антироссийскую окраску, Токио согласился³⁹. Демонстрация российской военной мощи призвана также убедить японское

³³ 河野氏、領土交渉 「56年宣言基礎」 道議会自民とネット会合 [Коно: территориальные переговоры на основе Декларации 1956 г. Интернет-встреча с представителями ЛДПЯ] // *Hokkaido Shimbun*. 16.09.2021. <https://www.hokkaido-np.co.jp/article/589656> (дата обращения: 25.10.2021).

³⁴ Noboru Yamaguchi. Japan's New Security Posture and Its Implications for Taiwan // *The Asan Forum*. 24.09.2021. <https://theasanforum.org/japans-new-security-posture-and-its-implications-for-taiwan/> (дата обращения: 25.10.2021).

³⁵ ASDF scrambles against Russian aircraft spike suddenly // *Asahi Shimbun*. 10.08.2021. <https://www.asahi.com/ajw/articles/14407118> (дата обращения: 25.10.2021).

³⁶ Минобороны принимает «беспрецедентные меры» для усиления военного присутствия на Курилах и Сахалине // *NewsRUCom*. 27.05.2017. <http://www.newsru.com/russia/27may2016/minoborony.html> (дата обращения: 25.10.2021); Курилы накачивают мышцы // *Утро.РУ*. 17.06.2016. <https://www.utro.ru/articles/2016/06/17/1286577.shtml> (дата обращения: 25.10.2021).

³⁷ Так, в ноябре 2020 года эсминец «Джон Маккейн», приписанный к порту Йокосука, совершил «операцию по поддержанию свободы мореплавания», зайдя в Залив Петра Великого, который Россия считает своими суверенными водами.

³⁸ Pentagon: US respects S. Korea's decision to skip multinational naval exercise // *KBS World*. 30.06.2021. http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=e&Seq_Code=162499 (дата обращения: 25.10.2021).

³⁹ Japan has confirmed its intention to take part in the Sea Breeze-2021 and will join the Joint Efforts-2021 exercise, says Andrii Taran // *Ministry of Defense of Ukraine*. 17.03. 2021. <https://www.kmu.gov.ua/en/news/yaponiya->

руководство воздержаться от шагов в рамках альянса с США, которые могут отрицательно повлиять на национальную безопасность России. Речь прежде всего идёт о создании и развёртывании систем противоракетной обороны США, а также возможном размещении на территории страны американских ракет средней дальности.

Улучшение отношений с Россией стало одной из главных внешнеполитических целей, которые ставил перед собой Абэ во время своего второго срока. Для достижения этой цели он попытался установить тесные личные отношения с Путиным, совершал частые визиты в Россию, а также инициировал программу развития экономического и социально-гуманитарного двустороннего сотрудничества («Восемь пунктов»). Однако, пожалуй, самым значимым шагом стало изменение им подхода к территориальной проблеме. В ходе встречи с российским президентом в Сингапуре в ноябре 2018 г. Абэ заявил о готовности ускорить переговоры с Россией на базе Московской декларации 1956 г. В этом документе упоминается только о передаче Японии Шикотана и группы островов Хабомаи (для удобства считаются за один объект). Поэтому согласие на проведение переговоров на данной основе означало готовность Абэ удовлетвориться только двумя островами, составляющих лишь 7 % от территории Южных Курил. Однако после сингапурской встречи дальнейшие переговоры по территориальной проблеме застопорились и, судя по всему, на сегодняшний день находятся в тупике. Москва не выразила готовности решать территориальный вопрос даже на основе компромиссной формулы «передача двух островов, а не четырёх».

Нежелание Кремля отвечать взаимностью на японские инициативы отчасти объясняется тем, что он не готов отдать осязаемый материальный актив в виде Шикотана и Хабомаи в обмен на преимущественно символический акт в виде заключения мирного договора и обещаний дальнейшей дружбы со стороны Японии. В Москве будут готовы всерьёз рассматривать территориальную сделку, только если Токио согласится выполнить ряд политических и экономических условий. Речь идёт прежде всего о готовности Токио дать твёрдые гарантии, что его союз с Вашингтоном не будет наносить ущерб интересам безопасности России. В экономической области Кремль хотел бы существенного расширения взаимодействия в сфере торговли, инвестиций и передачи технологий. При всём своём стремлении улучшить отношения с Россией Абэ не смог дать Путину удовлетворительного ответа ни по одному из этих условий. Как известно, альянс Японии с США во время его премьерства только укрепился. Москва была также разочарована неготовностью японской стороны увеличить объём торгово-экономического сотрудничества с Россией. Единственной сравнительно крупной сделкой, о которой удалось договориться, стало приобретение японскими компаниями в 2019 г. доли 10 % в российском энергетическом проекте Арктик СПГ-2. В то же время важно, что Путин не отрицает необходимости заключения мирного договора с Японией, который неизбежно подразумевает и решение территориального вопроса. Имеет значение и то, что глава российского государства до сих пор ни разу лично не посещал Южные Курилы, вероятнее всего, из дипломатических соображений.

Разразившаяся в 2020 г. пандемия коронавируса и уход Абэ с поста премьера поставили окончательную точку в периоде активной дипломатии лидеров⁴⁰. Сменивший его Суга продемонстрировал сравнительное безразличие к России. У него состоялся всего один двусторонний контакт с Путиным – и тот в виде телефонного разговора. Пассивность на российском направлении можно отчасти объяснить наличием других первоочередных забот – борьбой с коронавирусом и подготовкой к проведению Олимпиады. В сфере внешней политики безусловными приоритетами стали США и Китай. На позицию Суга повлияло и разочарование японского общества результатами работы кабинета Абэ на российском направлении.

Ставший премьером Японии в октябре 2021 г. Кисида имеет репутацию осторожного и консенсусного политика и, скорее всего, воздержится от выдвижения новых крупных инициатив в адрес Москвы, но и постарается избежать конфронтации с северным соседом⁴¹. Путин стал одним из первых иностранных лидеров, кому Кисида позвонил в качестве премьер-министра. В свою очередь, российский президент публично подтвердил готовность вести диалог с новым японским премьером по «урегулированию отношений, вплоть до заключения мирного договора»⁴², хотя, разумеется, и в Москве, и в Токио понимают, что вероятность такого урегулирования в обозримом будущем довольно низка. Одним из свидетельств того, что российское руководство не ожидает существенных подвижек на японском направлении, стало решение о введении особого преференциального режима на Курильских островах. Этот режим начнёт действовать с 2023 г. и предусматривает, в частности, освобождение предприятий, работающих на территории островов, от ряда налогов⁴³. Льготы распространятся на бизнес и инвесторов независимо от их национальной принадлежности. Это входит в некоторое противоречие с идеей «совместной хозяйственной деятельности» на Южных Курилах, о которой Путин и Абэ договорились в 2016 г. Тогда подразумевалось, что японским гражданам будут предоставлены особые условия для ведения бизнеса на островах.

Сближению двух стран не способствует и то, что в экономическом отношении они всё меньше заинтересованы друг в друге. Современная Япония – зрелая экономика, с сокращающимся населением и низким уровнем валового экономического роста. Суммарное потребление сырья и энергии в стране имеет неуклонную тенденцию к сокращению, а значит, нет оснований надеяться на заметный рост объёмов российского экспорта. Пик экономического интереса Токио к северному соседу пришёлся на 1960–1980-е гг., когда японская экономика бурно росла и Советский Союз рассматривался как выгодный поставщик природных ресурсов. В последние годы Япония уступила Южной Корее место второго по величине торгового партнёра России в Азии (первое место – у Китая). Японский бизнес не проявляет особого интереса к России ещё и потому, что российские экономика и

⁴⁰ Начало периода потепления в российско-японских отношениях можно отсчитывать с визита Абэ на Олимпиаду в Сочи в феврале 2014 г.

⁴¹ Джеймс Браун. Кандидат консерваторов. Какими будут отношения Японии и России при новом премьер-министре // Московский центр Карнеги. 01.10.2021. <https://carnegie.ru/commentary/85477> (дата обращения: 25.10.2021).

⁴² Владимир Путин. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 21.10.2021. <http://kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 25.10.2021).

⁴³ Григоренко сообщил, что особый режим на Курилах могут ввести в 2023 году // ТАСС. 14.10. 2021. <https://tass.ru/ekonomika/12662849> (дата обращения: 25.10.2021).

внутренний рынок долгое время находятся в стагнации. Не случайно, что пик японских прямых инвестиций в Россию пришёлся на 2000-е гг., когда РФ демонстрировала высокие темпы роста ВВП.

Главный экономический партнёр России в Азии – Китай, и его роль для России как покупателя российских товаров и ресурсов, а также поставщика технологий будет только возрастать. Япония, хотя бы в силу того, что её экономика уже сейчас заметно меньше китайской, не может быть для России полноценной альтернативой Китаю. В то же время Москва сохраняет заинтересованность в экономическом партнёрстве с Токио, особенно в сфере инвестиционного сотрудничества. В частности, сравнительно успешно развивается сотрудничество в лесном хозяйстве⁴⁴. В 2021 г. японская компания Iida приобрела 75 % акций в крупнейшей лесопромышленной компании Дальнего Востока RFP Group с намерением вложиться в создание лесоперерабатывающих производств. Это отличается от позиции КНР, которая, хотя и является крупнейшим потребителем российской древесины, предпочитает покупать продукт минимальной степени обработки и не идёт навстречу настойчивым призывам российских властей инвестировать в создание производств на территории России.

Заключение

С конца XIX века стратегический треугольник Россия – Китай – Япония перепробовал почти все возможные конфигурации. Были периоды, когда Россия и Китай объединялись против Японии, когда Россия и Япония совместно действовали в ущерб интересам Китая, и, наконец, когда Пекин и Токио сходились в коалицию против Москвы.

Сравнительное ослабление США, возвращение России в качестве великой державы, подъём Китая, усиление националистических тенденций в Японии в сочетании с опасениями относительно неуклонного роста китайской мощи создали предпосылки для возвращения стратегического треугольника Москва – Пекин – Токио, в котором ось Пекин – Москва направлена против Токио.

Особенность современного треугольника в Северо-Восточной Азии заключается в том, что он находится в гравитационном поле глобального треугольника – США – Китай – Россия. Динамика отношений по линиям Россия – Китай – Япония во многом определяется тем, что один из его полюсов, Токио, является не вполне самостоятельным актором, будучи привязанным к старшему союзнику – США. Это налагает значительные структурные ограничения на возможные трансформации в треугольнике: антагонизм Вашингтона с Пекином и Москвой затрудняет для Токио поиск компромиссов со своими великодержавными соседями в Северо-Восточной Азии. Это стало одной из причин неудачи попыток Абэ приблизиться к решению территориального спора с Россией. Ему также не удалось предотвратить сближения Москвы и Пекина. В 2020 г., когда Абэ ушёл в отставку, отношения между Китаем и Россией стали гораздо крепче, чем в 2013 г., когда он начинал свою дипломатию на российском направлении.

С достаточной долей уверенности можно предположить, что в ближайшие годы конфигурация и характер стратегического треугольника в Северо-Восточной Азии не

⁴⁴ Японцы станут совладельцами крупнейшей лесной компании Дальнего Востока // РБК. 21.10.2021. <https://www.rbc.ru/business/21/10/2021/617025e69a794762d84bc94d> (дата обращения: 25.10.2021).

претерпят значительных изменений. При этом поляризация его структуры и международной системы в целом, вероятнее всего, будет усугубляться. Япония будет сохранять и укреплять тесные военно-политические отношения с США и другими «индо-тихоокеанскими» партнёрами. Пекин будет выстраивать собственную систему стратегических партнёрств и квази-альянсов, в которой самым важным (после него самого) участником будет Москва.

В долгосрочной перспективе нельзя исключать сценария, где Япония обретёт полную самостоятельность в своей внешней политике в случае ослабления или разрыва союзнических связей с США. Это может привести к серьёзным подвижкам в её отношениях с Москвой или Пекином, или даже с обоими. Однако отвязка Японии от Америки может иметь неоднозначные последствия, например, такие, как приобретение японцами ядерного оружия, для того чтобы самостоятельно обеспечить свою безопасность в условиях прекращения американских гарантий.

Что же предпочитают Москва и Пекин – иметь дело с Японией, которая является младшим союзником Вашингтона, или с Японией, которая проводит полностью самостоятельную внешнюю политику, но при этом располагает ядерным оружием? Кроме того, не совсем понятно, какой эффект окажет на Японию давление, которое на нее пытаются оказывать Россия и Китай путём, например, недавних военных демонстраций. Убедит ли это Токио занять более примирительную позицию в отношениях с Пекином и Москвой или, наоборот, подтолкнёт к усиленному наращиванию собственного военного потенциала и к ещё более тесному альянсу с США, Австралией и другими «единомышленниками»? На эти вопросы пока нет однозначных ответов.

Вполне вероятно, что курс на «нормализацию» Японии, включающий в себя появление у неё полноценных вооружённых сил, способных действовать вдали от национальных границ и применять ударное оружие – а в перспективе и нуклеаризация – окажется только на руку США. Несмотря на своё географическое положение, культурные и исторические особенности, Япония скорее относится к государствам Запада, являясь развитой капиталистической экономикой и либеральной демократией. И если об экономических предпосылках для выстраивания прочной системы связей Токио с Пекином и Москвой ещё можно говорить, то военно-стратегические и идеологические разногласия с ними служат своего рода «смещённым грузом», тянущим ко дну всё судно. Даже в случае прекращения официального американо-японского альянса, Токио не будет полноценно участвовать в «незападных» форматах интеграции (таких как «Пояс и путь» или «Большое евразийское партнёрство»), предпочитая получение ситуационной выгоды от взаимодействия с их предводителями. Антиамериканский характер японской внешней политики вообще представить довольно сложно. Вероятно, позиция Токио применительно к двум наиболее крупным соседям ещё долгое время будет находиться в русле его отношений с США и общего контекста американо-китайских (в большей степени) и американо-российских (в меньшей степени) отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Галенович Ю.М. Россия – Китай – Америка: от соперничества к гармонии интересов? Москва: Русская панорама. 2006.

Славинский Б. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945 гг. Москва: Новина. 1995.

Стрельцов Д.В., Лукин А.Л. Российско-японские отношения через призму теории. Реализм, конструктивизм и двухуровневые игры // Международные процессы. 2017. № 2. С. 44–63. DOI: 10.17994/it.2017.15.2.49.3

REFERENCES

Galenovich, Y. (2006). *Rossiya – Kitai – Amerika: ot sopernichestva k garmonii interesov?* [Russia-China-America: From Rivalry to the Harmony of Interests?]. Moscow: Russkaya panorama. (In Russian).

Slavinskiy, B. (1995). *Pakt o neitralitete mezhdu SSSR i Yaponiei: diplomaticheskaya istoriya, 1941-1945* [Neutrality Pact between the USSR and Japan: Diplomatic History, 1941-1945]. Moscow: Novina. (In Russian).

Streltsov, D. & Lukin, A. (2017). Rossiisko-yaponskie otnosheniya cherez prizmu teorii. Realizm, konstruktivizm i dvuhurovnevye igry [Russian-Japanese Rapprochement Through the Lens of IR Theory: Neo-Classical Realism, Constructivism and Two-Level Games]. *International Trends*, 15 (2), 44-63. DOI: 10.17994/it.2017.15.2.49.3 (In Russian).

* * *

Blackwill, R. & Harris, J. (2016). *War by Other Means: Geoeconomics and Statecraft*. Washington: Council on Foreign Relations.

Dittmer, L. (1981). The Strategic Triangle: An Elementary Game-Theoretical Analysis. *World Politics*, 33 (4), 485–515.

Dreyer, J.A. (2021). Chilly Summer. *Comparative Connections*, 23 (2), 103–116. Retrieved November 15, 2021, from <https://cc.pacforum.org/2021/09/a-chilly-summer/>

Liff, A. (2019). China, Japan, and the East China Sea: Beijing's "gray zone" coercion and Tokyo's response. *Brookings Report*. Retrieved November 15, 2021, from <https://www.brookings.edu/research/china-japan-and-the-east-china-sea-beijings-gray-zone-coercion-and-tokyos-response/>

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-113-133

Корейский вопрос на Портсмутской мирной конференции

Б.Б. Пак

Аннотация. Настоящее исследование посвящено усилиям российской делегации на мирных переговорах в Портсмуте по включению в мирный договор условия о признании Японией полной независимости Кореи и скорейшего вывода войск с её территории. Статья написана на основе обширного круга источников, большая часть которых впервые вводится в научный оборот.

В статье дана характеристика международного положения до начала мирных переговоров. Описаны попытки правительства Японии начать мирные переговоры с Россией в июле 1904 г., в частности, впервые приведено детальное содержание предложения японского посланника в Лондоне Т. Хаяси С.Ю. Витте о встрече в Берлине для обсуждения условий мира. Рассмотрены различные мнения в японском правительстве о предполагаемых условиях мира, показана перемена в настроении русского правительства в пользу прекращения войны и подготовки мирных переговоров с Японией в марте 1905 г., подробно описана встреча министра иностранных дел Т. Делькассе с японским посланником во Франции И. Мотоно 5 апреля для выяснения возможных оснований для мирных переговоров.

Проанализирована роль президента США Т. Рузвельта в подготовке и проведении мирной конференции. Рассмотрены попытки Т. Рузвельта обеспечить руководящую роль при урегулировании русско-японского конфликта, в частности, его предложения «добрых услуг» в марте 1905 г., обсуждение вопроса о посредничестве на встрече с послом в Вашингтоне А.П. Кассини 30 марта. Раскрыты его попытки убедить принять условия японской делегации.

Подробно воспроизведены дебаты по корейскому вопросу, разоблачения русской делегацией на конференции захватнического характера японских требований, выступления за сохранение независимости Кореи. Проанализированы доводы и требования японских уполномоченных на ответы и предложения русских представителей.

Делается вывод о том, что суверенитет Кореи Портсмутским мирным договором не был поколеблен. Хотя по договору Россия признавала за Японией преобладающие политические, военные и экономические интересы в Корее, русское правительство «не имело в виду нарушать принцип независимости Кореи», положенный в основу политики России на Дальнем Востоке. При этом признание оговаривалось зафиксированным в протоколе конференции обязательством Японии не принимать без согласия правительства Кореи мер, затрагивающих суверенитет последней. Это признание стало единственным внешнеполитическим препятствием на пути к полному уничтожению независимости и территориальной неприкосновенности Корейского государства Японией ещё на протяжении целых пяти лет после Портсмута.

Ключевые слова: русско-японские мирные переговоры в Портсмуте, Портсмутский мирный договор, суверенитет Кореи, Россия, Япония, С.Ю. Витте, Т. Рузвельт, В.Н. Ламздорф.

Автор: Пак Бэлла Борисовна, доктор исторических наук, руководитель Кабинета (Лаборатории) истории и культуры Кореи, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения

РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12). ORCID: 0000-0003-0400-4917; E-mail: pakbell7@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта РНФ (грант № 19-18-00017).

Для цитирования: Пак Б.Б. Корейский вопрос на Портсмутской мирной конференции // Японские исследования. 2021. № 4. С. 113–133. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-113-133

The Korean issue at the Portsmouth Peace Conference

B.B. Pak

Abstract. This study focuses on the efforts of the Russian delegation at the Portsmouth Peace Conference to include in the peace treaty a clause on Japan's recognition of the full independence of Korea and the early withdrawal of troops from its territory. The article was written on the basis of a wide range of sources, most of which are being introduced into scientific circulation for the first time.

The article provides a description of the international situation before the start of the peace negotiations. The attempts of the Japanese government to start peace negotiations with Russia in July 1904 are described, in particular, the detailed content of the proposal of the Japanese envoy to London T. Hayashi to the Russian Finance minister S.Yu. Witte about the meeting in Berlin to discuss the terms of peace is presented for the first time. Various opinions in the Japanese government about the supposed conditions of peace are considered, the change in the mood of the Russian government in favor of ending the war and the preparation of peace negotiations with Japan in March 1905 is shown, the meeting of the Minister of Foreign Affairs T. Delcassé with the Japanese envoy to France I. Motono on April 5 to clarify possible grounds for peace negotiations is described in detail.

The author considers the role of the US President T. Roosevelt in the preparation and conduct of the peace conference, as well as his attempts to ensure a leading role in the settlement of the Russo-Japanese conflict. In particular, this includes his proposal of "good offices" in March 1905 and the discussion of the issue of mediation at a meeting with ambassador to Washington A.P. Cassini on March 30. His attempts to persuade the Japanese delegation to accept the terms are disclosed.

The article reproduces in detail the debates on the Korean question, the exposure of the aggressive nature of the Japanese demands by the Russian delegation at the conference, and advocacy for the preservation of Korean independence. It analyzes the arguments and demands of the Japanese delegates to the answers and proposals of the Russian representatives.

As a result of the research, the author came to the conclusion that the sovereignty of Korea was not shaken by the Portsmouth Peace Treaty. Although, under the treaty, Russia recognized Japan's predominant political, military and economic interests in Korea, the Russian government did not intend to violate the principle of Korean independence, which was the basis of Russia's policy in the Far East. At the same time, the recognition was stipulated by the obligation of Japan, fixed in the protocol of the conference, not to take measures affecting the sovereignty of Korea without the consent of the Korean government. This recognition became the only foreign policy obstacle to the complete destruction of the independence and territorial integrity of the Korean state by Japan for the whole five years after Portsmouth.

Keywords: Russo-Japanese peace negotiations in Portsmouth, Portsmouth Peace Treaty, Korean sovereignty, Russia, Japan, S.Yu. Witte, T. Roosevelt, V.N. Lamsdorf.

Author: Pak Bella B., Doctor of Sciences (History), Head of the Cabinet (Laboratory) of History and Culture of Korea, Leading Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0400-4917; E-mail: pakbell7@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements. This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00017).

For citation: Pak B.B. (2021). Koreyskiy vopros na Portsmutskoy mirovoy konferentsii [The Korean issue at the Portsmouth Peace Conference]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 4, 113–133. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-113-133

Большой интерес вызывает вопрос об усилиях российской делегации на мирных переговорах в Портсмуте по включению в мирный договор условия о признании Японией полной независимости Кореи и скорейшего вывода войск с её территории. Данная тема пока ещё не получила должного отражения в отечественной историографии, несмотря на солидный массив публикаций, посвящённых русско-японской войне 1904–1905 гг. Используя обширный круг источников, большая часть которых впервые вводится в научный оборот, автор попытался заполнить этот пробел.

В ходе вооружённой борьбы на сухопутном и морском театрах к середине 1905 г. Япония добилась крупных успехов. Но это потребовало огромного напряжения её материальных и моральных ресурсов. Экономика и финансы были истощены. Росло недовольство войной широких слоев населения. Состояние действующей армии также не было достаточно прочным. Несмотря на одержанные победы, боевой дух японских войск постепенно ослабевал.

Ухудшилось международное положение страны. США, Англия и Франция, опасавшиеся окончательного поражения России и связанного с этим усиления позиций Германии в Европе и Японии на Дальнем Востоке, добивались мирных переговоров. Англия, связанная союзом с Японией, стала отказывать ей в финансовой поддержке. Япония попала в почти безвыходное положение. Дальнейшее продолжение войны представлялось бесперспективным и сопряженным с огромными потерями.

Правительство Японии неоднократно пыталось начать мирные переговоры с Россией. Ещё в июле 1904 г. французский посол в Лондоне Поль Камбон сообщил своему министру иностранных дел о готовности Японии заключить мир [Романов 1947, с. 314]. Тогда же была сделана первая попытка начать переговоры о мире. За несколько дней до 14/27 июля 1904 г. японский посланник в Лондоне Т. Хаяси через посредство бывшего советника немецкого посольства барона Г. Экардштейна и агента Министерства финансов М.В. Рутковского сделал предложение С.Ю. Витте встретиться в Берлине для обсуждения возможных условий мира. Ранее, как отмечено в фундаментальном труде И.В. Лукоянова, исследователям о содержании этого предложения было известно лишь из краткого упоминания о нём в воспоминаниях Витте и телеграмме Рутковского В.Н. Коковцеву от 12/25 февраля 1905 г.¹ [Лукоянов 2010, с. 578; Из архива С.Ю. Витте 2003, с. 105; Романов 1947, с. 320; Игнатьев 1989, с. 196].

¹ Красный архив. 1924. № 6. С. 6–7.

В «Документах из дел по Портсмутскому договору, подлинных и не вошедших в сборник Министерства иностранных дел²» из коллекции С.Ю. Витте, хранящейся в Бахметьевском архиве в Отделе рукописей Библиотеки Колумбийского университета, удалось найти ранее не публиковавшийся подлинник письма М. Рутковского послу в Лондоне графу А.К. Бенкендорфу от 14/27 июля 1904 г. В нём он сообщал:

«Несколько дней назад обратился ко мне бывший советник немецкого посольства (ныне числящийся в ведомстве), Барон Экардштейн с просьбою сообщить, находится ли ещё в Берлине Председатель Комитета Министров, Статс-Секретарь Витте. На мой вопрос отчего он интересуется пребыванием Г. Витте в Берлине, Барон Экардштейн ответил, что его вопрос вызван желанием Японского Посланника в Лондоне, Виконта Гаяши, переданным ему через третье лицо, повидать секретно где-либо Г. Витте, дабы иметь возможность переговорить, не представляется ли возможным примирить интересы России и Японии на Дальнем Востоке и прекратить кровопролитную войну. По мнению Японского Посланника при нынешнем пребывании Г. Витте, в Берлине представляется наиболее удобным свидание с ним за границей, которое осталось бы в строгой тайне».

М. Рутковский далее упоминал о просьбе бар. Экардштейна выяснить, не согласится ли С.Ю. Витте на указанное свидание, и о получении им от бар. Экардштейна подтверждения, после личного свидания с Т. Хаяси, что последний желал бы устроить свидание с С.Ю. Витте, но до этого будет телеграфировать своему правительству о своём плане свидания, «дабы иметь более авторитета при обмене мыслей, причём прибавил, что он знает, что Маршал Ямагата, Б. Ито и Комура сторонники мира...»³.

Согласно телеграмме М.В. Рутковского, Т. Хаяси получил от своего правительства одобрение на свидание с Витте и инструкции. Просьба посланника была сообщена в Петербург, но была отклонена Николаем II⁴.

2 марта / 17 февраля и 7 марта / 22 февраля 1905 г. состоялись еще 3 свидания Рутковского с бар. Экардштейном, где последний сообщил о подтвержденных ему японским посланником в Лондоне Хаяси сведениях о беседе президента США Т. Рузвельта с японским посланником в Вашингтоне об условиях мира, заявленных Японией, и желании Хаяси начать обсуждение возможных условий мира⁵ [Лукоянов 2010, с. 583]. Но Коковцев дал распоряжение Рутковскому воздержаться впредь от всяких переговоров⁶. Дело это не имело дальнейшего хода, и Министерство иностранных дел не приняло в нём никакого участия.

После поражения России под Мукденом в Париже⁷ и Берлине были всерьёз обеспокоены военными успехами Японии и заговорили о мире. Уже в начале марта 1905 г. Вильгельм II, до того убеждавший царя в невозможности закончить войну с Японией, «не

² Имеется в виду: Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией и Японией о заключении мирного договора. 24 мая – 3 октября 1905 г. СПб., 1906.

³ Columbia university library. Bakhmeteff archive. S.Yu.Witte collection. Документы из дел по Портсмутскому договору. File 29. № 3. Письмо М. Рутковского послу в Лондоне графу А. К. Бенкендорфу от 14/27 июля 1904 г.

⁴ Красный архив. 1924. № 6. С. 6–7.

⁵ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 444. Оп. 1. Д. 126. Л. 7: М.В. Рутковский – А.К. Бенкендорфу 22 февраля (7 марта) 1905 г. (копия).

⁶ Красный архив. 1924. № 6. С. 7–8.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 126. Л. 15: Копия секретной телеграммы японского посланника в Париже Мотоно, от 23 февраля 1905 г. японскому министру иностранных дел Комура.

одержав очень существенных успехов»⁸, на обеде у американского посла Ч. Тоуера говорил, что русские могут справиться с японцами, но это потребовало бы таких усилий и расходов, что «игра не стоила бы свеч», тем более что «нельзя отвечать за то, как отзовется на внутреннем строе государства такое чрезвычайное усилие», и поэтому «надо заключить мир». Император спрашивал Тоуера, не присоединится ли правительство США к его предложению для воздействия на Японию и достижению условий, которые Россия могла бы принять⁹.

Одновременно тон японских дипломатов становится более заносчивым. Так, во время беседы посла в Париже А.И. Нелидова с японским посланником в Париже Мотоно 20/7 марта, последний, пытаясь выяснить возможные условия заключения мира, заявил, что Япония не спешит закончить войну, складывающуюся для неё благоприятно; и если японской армии удастся захватить Харбин, требования будут очень велики, так как националистическая партия будет претендовать на сеть русских железных дорог к Владивостоку¹⁰. Один из влиятельных чинов японского Министерства иностранных дел в беседе с корреспондентом в Шанхае парижской «Иллюстрацион» Бале, секретным агентом России, сотрудничавшим с А.И. Павловым¹¹, 3 марта сказал: «Японское правительство крайне изумлено, что Россия не просит ещё мира. Но японцы рассчитывают, что давление, которое должно быть оказано на Россию французами и германскими финансистами, вынудит её заключить в самом ближайшем будущем мир». Относительно предполагаемых условий мира то же лицо высказало, что среди членов японского правительства существует два мнения: одни настаивают на необходимости потребовать крупное военное вознаграждение, воздержавшись от территориальных уступок; другие считают непереносимым условием уступку Японии Сахалина, признание права присоединить весь Ляодунский п-ов и полное очищение Россией остальной Маньчжурии, на контрибуции же считают более благоразумным не настаивать. На этих условиях они считают возможным и желательным не только мир, но и тесное сближение России и Японии¹².

Заметная перемена происходит и в настроении русского правительства, где на время возобладали доводы в пользу прекращения войны и подготовки почвы для мирных переговоров с Японией.

8/21 марта 1905 г. российскому послу в Париже А.И. Нелидову было дано распоряжение объяснить с французским министром иностранных дел Т. Делькассе, прося его путём обмена мыслей с японским посланником Мотоно или с помощью французского представителя в Токио выяснить у влиятельных японских государственных деятелей позицию Японии для определения возможных оснований для мирных переговоров. Непременным условием было исключение требований уступки какой-либо части русской территории, уплаты военной контрибуции, изъятия из владения России железнодорожных линий по направлению к Владивостоку, и уничтожения военного флота в Тихом океане. В случае предъявления Японией неприемлемых условий, российское руководство намерено

⁸ Красный архив. 1925. № 9. С. 62.

⁹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 65. Л. 39.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 65. Л. 49.

¹¹ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 58. Л. 229.

¹² АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 65. Л. 141.

было продолжить военные действия¹³. Такие же инструкции были даны в Вашингтон А.П. Кассини¹⁴.

23 марта / 5 апреля Делькассе виделся с И. Мотоно, высказавшим мнение, что ни одна из воюющих сторон не может нанести другой решающего удара и следовательно, бесполезно бороться на истощение. В ответ Делькассе выразил надежду, что Франция могла бы помочь в установлении соглашения, и свою готовность зондировать намерения России, если условия Японии не будут содержать положения, наносящие ущерб национальному достоинству России. Мотоно просил дать ему подумать, прежде чем обратиться к руководству, но Делькассе полагал, что тот хотел телеграфировать в Токио, чтобы испросить указаний¹⁵.

Образ действий Мотоно в Петербурге объяснили приказанием из Токио не выступать ни с каким предложением в расчёте, что Россия, поставленная в тяжёлое положение Мукденской неудачей, сама вынуждена будет заявить о своём желании приступить к мирным переговорам. 30 марта / 12 апреля Нелидов сообщал, что, разделяя взгляды Делькассе о пользе воюющим сторонам договориться напрямую, Токийский кабинет поручил Мотоно спросить Делькассе, может ли он гарантировать, что Россия действительно хочет мира. Делькассе отвечал, что если японское правительство даст формальные гарантии того, что условия его не будут содержать упоминания о контрибуции или территориальных уступках, то он в состоянии без замедления устроить свидание уполномоченных для ведения переговоров. Мотоно ответил, что надеется на именно такой характер условий, если только обстоятельства не изменятся¹⁶.

С другой стороны, отсутствие в Петербурге уверенности в том, что, откладывая на неопределенный срок начало мирных переговоров, Россия в ближайшем времени в состоянии будет при существующем однокорейном пути и дальности расстояния сосредоточить достаточное количество войск, чтобы успешно бороться с японской армией, находящейся в более благоприятных условиях, что могло грозить новыми осложнениями на театре войны, занятием японцами Сахалина, и других местностей на русской территории и сделать ещё более затруднительным заключение достойного для России мира, заставило Ламздорфа дать указание Нелидову убедить Делькассе, прибегнув к посредству американского посланника в Париже, либо французского представителя в Вашингтоне войти в доверительные сношения с Рузвельтом для совместного с французским правительством воздействия на Японию с целью побудить её к обсуждению допустимых в принципе условий мира¹⁷, тем более, что последний настойчиво предлагал своё личное посредничество в деле мирных переговоров между Россией и Японией, о чём сообщал в Петербург посланник в Вашингтоне Кассини в телеграммах от 7/20, 12/25 и 17/30 марта 1905 г. Так, 12/25 марта Кассини сообщал о просьбе президента США «приехать к нему в понедельник утром», чтобы коснуться вопроса о мире и, возможно, его «добрых услугах». Кассини считал личность президента, имеющего несомненное влияние на Японию и «видящего опасность успехов Японии для других заинтересованных держав», наиболее подходящей для такой

¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 126. Л. 8: Проект секретной телеграммы д.т.с. Нелидову в Париж от 8/21 марта 1905 г.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 65. Л. 58.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 65. Л. 67.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 65. Л. 185.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 65. Л. 148.

миссии. Он полагал, что Рузвельт охотно согласится оказать добрые услуги одновременно двум воюющим сторонам¹⁸.

В ответ Ламздорф дал указание Кассини на случай предполагаемых объяснений с президентом не отклонять резко добрые услуги Рузвельта, дабы не вызвать в нём чувства обиды, а в самых общих выражениях указать на возможность заключения мира лишь при известных условиях, придерживаясь инструкций, данных 8 марта¹⁹. 17/30 марта Кассини сообщал о своей встрече с Рузвельтом, на которой, не отклоняя мирных устремлений последнего, настаивал на том, что Россия никогда не примет унижительных условий и не откажется от своего будущего на Дальнем Востоке. На встрече Рузвельт заявил, что Япония, готовая на немедленные переговоры о мире после Ляоянской битвы, теперь решила продолжить войну, окрылённая недавним успехом. В связи с этим он поделился своими опасениями за Владивосток и всю береговую линию и сказал, что продолжение успехов Японии опасно для интересов держав. Мнение Рузвельта об опасности политики Японии Кассини считал очень разумным²⁰.

Рузвельт, на которого успехи Японии произвели сильное впечатление, допускал возможность занятия японцами Владивостока со всем русским побережьем, видя в этом прямую угрозу интересам США.

Поражение русского флота в Цусимском сражении заставило русское правительство осознать серьёзность положения и необходимость скорейшего прекращения войны.

Сразу же после Цусимского сражения, 18/31 мая министр иностранных дел Японии барон Д. Комура предписал посланнику в США К. Такахира обратиться к президенту Рузвельту с просьбой о посредничестве [Akagi 1936, p. 248; Dennett 1925, p. 217]. Вильгельм II, опасаясь серьёзной опасности, грозящей существованию монархии и жизни царя, 21 мая / 3 июня вызвал американского посла Тоуэра и просил через него Рузвельта предложить России своё посредничество через посла США в Петербурге [Переписка Вильгельма II с Николаем II, 1923, с. 102–105; Dennett 1925, p. 215–216; Романов 1947, с. 414]. Рузвельт ответил согласием. Президент США твёрдо решил положить конец войне, принимавшей опасный для американских интересов оборот. По оценке российского историка Б.А. Романова, столкновение между Россией и Японией рассматривалось Т. Рузвельтом «как полезное взаимоистребление двух наций, после которого надлежит сохранить между ними те самые “пограничные трения”, которые будут держать Россию и Японию в состоянии постоянного антагонизма и обоюдного равновесия, призванных обеспечить господство США на Тихом океане, в частности на Дальнем Востоке» [Романов 1947, с. 393]. Но чрезмерное усиление одной из сторон не входило в его расчёты. Кроме того, участием в посредничестве американская дипломатия преследовала собственные интересы, стремясь обеспечить себе господствующее положение в Маньчжурии.

Рузвельт формально обратился 21 мая / 3 июня к Кассини с предложением своих услуг для устройства свидания уполномоченных, причём объяснил своё вмешательство единственно только желанием оградить самолюбие обеих держав при разрешении щекотливого вопроса о том, кому надлежит сделать первый шаг²¹ [Сборник].

¹⁸ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 65. Л. 93.

¹⁹ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 65. Л. 99.

²⁰ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 65. Л. 123.

²¹ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 67. Л. 114.

Одновременно американский посол в Петербурге Джордж фон Лангерке Мейер, сменивший на этом посту Р. Маккормика, получил по телеграфу указание Рузвельта склонить Россию к переговорам, для чего испросить немедленно высочайшую аудиенцию и постараться лично убедить Николая II в необходимости посылки уполномоченных для обсуждения вопроса о возможности заключения мира²² [Сборник, № 1, с. 3].

Россия находилась в ином положении, чем Япония. У неё было достаточно сил и средств, чтобы выиграть войну даже после Цусимской катастрофы. Военные ресурсы были далеко не исчерпаны. Однако и царское правительство было заинтересовано в скорейшем заключении мира. Решающим обстоятельством явилось стремление развязать себе руки на Дальнем Востоке для борьбы с начавшейся революцией. 24 мая / 6 июня 1905 г. Особое совещание в Царском Селе высказалось за немедленное прекращение войны [Конец русско-японской войны 1928, с. 191–204; Романов 1947, с. 417–418]. На следующий день Николай II сообщил послу США, что Россия готова начать с Японией переговоры [Dennett 1925, p. 194; Романов 1947, с. 419].

26 мая / 8 июня 1905 г. Т. Рузвельт отправил в Петербург и Токио официальное предложение об открытии и посредничестве в мирных переговорах²³ [Сборник, № 7]. 30 мая Россия в специальной ноте приняла это предложение и согласилась на встречу российских и японских уполномоченных²⁴ [Сборник, № 10].

27 июля 1905 г. в Портсмуте (США) открылась мирная конференция, японскую делегацию возглавил министр иностранных дел Дзютаро Комура, русскую – председатель совета министров С.Ю. Витте. Мирные переговоры начались в благоприятных для Японии условиях. Перед открытием конференции Вашингтон и Лондон договорились с Японией о разграничении сфер влияния на Дальнем Востоке. Личный представитель президента США – военный министр Тафт в беседе с японским премьером в Токио 14 июля 1905 г. подтвердил согласие США на захват Японией Кореи, а Япония со своей стороны признавала американский суверенитет на Филиппинах. 30 июля был подписан новый англо-японский договор о союзе, в одной из статей которого подчёркивалось преобладание японских интересов в Корее и признавалось право Японии «принимать такие меры руководства, контроля и покровительства над Кореей, какие она найдёт соответствующими и необходимыми, чтобы охранить и развить эти интересы» [Ключников Ю.В., Сабанин А.В. 1925, с. 317–318]. Досрочное возобновление англо-японского союза было важно для Японии, т.к. в первом англо-японском договоре 1902 г. во введении декларировалась территориальная неприкосновенность Китая и Кореи. Япония, для которой главной целью возобновления союза было стремление установить протекторат над Кореей, стремилась пересмотреть этот договор и вставить в него новую формулировку по корейскому вопросу, развязывающую Японии руки в Корее. С этой целью Япония согласилась помогать Англии в обороне её индийских границ. Россия же оказалась в состоянии дипломатической изоляции. Подписанный в Бьерке 11/24 июля 1905 г. Русско-германский договор вступал в силу лишь после заключения мира между Россией и Японией.

²² ОПИ ГИМ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 126. Л. 22: Инструкция Рузвельта американскому послу для передачи Николаю II о желательности встречи русского и японского представителей о заключении мира.

²³ ОПИ ГИМ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 126. Л. 26: Нота американского посла в Петербурге министру иностранных дел 27 мая / 9 июня 1905 г.

²⁴ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 67. Л. 143.

Рассчитывая на поддержку Англии и США, Япония потребовала признания за ней преобладающих экономических, политических и военных интересов в Корее, эвакуации русских войск из Маньчжурии, уступки Сахалина, аренды Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и железной дороги до Харбина. Это отдавало в руки Японии первоклассный плацдарм для нападения на Китай и русский Дальний Восток. Кроме того, Япония требовала контрибуции, ограничения русских военно-морских сил в водах Тихого океана и предоставления японским подданным неограниченных прав на рыбную ловлю вдоль берегов в русских владениях в Японском, Охотском и Беринговом морях.

Царское правительство спешило заключить мир с Японией, чтобы развязать себе руки для борьбы с революцией. К тому же русская делегация была недостаточно осведомлена о действительном положении Японии.

Царь назначил Витте главным русским уполномоченным после некоторых колебаний, только после того как А.И. Нелидов²⁵, А.П. Извольский, Н.В. Муравьев²⁶ один за другим отказались от сомнительной миссии, видимо понимая, что в сложившейся обстановке шансы добиться «сносного» мира для России крайне невелики и потребуются немалое искусство уполномоченного, чтобы переговоры не завершились неудачей.

Имя С.Ю. Витте, пока только как возможного делегата России на переговорах при главном уполномоченном Нелидове, было впервые предложено Николаю II В.Н. Ламздорфом, получившим 9 июня частное письмо Нелидова, где он высказывал сомнения относительно возможности для него быть подходящим кандидатом для руководства переговорами в Вашингтоне ввиду незнакомства с американскими нравами и недостаточным знанием английского языка, не говоря о чисто личной стороне – боязни длительных морских путешествий и «необходимости отлучки из Парижа на лечение водами»²⁷, ещё 11/24 июня, на что был дан категоричный ответ: «О Нелидове можете дать знать, а о статусе секретаре Витте нет»²⁸ [Сборник, № 31, с. 26]. 12 июня Ламздорф уже неприкрыто высказал царю своё убеждение в «безусловной необходимости иметь в числе уполномоченных России авторитетного специалиста по вопросам финансовым и экономическим, к тому же хорошо знающего сложные дела по железнодорожным, банковым и другим операциям на Дальнем Востоке», так как «центр тяжести предстоящих переговоров сосредоточится именно на указанных вопросах», прямо указывая на Витте. «Должное воздействие на японцев» с целью «избежать требования японцев военной контрибуции ... при условии заключения какой-нибудь финансовой сделки, могущей заменить военное вознаграждение без ущерба для достоинства России» и «понуждение японских делегатов к сговорчивости», по его мнению, было возможно «лишь в том случае, если они будут исходить от делегата, пользующагося неоспоримым авторитетом в области финансовой политики»²⁹.

Но до того как назначить С.Ю. Витте, Николай II 14/27 июня утвердил в качестве первого уполномоченного Н.В. Муравьева³⁰, поначалу принявшего³¹, но по приезде в

²⁵ АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 622. Л. 31, 32; 69.

²⁶ АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 622. Л. 136.

²⁷ АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 622. Л. 31, 32.

²⁸ АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 622. Л. 57.

²⁹ АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 622. Л. 58.

³⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 126. Л. 46: Проект секретной телеграммы Нелидову в Париж от 14 июня/27 1905 г.; АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 622. Л. 74, 84.

Петербург 25 июня, отказавшегося от поручения из-за серьёзной болезни, не позволившей ему ознакомиться в короткий срок с «обширными материалами, необходимыми для предстоящих Совещений в Вашингтоне»³² [Лукоянов 2010, с. 593]. Только после этого 29 июня / 12 июля Николай II был вынужден назначить главным уполномоченным от России на переговорах С.Ю. Витте³³ [Сборник, № 64; Лукоянов 2010, с. 593].

Выбор Витте мог показаться странным ввиду почти открыто «пораженческой позиции» бывшего министра финансов³⁴ [Лукоянов 2010, с. 593]. Однако последнее слово царь оставлял за собой. С.Ю. Витте согласился принять назначение на пост руководителя российской делегации на переговорах с Японией, т.к. достижение мира с Японией превращалось для него в вопрос карьеры, и Витте был готов на многое, чтобы добиться его заключения. По свидетельству В.Н. Ламздорфа, В.Н. Коковцов заметил по поводу его назначения: «Очень жаль, что председатель Комитета министров назначается на это место, ибо это означает, что мир будет заключен, потому что Сергей Юльевич пойдёт на всякие условия» [Витте 1991, с. 460].

До отъезда в Вашингтон 6/19 июля специально для Витте были составлены инструкции, утвержденные 29 июня / 12 июля³⁵ и 2/15 июля³⁶, свои соображения относительно которых Николай II высказал на двух аудиенциях. Копии писем Витте В.И. Сухомлинову и А.И. Сазонову, не помещённые им в «Сборник документов, касающихся переговоров о заключении Портсмутского договора», в которых имеется упоминание о встрече с царём и запись беседы с вел. кн. Николаем Николаевичем, хранятся в Бахметьевском архиве. В них нашёл отражение неизвестный ранее факт встречи с вел. кн. Николаем Николаевичем, во многом объясняющий позицию, занятую Витте во время переговоров. В письме Витте рассказал, что при первой встрече с ним 1/14 июля Николай II велел ему повидаться с председателем Совета Государственной обороны, вел. кн. Николаем Николаевичем и получить от него для ведения переговоров указания относительно положения русской армии на Дальнем Востоке и о вероятных шансах России при дальнейшем ведении войны. Явившемуся на другой же день Витте великий князь поведал, что:

«1/ Наша армия на Дальнем Востоке /на Сыпингайских позициях/, ныне находится /июль 1905 г./ в таком состоянии, что ожидать тех отступлений и уронов, которые мы систематически претерпевали с самого начала войны /февраль 1904 г./ невозможно;

2/ Напротив того, можно с вероятностью ожидать, что теперь мы начем теснить японскую армию и отодвинем её за Ялу /в Корею/ и в Квантунский полуостров /в бывшую нашу область/;

3/ Для сего потребуется около года времени, миллиарда рублей и понести урон до 200 тысяч человек убитыми и ранеными;

4/ Но, так как мы не имеем флота на Дальнем Востоке, а японский флот находится в прекрасном состоянии, то а/ мы не будем в силах выбить японцев из Кореи и Квантунского полуострова и б/ Япония займёт в это время весь Сахалин и значительные части Приморской

³¹ АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 622. Л. 74.

³² АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 622. Л. 136.

³³ АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 622. Л. 138.

³⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 818. Оп. 1. Д. 213. Л. 26. Дневник Г.А. Плансона. Запись 1 июля 1905 г.

³⁵ АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 623. Л. 81–82.

области»³⁷. В общем, выводы председателя Совета Обороны были неутешительны и сводились к тому, что, несмотря на обнадеживающие вести с фронтов войны в Маньчжурии, продолжение войны потребует слишком больших жертв и потому необходимо скорейшее заключение мира до занятия Японией всего Сахалина и Приморской области. При следующем представлении царю 5/18 июля Витте хотел доложить о полученных указаниях, но царь сказал, что вел. кн. Николай Николаевич уже ему их доложил³⁸.

В состав российской делегации вошли 13 человек: кроме С.Ю. Витте – Р.Р. Розен (второй уполномоченный, посол в США), Ф.Ф. Мартенс (советник МИД по международно-правовым вопросам), Д.Д. Покотилов (посол России в Пекине), И.П. Шипов (Директор Департамента казначейства Министерства финансов), Г.А. Плансон, генерал-майор Ермолов (военный агент в Англии), полковник В.К. Самойлов (военный агент в Японии), капитан 2 ранга Чигин (морской агент в Японии), капитан 2 ранга А.И. Русин (заведующий канцелярией по морским делам при главнокомандующем); помощники-секретари МИД Коростовец, Набоков и помощник Витте [Витте 1991, с. 459, 464–465].

Поражение России в войне с Японией было воспринято корейским императором и всем корейским населением как величайшее бедствие для Кореи. Накануне мирных переговоров в Портсмуте в Корею возлагали большие надежды на Россию, всё ещё рассчитывая с её помощью сохранить независимость страны. 12/25 июня 1905 г., Коджон поручил своему бывшему министру финансов и верному стороннику России Ли Ион Ику ехать в Шанхай к Павлову и отправить телеграмму на имя Николая II, а затем ехать в Петербург, чтобы получить аудиенцию. В письме говорилось: «Всему миру известно, что Россия всегда поддерживала независимость Кореи. Ныне, в минуту предстоящего заключения мира, я глубоко убеждён, что положение моей страны может быть спасено только могущественным содействием Вашего Величества. В эту трудную минуту решаюсь прибегнуть к Вашему Императорскому Величеству в надежде, что благодаря милостивейшему расположению Вашему моей стране удастся сохранить независимость» [Пак 1979, с. 206]. Однако по дороге в Петербург в Жёлтом море джонка, на которой находился Ли Ион Ик, попала в тайфун и потерпела крушение у Ляодуна, где он долго скрывался и с большими трудностями был доставлен китайцами в Вей-хай-вей³⁹, откуда только к концу августа 1905 г. прибыл в Шанхай. К этому времени переговоры в Портсмуте уже завершились.

Участники антияпонского движения в Корею также возлагали надежды на то, что России на мирных переговорах с Японией удастся отстоять независимость Корейского государства. В прошении командования Корейской вольной дружины на имя генерала Линевича, командующего Приамурским военным округом, говорилось: «Теперь до нас, дружинников, дошли слухи, что между русским и японским правительствами ведутся мирные переговоры. Какая судьба постигнет нашу страну? Если Корея будет подчинена Японии, то ... нам уже ничего больше не остаётся, как утопиться в Тумангане. Последняя наша надежда – Россия» [Пак 2004, с. 374].

³⁶ АВПРИ. Ф. 150 Японский стол». Оп. 493. Д. 623. Л. 59.

³⁷ Columbia university library. Manuscript department. Bakhmeteff archive. S.Yu.Witte collection. Документы из дел по Портсмутскому договору. File 29. № 5: Копия письма Витте В.А. Сухомлинову. 10 дек 1910 г.

³⁸ Columbia university library. Manuscript department. Bakhmeteff archive. S.Yu.Witte collection. Документы из дел по Портсмутскому договору. File 29. № 5: Копия письма Витте В.А. Сухомлинову. 10 дек 1910 г.

³⁹ АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 20.

Российское правительство, заранее предвидя, что Япония в ходе мирных переговоров будет требовать признания своего полного господства над Кореей, снабдило русскую делегацию соответствующими указаниями [Портсмут 1924, т. 6, с. 10].

В июне 1905 г. МИД России начал запрашивать соображения и материалы для составления инструкции русским уполномоченным по переговорам. В отношении Корейского полуострова были высказаны следующие мнения. Военный министр В. Сахаров предложил: «Предоставить Японии некоторые коммерческие выгоды в Корее», «в политическом же и военном отношении Корея должна остаться независимой» [Романов 1947, с. 503].

Министр финансов В.Н. Коковцев предлагал признать в Корее преимущественное положение японцев с тем, чтобы Япония приняла на себя обязательства не вводить в смежные с Приморским краем области Северной Кореи военные силы и не возводить здесь никаких укреплений⁴⁰ [Романов 1947, с. 504].

Управляющий Морским министерством по Главному морскому штабу Ф.К. Авелан считал недопустимым ограничения усиления «морского могущества в водах Японского моря и Тихого океана» и предлагал сохранить status quo в Лаперузовом проливе, т.е. «не допустить перемен в условии обладания берегами и свободы плаванья проливом, так как иначе Японское море окажется почти также замкнутым как ныне Чёрное»⁴¹.

Наместник на Дальнем Востоке адмирал Е.И. Алексеев считал, что нельзя рассчитывать «на восстановление в Корее прежнего порядка вещей», но необходимо отстоять «неприкосновенность договоров России с Кореей». Он считал необходимым выговорить в пользу России в договоре обязательство Японии не возводить укреплений на побережье Корейского полуострова и на границе Кореи с русскими владениями⁴² [Сборник, № 59; Романов 1947, с. 506].

Все эти материалы легли в основу инструкции уполномоченному на переговорах.

В секретной инструкции послу в Италии Н.В. Муравьёву, которого первоначально предполагали назначить главой делегации на Портсмутской конференции, отмечалось:

«При установлении договорных условий относительно Кореи не следует терять из виду прежде всего, что самовольное занятие её японскими войсками, вопреки всем постановлениям международного права, явилось в то же время вопиющим нарушением договоров, обеспечивающих независимость и неприкосновенность корейского государства.

Японские делегаты в данном случае не могут ссылаться на состоявшееся будто бы между токийским и корейским правительствами соглашение, открывавшее Японии полную свободу действий в Корее, ибо у нас имеются неопровержимые документальные данные о том, что захват японцами власти в Корее совершился вопреки воле корейского императора.

Как бы то ни было, мы считаем необходимым включение в мирный договор условия признания Японией полной независимости Кореи, а также обязательства эвакуации [из этой] страны в возможно скорейший срок.

Россия со своей стороны готова признать права Японии на преимущественное положение в Корее. Но при этом, однако, в целях устранения всяких поводов к недоразумениям, Япония должна принять на себя обязательство не вводить в смежные с

⁴⁰ АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 623. Л. 11 об.

⁴¹ АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 623. Л. 18.

нашим Приморским краем области Северной Кореи своих войск и не сооружать там никаких укреплений.

Равным образом необходимо добиться включения в договор обязательства Японии не возводить крепостей на южном побережье Кореи в видах сохранения свободы плавания через Корейский пролив»⁴³ [Сборник, с. 78–79].

Итак, Россия готова была признать преимущественное положение Японии в Корее, но при условии, что японское правительство даст обязательство уважать независимость корейского государства, выведет оттуда свои войска и не будет возводить военных укреплений в районах, прилегающих к Приморской области, и на юге Корейского полуострова.

28 июля / 10 августа состоялось первое официальное заседание. Комура (глава японской делегации в Портсмуте) представил 12 условий договора.

В инструкциях японским дипломатам, утверждённых императором Японии, условия мира делились на три группы: абсолютно обязательные, относительно важные (для решения в соответствии со складывающейся ситуацией) и такие, по которым могли принимать решения сами уполномоченные.

К «абсолютно обязательным» относились признание «свободы рук» Японии в Корее; отвод русских войск из Маньчжурии; передача японцам арендных прав на Ляодунский полуостров и южную ветвь КВЖД. «Относительно важные» условия включали: возмещение военных расходов; передачу русских военных судов, оставшихся в нейтральных портах; передачу Сахалина и прилегающих к нему островов; предоставление рыболовных прав вдоль дальневосточного побережья. К последней группе относились следующие требования: ограничение морских сил России на Дальнем Востоке, уничтожение всех фортификаций крепости Владивосток и превращение ее в абсолютно коммерческий порт [Akagi 1936, p. 252; Кутаков 1961, с. 21–22].

На первом официальном заседании Портсмутской конференции 11 августа 1905 г. русской делегации были переданы японские условия мира. Статья 1 их касалась Кореи: «Россия, признавая, что Япония владеет в Корее преобладающими политическими, военными и экономическими интересами, обязуется не противодействовать и не вмешиваться в те меры руководства, покровительства и контроля, которые Япония найдёт необходимым применять в Корее»⁴⁴.

Японский проект этой статьи был весьма сходен с корейской статьей второго англо-японского союзного договора, который был официально подписан 12 августа, но полностью согласован уже в самом начале этого месяца. Статья гласила: «Ввиду того, что Япония имеет преобладающие политические, военные и экономические интересы в Корее, Великобритания признаёт право Японии принимать такие меры руководства, контроля и покровительства в Корее, какие она сочтёт соответствующими и необходимыми для охраны и развития этих интересов, с тем условием, чтобы эти меры не противоречили принципу равных возможностей для торговли и промышленности всех наций» [British documents, p. 155–156].

⁴² АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 623. Л. 20, 22, 25.

⁴³ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491, 1905 г. Д. 63. Л. 151–152; АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 623. Л. 26.

⁴⁴ Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россией и Японией, заключенного 23 августа / 5 сентября 1905 г. СПб., 1906., с. 12–13.

Следует, однако, отметить, что японский проект мирного договора в Портсмуте предоставлял Японии ещё большие права и возможности в отношении Кореи, чем даже англо-японский договор. После успешного завершения переговоров с США и Англией японцы в Портсмутском проекте корейской статьи не сделали оговорки, что их мероприятия в Корее не должны наносить ущерба коммерческим интересам других иностранцев в Корее.

Попытка Витте при обсуждении пункта 1 о Корее заикнуться о «необходимости общности действий Японии и России и о готовности поддержать Японию» встретила решительный отпор со стороны Комура: он довольно сухо заявил, что Япония не нуждается в поддержке России и что для него довольно, если г-н Витте поддержит его здесь на конференции – «согласится на предоставление Японии свободы действий в Корее» [Коростовец 1923, с. 60].

Обнародование японских условий заключения мира вызвало перелом в американском общественном мнении. Как оказывалось, не Россия, а Япония добивается захвата Кореи, что Порт-Артур она завоевала также для себя, а не ради «борьбы с захватами» [Ольденбург 2003, с. 259]. Т. Рузвельт, однако, считал японские условия вполне приемлемыми.

Дебаты по корейскому вопросу длились с 30 июля / 12 августа по 1/14 августа 1905 г.

На 2-м официальном заседании в Портсмуте 30 июля / 12 августа был оглашён русский ответ. С.Ю. Витте (глава русской делегации) согласился принять требования Японии со следующими тремя добавлениями: «1) Россия и русско-подданные будут пользоваться в Корее всеми правами и преимуществами, которые имеют или будут иметь там другие иностранные державы и подданные; 2) военные мероприятия Японии в Корее не будут угрожать безопасности соседней с Кореей русской территории; 3) меры, применяемые Японией по осуществлению руководства, покровительства и контроля в Корее, не будут нарушать суверенных прав корейского императора»⁴⁵ [Кутаков 1961, с. 31–33].

Японские уполномоченные, ознакомившись с ответом русских представителей, внесли новый вариант (ст. 1) своих требований. Они признали равноправие России и русских подданных с другими странами и их подданных, но с оговоркой: что оно не будет противоречить предыдущему постановлению о полном господстве Японии. С.Ю. Витте доказывал, что Россия и русскоподданные, согласно этой оговорке, будут пользоваться в Корее не всеми правами, которыми там пользуются другие, а только теми из них, которые «не противоречат оговорке о полном господстве японцев в Корее», в то время как другие державы такому ограничению не подлежат. В конце концов стороны договорились из первого добавления выпустить слово «Россия».

По поводу второго добавления С.Ю. Витте японская делегация согласилась внести в проект статьи о Корее пункт, обязывающий Японию воздерживаться от военных мероприятий на русско-корейской границе, но с условием, чтобы подобное обязательство было распространено и на Россию. Кроме того, японцы требовали, чтобы Россия обязалась скрыть все существующие на русско-корейской границе укрепления.

Споры вызвало и предложение Витте не проводить военных мероприятий на корейской границе. Представители Японии потребовали, чтобы Россия не только взяла те же обязательства, но и «срыла все укрепления» на русско-корейской границе, на что

⁴⁵ Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россией и Японией, заключенного 23 августа / 5 сентября 1905 г. СПб., 1906, с. 12–13.

уполномоченные России не согласились. Витте заявил о своём несогласии с этим добавлением, и после продолжительных споров японская делегация вынуждена была снять свои возражения и согласиться. Было решено занести в протокол, что срытию подлежат только те фортификационные сооружения, которые были возведены во время войны.

Наибольшие споры в ходе обсуждения ст. 1 Портсмутского договора вызвал вопрос о суверенитете Кореи. Русская делегация на конференции выступила с разоблачениями захватнического характера японских требований. Витте выступал за сохранение независимости Кореи⁴⁶ [Пак 2004, с. 366–367].

Настаивая на включении в текст договора этого положения, С.Ю. Витте говорил, что Россия не имеет ввиду фактически препятствовать японским мероприятиям в Корее, но не может по собственной воле, единолично подписать договор об уничтожении суверенитета этой страны, т.к. это вызовет протесты других правительств, одинаково заинтересованных в судьбе этого государства, и что было бы неосторожно как со стороны Японии, так и со стороны России умалчивать в договоре о её независимости.

Глава японской делегации Комура утверждал, что Япония не может допустить подобной формулировки, так как независимость Кореи уже утрачена, и сослался на соглашение, заключённое Японией с корейским императором, которое ограничило в известной мере суверенитет Кореи, имея в виду навязанный силой Корее так называемый Корейско-японский договор о сотрудничестве, по которому Япония получила право финансового и внешнеполитического контроля в Корее, и указ от 19 мая 1904 г. об аннулировании всех договоров, подписанных между Россией и Кореей и отзыве корейских дипломатических представителей из-за границы и закрытии иностранных посольств в Корее с сохранением лишь консульских отделов, согласно которому все договоры с иностранными державами Корея могла заключать лишь с согласия Японии, изданный Коджоном под угрозой свержения с престола и его жизни⁴⁷.

Комура доказывал, что в настоящее время на конференции речь идёт только о признании Россией полной свободы действий Японии в Корее и что если возникнут протесты со стороны других держав, то Япония сама сумеет ответить им. Тогда Витте предложил записать в мирном договоре или в протоколе, что японские делегаты, несмотря на настояния русских уполномоченных, отказываются признать суверенитет Кореи. Комура Дзютаро не согласился. После долгих споров решено было в тексте договора о независимости Кореи вовсе не упоминать, а в протоколе конференции сделать следующую оговорку: «Уполномоченные Японии заявляют, что было согласовано, что меры, которые Япония может признать необходимым принять в Корее в будущем и которые наносят ущерб суверенитету этой страны, будут приняты в согласии с правительством Кореи»⁴⁸.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 138 «Секретный архив министра иностранных дел». Оп. 467. Д. 698/41. Л. 54–57; Columbia university library. Manuscript department. Bakhmeteff archive. S.Yu.Witte collection. Документы из дел по Портсмутскому договору. File 32. № 5, с. 51–54: Отчёт секретаря конференции Г.А. Плансона. СПб., 1908 г.

⁴⁷ Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россией и Японией, заключённого 23 августа / 5 сентября 1905 г. СПб., 1906. С. 10–12; АВПРИ. Ф. 138 «Секретный архив министра иностранных дел». Оп. 467. Д. 698/41. Л. 57–58.

⁴⁸ Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россией и Японией, заключённого 23 августа / 5 сентября 1905 г. СПб., 1906. С. 11; АВПРИ. Ф. 138 «Секретный архив министра иностранных дел». Оп. 467. Д. 698/41. Л. 58.

На третьем официальном заседании 1/14 августа русская сторона представила текст статьи 1 о Корее, и её французская редакция была окончательно принята японцами. Тем не менее, они сочли необходимым несколько дней спустя вновь к ней вернуться и просить о некоторых изменениях.

Дело в том, что японцы излагали свои мысли по-английски при содействии преданного им американского юриста Денисона. Когда приходилось редактировать что-либо по-французски, то они соглашались безбоязненно только на те французские выражения, которые с буквальной точностью передавали соответствующие английские выражения.

Плансон вспоминал, как, «тщательно вчитываясь в текст первой статьи о Корее, уже принятый обеими сторонами, японцы стали сомневаться, достаточно ли сильно выражены по-французски некоторые их английские выражения, которым они придавали важное значение. Так, слова: “Japan possesses in Corea paramount political etc. interest”, – были ими же самими переведены при первоначальном представлении условий словами: “le Japon possède en Coree des interets prépondérants...”. Но потом их стало мучить сомнение, что это недостаточно сильно передаёт всю важность их интересов в Корее, и после тщательных розысков по словарям они обратились с просьбой о замене выражения “prépondérants” более сильным словом “prédominants”, чтобы для всех было ясно, что у них в Корее не только преобладающие, но и господствующие интересы». Просьба их была исполнена.

Такое же сомнение вызвало у них слово «contrôle» при изменении права Японии принимать в Корее «des mesures de direction de protection et de contrôle». Они опасались, что по-французски слово «contrôle» не имеет того обширного значения «господства», какое ему придаётся в английском языке, другого же более подходящего выражения не находили. Несмотря на доводы русских уполномоченных, что во всяком случае три слова вместе «direction de protection et contrôle» составляют «до такой степени всеобъемлющее понятие, что не составляют ни малейшего сомнения в обширности прав Японии», Комура настоял на том, чтобы в протоколе была сделана особая оговорка, что слово «contrôle» в статье о Корее должно быть понимаемо в более обширном английском его значении⁴⁹.

Коснулись японцы корейского вопроса и при переговорах об эвакуации войск из Маньчжурии. В представленном ими плане эвакуации было сказано, что русские войска отводятся на русские пределы, а японские – на Ляодунский полуостров и в Корею, что вызвало протесты российской стороны. Комура согласился вычеркнуть упоминание о Корее, но категорически заявил, что никакого вмешательства в распоряжения Японии относительно количества войск, которое она намерена держать в Корее, не будет допущено [Портсмут 1924, т. 7, с. 15].

По воспоминаниям Плансона, этому предшествовала частная беседа Витте с Комура в гостинице. Витте сказал тогда, что никак не может допустить постановления об отводе всех японских войск в Корею. Признавая, что Россия, предоставляя японцам широкую свободу действий в Корее, готова согласиться, что «для осуществления их мероприятий» им необходимо иметь там некоторое количество войска – «примерно дивизию или две», он считал, что предоставление им по договору права отвести туда всю свою армию «послужит угрозой миру на всём Дальнем Востоке и вызовет справедливые протесты и нарекания держав». Поэтому он полагал необходимым точно оговорить в договоре, что японские

⁴⁹ АВПРИ. Ф. 138 «Секретный архив министра иностранных дел». Оп. 467. Д. 698/41. Л. 59–60.

войска будут отведены в пределы Японии или, по крайней мере, занести в протокол, что вопрос этот был возбужден русскими уполномоченными, на что японцы ответили отрицательно.

По словам Плансона, барон Комура «в сильном возбуждении» отвечал, что «ни под каким видом на это согласиться не может, что упоминать об этом в договоре или протоколе значит стеснять их свободу действий. «Самое требование об этом доказывает, – говорил он, – что русские уполномоченные не ясно поняли положение дел и намерения Японии относительно Кореи. В таком случае барону Комура остаётся только потребовать пересмотра вновь всех постановлений, касающихся Кореи, чтобы в этом не оставалось более ни малейшего сомнения».

Успокоить японского министра стоило немалого труда. Понимая, что в этом вопросе японская сторона не намерена уступить (дальнейшие возражения ставят под удар достижение соглашения), русским уполномоченным пришлось согласиться на полное невмешательство в распоряжения Японии относительно количества войск, которое она намерена держать в Корее. Барон Комура со своей стороны согласился выпустить совсем упоминание в договоре о том, куда именно будут отводиться войска из Маньчжурии.

Позже, когда отношения между русскими и японскими уполномоченными приняли более спокойный характер, Витте спросил Комура в частной беседе, предполагают ли японцы действительно держать в Корее большое количество войск. Комура ответил, что на это у них нет средств и что там поэтому будет оставлено возможно меньшее количество войск⁵⁰.

В итоге текст статьи о Корее в мирном договоре между Россией и Японией был сформулирован в следующем виде:

«Российское Императорское Правительство, признавая за Японией в Корее преобладающие интересы политические, военные и экономические, обязуется не вступаться и не препятствовать тем мерам руководства, покровительства и надзора, кои Императорское Японское Правительство могло бы почтёшь необходимым принять в Корее.

Условлено, что русскоподданные в Корее будут пользоваться совершенно таким же положением, как подданные других иностранных государств, а именно, что они будут поставлены в те же условия, как и подданные наиболее благоприятствуемой страны.

Равным образом установлено, что во избежание всякого повода к недоразумениям обе высокие договаривающиеся стороны воздержатся от принятия на русско-корейской границе каких-либо военных мер, могущих угрожать безопасности русской или корейской территории» [Сборник, с. 338].

Сверх того, в Протоколе были сделаны относительно Кореи следующие оговорки, принятые обеими сторонами и, следовательно, обязательные для них:

1. «Японские уполномоченные заявляют, что постановлено, что те мероприятия, которые Япония может признать необходимым принять в Корее в будущем и которые могут затронуть суверенитет этой страны, будут принимаемы по соглашению с Корейским правительством».

2. «Россия не обязана разоружать укреплений, имеющих постоянный характер и уже существовавших на границе до войны. Ограничение касается только временных укреплений,

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 138 «Секретный архив министра иностранных дел». Оп. 467. Д. 698/41. Л. 60–62.

которые могли быть сооружены обеими сторонами со времени открытия военных действий, а равно и других военных мер, которые они могут принять в будущем».

3. «Уполномоченные сверх того согласились заявить, что слово “контроль”, упоминаемое в статье II французского текста договора, должно быть понимаемо в столь же обширном значении, какое оно имеет в означенной статье английского текста»⁵¹.

Таким образом, по Портсмутскому мирному договору Россия признавала за Японией преобладающие политические, военные и экономические интересы в Корее. При этом признание оговаривалось зафиксированным в протоколе конференции обязательством Японии не принимать без согласия правительства Кореи мер, затрагивающих суверенитет последней.

Вопрос о статусе Кореи на основании Портсмутского договора обсуждался на Совещании для рассмотрения вопросов, вытекающих из договора с Японией, заключенного в Портсмуте 23 августа /5 сентября/ 1905 г., проходившем 21 сентября 1905 г. в присутствии председателя Комитета государственной обороны вел. кн. Николая Николаевича, с участием и председателя комитета министров Витте. На вопрос морского министра вице-адмирала Бирилева о положении Кореи относительно Японии и на замечание замещавшего Ламздорфа товарища министра иностранных дел кн. Оболенского-Нелединского-Мелецкого, что Министерство иностранных дел планирует назначить своего представителя в Корею и, может быть, предварительно обратиться к державам с запросом тотчас по ратификации договора, Витте твёрдо заявил, что «суверенитет Кореи договором нисколько не поколеблен» и что «независимость Кореи никак не могла быть уничтожена договором между Россией и Японией, так как это вопрос международный», что «если другие державы пошлют в Корею посланников, то и мы можем послать» и что вопрос этот «по необходимости будет возбужден самим корейским правительством, представитель которого уже обращался ко мне и к министру иностранных дел по этому вопросу». Оболенский-Нелединский-Мелецкий пояснил, что «Русское правительство никогда не признавало мероприятий Японии, имевших целью уничтожение независимости этого государства. Лучшим доказательством такого взгляда служит пребывание здесь до настоящего времени посланника, которому русское правительство выплачивает содержание»⁵². Исходя из вышеизложенного относительно обсуждения вопроса о суверенитете Кореи на Портсмутской мирной конференции, созванное 21 сентября / 4 октября 1905 г. совещание представителей министерств иностранных дел, финансов и военного для рассмотрения вопросов, вытекающих из мирного договора, после соответствующих разъяснений С.Ю. Витте пришло к заключению, что «независимость Кореи договором не уничтожена и по-прежнему может признаваться императорским правительством; но взгляды других держав на этот вопрос желательно проверить путём соответствующих сношений министерства иностранных дел»⁵³.

⁵¹ Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россией и Японией, заключенного 23 августа / 5 сентября 1905 г. СПб., 1906, с. 10–14.

⁵² Красный архив. 1924. Т. 7. С. 15.

⁵³ Красный архив. 1924. Т. 7. С. 25; Columbia university library. Manuscript department. Bakhmeteff archive. S.Yu.Witte collection. Документы из дел по Портсмутскому договору. File 32. № 6: Журнал совещания 21 сентября 1905 г. для рассмотрения вопросов, вытекающих из договора с Японией, заключённого в Портсмуте 23 августа /5 сентября/ 1905 г.

Руководствуясь этим заключением, в предписании посланникам в Париже, Берлине и Вашингтоне выяснить позицию правительств Франции, Германии и США по вопросу о международном положении Кореи Министерство иностранных дел специально разъясняло, что, признав интересы Японии в Корее, русское правительство «не имело в виду нарушать принцип независимости Кореи, положенный в основу политики России на Дальнем Востоке» [Пак 2004, с. 377].

Внесение в протокол конференции пункта, предусматривающего, что Япония может предпринимать в Корее меры, наносящие ущерб её суверенитету, только с согласия корейского правительства, без всякого сомнения говорило об успехе российской дипломатии в переговорах о суверенитете Кореи. Согласно этой оговорке в протоколе, японцы, проводя то или иное мероприятие в Корее, наносившее ущерб корейскому суверенитету, должны были предварительно согласовывать такое мероприятие с корейским правительством, иными словами, оформлять каждое такое мероприятие специальным японо-корейским договором. И если бы другие государства заняли в этом вопросе такую же позицию, как Россия, то насильственно вырванные японцами у корейского правительства договоры не получили бы международной санкции. Но по вопросу о судьбе Кореи Япония сговорилась с США и Англией. Не оказала поддержки России и Франция. России ничего не оставалось, как признать японские требования в отношении Кореи, добившись удовлетворения лишь своих минимальных требований.

Дело было не в том, что Россия добивалась этого исключительно в интересах корейского народа, а в том, что сохранение независимости пограничной Кореи при создавшейся ситуации отвечало насущным интересам обороны русского Дальнего Востока. И это обстоятельство определяло тактику российской делегации в Портсмуте по корейскому вопросу.

Что касается точки зрения южнокорейского исследователя Пак Чон Хё, не соглашающегося с автором книги «Россия и Корея» Б.Д. Паком в том, что по Портсмутскому мирному договору Корейское государство не было лишено суверенитета, на том основании, что хотя в окончательном тексте Портсмутского мирного договора фразы о лишении Кореи суверенитета нет, но «по нему ... фиксировалось право японцев контролировать все сферы государственного и экономического развития страны, практически утверждалось японское господство в Корее» и потому заверения русских сановников (уже после Портсмута), что «независимость Кореи договором не уничтожена и по-прежнему может признаваться императорским правительством, были ... дипломатической оговоркой» [Пак Чон Хё 1997, с. 239], то здесь нельзя не согласиться с Б.Д. Паком, что признание за Японией преобладающих интересов в Корее не означало признание Россией японского протектората над Кореей. Будучи обязательной для обеих сторон, эта «дипломатическая оговорка» стала единственным внешнеполитическим препятствием на пути к полному уничтожению независимости и территориальной неприкосновенности Корейского государства Японией ещё на протяжении целых пяти лет после Портсмута. Японское правительство вынуждено было всякий раз оформлять установление колониального режима в Корее. Оговорка позволила России не признать договора о протекторате над Кореей, насильственно навязанного корейскому правительству в ноябре 1905 г., пыталась восстановить деятельность русской дипломатической миссии в Сеуле и сохранить статус независимого корейского государства. Сначала японцы в августе 1905 г. установили свой протекторат над

Кореей и только в августе 1910 г. аннексировали Корею, т.е. практически установили своё полное господство в Корее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Витте С.Ю.* Избранные воспоминания (1889–1904). Москва: Государственное издательство. 1991.
- Гальперин А.Л.* Корейский вопрос в международных отношениях накануне аннексии Кореи Японией (1905–1910) // Вопросы истории. 1951. № 2. С. 12–30.
- Игнатьев А.В.* С.Ю. Витте – дипломат. Москва: Международные отношения. 1989.
- Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. Рукописные заметки. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 2003.
- Ключников Ю.В., Сабанин А.В.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. I. Москва: Изд. Литиздата НКВД. 1925.
- Коростовец И.Я.* Страница из истории русской дипломатии. Русско-японские переговоры в Портсмуте в 1905 г.: дневник И.Я. Коростовца, секретаря графа Витте. Пекин. 1923.
- Кутаков Л.Н.* Портсмутский мирный договор (Из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905–1945 гг.). Москва: Соцэкгиз. 1961.
- Лукоянов И.В.* Россия на Дальнем Востоке. Москва: Роспэн. 2010.
- Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. Москва: Эксмо. 2003.
- Пак Б.Д.* Россия и Корея. Москва: ИВ РАН. 2004.
- Пак Чон Хё.* Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея. Москва: Восточная литература. 1997.
- Переписка Вильгельма II с Николаем II (1894–1914 гг.). Москва – Петроград: Государственное издательство. 1923.
- Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895–1907. Изд. 1-2. Москва – Ленинград: Издательство Академии Наук СССР. 1947.
- Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). Москва: Государственное издательство политической литературы. 1952.

REFERENCES

- Gal'perin, A.L. (1951). Koreyskii vopros v mezhdunarodnykh otnosheniyakh nakanune anneksii Korei Yaponiei (1905-1910) [The Korean Question in International Relations on the Eve of the Annexation of Korea by Japan (1905-1910)]. *Voprosy istorii*, 2, 12–30. (In Russian).
- Ignat'yev A.V. (1989). *S.Yu. Vitte – diplomat* [S.Yu. Witte as a Diplomat]. Moscow. (In Russian).
- Iz arkhiva S.Yu. Vitte. Vospominaniya. Vol. 2. Rukopisnyye zametki* [From the Archive of S.Yu. Witte. Memories. Vol.2. Handwritten Notes]. (2003). Saint-Petersburg. (In Russian).
- Klyuchnikov, Yu.V. & Sabanin, A.V. (1925). *Mezhdunarodnaya politika noveishego vremeni v dogovorakh, notakh i deklaratsiyakh. Ch. I* [Modern international politics in treaties, notes, and declarations. Part I]. Moscow. (In Russian).
- Korostovets, I.Ya. (1923). *Stranitsa iz istorii russkoi diplomatii. Russko-yaponskie peregovory v Portsmute v 1905 g.: dnevnik I.YA. Korostovtsa, sekretarya grafa Vitte* [A Page From

the History of Russian Diplomacy. Russo-Japanese Negotiations in Portsmouth in 1905: Diary of I.Ya. Korostovets, Secretary of Count Witte]. Beijing. (In Russian).

Kutakov, L.N. (1961). *Portsmutskii mirnyi dogovor (Iz istorii otnosheniy Yaponii s Rossiei i SSSR. 1905-1945 gg.)* [Portsmouth Peace Treaty (From the History of Japan's Relations With Russia and the USSR. 1905-1945)]. Moscow. (In Russian).

Lukoyanov, I.V. (2010). *Rossiya na Dal'nem Vostoke* [Russia in the Far East]. Moscow: Rospen. (In Russian).

Ol'denburg, S.S. (2003). *Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II* [Reign of Emperor Nicholas II]. Moscow: Eksmo. (In Russian).

Pak, B.D. (2004). *Rossiya i Koreya* [Russia and Korea]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. (In Russian).

Park Jong-hyo. (1997). *Russko-yaponskaya vojna 1904-1905 gg. i Koreya* [Russo-Japanese War of 1904-1905 and Korea]. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russian).

Perepiska Vil'gel'ma II s Nikolayem II (1894-1914 gg) [Correspondence Between Wilhelm I and Nikolai II (1894-1914)]. (1923). Moscow, Petrograd. (In Russian).

Romanov, B.A. (1947). *Ocherki diplomaticheskoi istorii russko-yaponskoi voiny 1895-1907. Izd.1-2* [Essays on the Diplomatic History of the Russo-Japanese War of 1895-1907. Edition 1-2]. Moscow, Leningrad. (In Russian).

Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami (1856–1917) [Collection of Treaties Between Russia and Other States (1856–1917)]. (1952). Moscow. (In Russian).

Vitte, S.Yu. (1991). *Izbrannye vospominaniya (1889-1904)* [Selected Memoirs (1889-1904)]. Moscow. (In Russian).

* * *

Akagi, R.H. (1936). *Japan's Foreign Relations. 1932–1936. A Short History*. Tokyo.

British documents on the origins of the war. 1898–1914. (1926). Vol. IV. London: H. M. Stat. off.

Dennett, T. (1925). *Roosevelt and the Russo-Japanese War*. New York: Doubleday, Page & Company.

Книжная полкаBook Reviews

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-134-140

**Центральная Азия – особое направление
внешней политики Японии
Рецензия на книгу О.А. Добринской
«Стратегия Японии в Центральной Азии:
политическое, экономическое и культурное измерение»**

Лебедева И.П.

Аннотация. В статье содержится анализ монографии О.А. Добринской «Стратегия Японии в Центральной Азии: политическое, экономическое и культурное измерение» с точки зрения её научного уровня и практической значимости. Даётся оценка вклада автора в изучение данной темы, подчеркивается её научная добросовестность, рассматриваются отдельные наиболее важные положения работы, высказываются некоторые критические замечания.

Ключевые слова: Япония, Центральная Азия, внешняя политика, экономические связи, «мягкая сила».

Автор: Лебедева Ирина Павловна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031 Москва, ул. Рождественка, 12). ORCID: 0000-0003-0273-2689; E-mail: iplebedeva2021@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лебедева И.П. Центральная Азия – особое направление внешней политики Японии. Рецензия на книгу О.А. Добринской «Стратегия Японии в Центральной Азии: политическое, экономическое и культурное измерение» // Японские исследования. 2021. № 4. С. 134–140. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-134-140

**Central Asia as a special direction of Japan's foreign policy
Review of the book by O.A. Dobrinskaya "Japan's Strategy in Central
Asia: Political, Economic, and Cultural Dimensions"**

Lebedeva I.P.

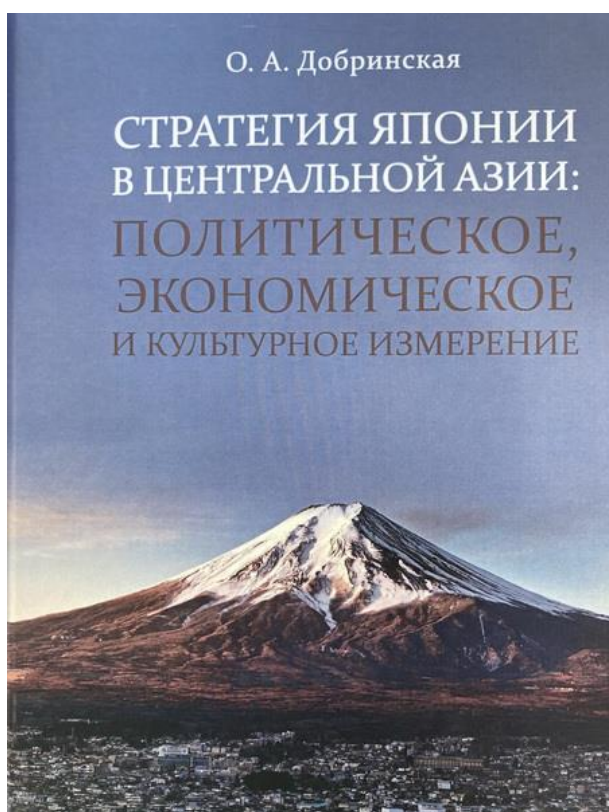
Abstract. The article contains an analysis of *Japan's Strategy in Central Asia: Political, Economic, and Cultural Dimensions*, a monograph by O.A. Dobrinskaya, in terms of its academic level and practical significance. It assesses the author's contribution to the study of this topic, emphasizes her academic thoroughness, considers the most important provisions of the work, and adds some critical remarks.

Keywords: Japan, Central Asia, foreign policy, economic ties, "soft power".

Author: Lebedeva Irina P., Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 107031 Moscow, Rozhdestvenka st., 12). ORCID: 0000-0003-0273-2689; E-mail: iplebedeva2021@mail.ru

Conflict of interests. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Lebedeva I.P. (2021). Tsentral'naya Aziya – osoboye napravleniye vneshney politiki Yaponii. Retsenziya na knigu O.A. Dobrinskoy «Strategiya Yaponii v Tsentral'noy Azii: politicheskoye, ekonomicheskoye i kul'turnoye izmereniye» [Central Asia as a special direction of Japan's foreign policy. Review of the book by O.A. Dobrinskaya "Japan's Strategy in Central Asia: Political, Economic, and Cultural Dimensions"]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2021, 4, 134–140. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-134-140

В 2020 г. Институтом востоковедения РАН была выпущена монография О.А. Добринской «Стратегия Японии в Центральной Азии: политическое, экономическое и культурное измерение» [Добринская]. Центральноазиатское направление внешней политики Японии нечасто попадает в сферу научных интересов российских исследователей, и монография О.А. Добринской удачно восполняет этот пробел.

Монография носит комплексный характер. В ней рассмотрены не только этапы развития политической стратегии Японии в отношении стран Центральной Азии, но и экономические связи, и гуманитарные контакты. Монография настолько насыщена информацией, что в каком-то смысле её можно назвать энциклопедией отношений Японии со странами Центральной Азии.

В целом монографию можно считать большим успехом автора. Книга свидетельствует не только о знании О.А. Добринской теоретических основ современной политологии, хитросплетений мировой политики, специфики японской модели принятия политических решений, но и о её научной добросовестности, которая проявляется в тщательном анализе множества цифр и фактов, почерпнутых из обширного круга самых разнообразных источников.

Представляется, что использованная автором дробная структура монографии, а именно разделение каждой главы на несколько подразделов – весьма удачное решение. Такая структура облегчает восприятие обширного, насыщенного информацией материала, позволяет читателю в случае необходимости обратиться непосредственно к интересующим его темам и проблемам. Более глубокому пониманию исследуемых автором процессов способствует взятый ею на вооружение проблемно-исторический подход, при котором

рассматриваемые проблемы вплетаются в историческую канву, излагаются в хронологической последовательности.

Хотя книга представляет собой научный труд, она написана достаточно лёгким для восприятия языком и поэтому может быть интересна для весьма широкого круга читателей.

Научную планку исследования задаёт Введение. В соответствии с традициями академических работ в нём рассматриваются различные теоретические подходы, применяемые в современной политологии к анализу процессов, подобных тем, которые исследует автор. В нём также отражены точки зрения как отечественных, так и зарубежных специалистов относительно особенностей внешней политики Японии в целом и её стратегии в отношении Центральной Азии – в частности. В то же время логично и последовательно О.А. Добринская излагает собственное видение исследуемых процессов. Она подробно анализирует ситуацию, сложившуюся в этом регионе в результате распада СССР, показывает, какой сложный клубок проблем и противоречий возник здесь вследствие этого тектонического сдвига в геополитическом ландшафте.

Автор указывает на то, что изучение происходящих в Центральной Азии процессов, в частности, политики зарубежных государств в этом регионе, имеет особое значение с точки зрения национальных интересов России. В этом очевидном тезисе заключается практическая значимость монографии О.А. Добринской.

В первой главе монографии рассмотрены основные этапы развития политических отношений между Японией и странами Центральной Азии, начиная с момента их образования в качестве независимых государств. При этом автор вплетает анализ этих отношений в более широкий контекст – в контекст сложного переплетения интересов как ведущих мировых держав, так и региональных государств. Как отмечает автор, на первом этапе ввиду неожиданности и стремительности произошедших на геополитической карте мира перемен у большинства крупных государств отсутствовало чёткое видение стратегии в выстраивании отношений со странами региона. Страны Центральной Азии не представляли тогда особого интереса в качестве самостоятельного и сколько-нибудь значимого субъекта мировой политики, а воспринимались лишь как часть огромного Евразийского пространства, дестабилизация и дезинтеграция которого несла в себе очевидные угрозы безопасности и стабильности для всего мира. Однако сами страны Центральной Азии с момента обретения независимости стали искать собственные пути развития, стремясь занять своё положение и в мировом политическом пространстве. Россия на этом этапе практически отвернулась от этого региона, Китай ещё не был готов к какой-либо активной деятельности здесь. Страны Запада хотя и проявляли некоторый интерес к Центральной Азии, но он был обусловлен, прежде всего, желанием отдалить её от России. Что же касается Японии, то на этом этапе она неожиданно оказалась наиболее активным партнёром центральноазиатских государств.

Отсылая читателя к самой книге, где подробно излагается история начального этапа отношений Японии со странами региона, отметим следующие выделенные автором моменты. Хотя Япония обратила внимание на страны Центральной Азии вследствие распада Советского Союза, тем не менее, с самого начала именно к этим государствам она демонстрировала особое отношение. Они стали для неё площадкой для реализации внешнеполитических инициатив в новых геополитических условиях, для апробации новых возможностей с целью усиления своей роли в мировой политике. При этом, как отмечает автор, эту задачу облегчало то обстоятельство, что отношения Японии с этими странами не

были отягчены территориальными спорами, а кроме того, их сближению способствовал такой фактор, как расовая близость (азиатская идентичность), который японская дипломатия успешно использовала. Успеху японской дипломатии в регионе содействовало и умение Японии строить свои отношения с этими странами с учётом специфики формировавшихся в них режимов, т.е. с учётом их «восточной специфики».

Необычным в отношениях Японии со странами региона стало и то, что на этом этапе её экономические интересы, в частности в плане доступа к энергетическим ресурсам региона, практически не просматривались. И даже помощь по линии ОПР, которая в других регионах обычно «мостила» путь для прихода японского бизнеса, здесь скорее работала на формирование её репутации «бескорыстного партнёра центральноазиатских стран».

Как показано в последующих разделах первой главы, постепенно присутствие Японии в регионе становилось всё более зрелым и разнообразным. При этом автор удачно увязывает анализ этого процесса с рассмотрением изменений, происшедших в отношении к странам региона со стороны западных держав, крупных азиатских государств, прежде всего Китая, а также с ростом внимания к ним России. Особенно заметными стали эти изменения после событий сентября 2001 г., повысивших геополитическую значимость региона в плане обеспечения безопасности и борьбы с терроризмом. Автор справедливо подчёркивает особую роль созданной в 2003 г. структуры «Диалог Центральная Азия – Япония», который вывел присутствие Японии в регионе на качественно новый уровень, превратив её, по сути, в «важного участника формирования дальнейшей судьбы региона». Автор последовательно рассматривает инициативы и проекты, которые Япония предлагала государствам Центральной Азии, в том числе и те, которые она выдвигала с целью сдерживать рост влияния Китая (и в меньшей степени – России), описывает взаимные визиты и встречи лидеров и высших должностных лиц, подчёркивая особую значимость, которая придаётся в азиатских странах налаживанию личных контактов. В этой же главе выделены основные формы сотрудничества между Японией и государствами Центральной Азии, которые более детально рассмотрены в следующих двух главах.

В целом из обширного информационного и аналитического материала первой главы можно сделать следующий вывод. В регионе, где переплелись интересы самых разных игроков, Япония смогла занять свою особую нишу, наладить устойчивые дружественные отношения со странами региона, найти в их лице сторонников тех инициатив, которые она продвигает в международных организациях с целью повысить свою роль в мировой политике. Как отмечает О.А. Добринская, устойчивые отношения с Центральной Азией можно занести в актив японской дипломатии, и материалы первой главы дают веские основания для такого вывода.

Вопросы экономического сотрудничества между Японией и странами Центральной Азии, в общих чертах рассмотренные в первой главе, получают более детальное освещение во второй главе монографии. Отмечая, что в целом экономические связи Японии с регионом выглядят довольно скромно, автор, тем не менее, подчёркивает, что они поступательно развиваются, а её взаимодействие с некоторыми из них приобрело уже довольно зрелый характер. Судя по изложенному в главе материалу, можно сделать вывод, что развитие экономических связей Японии с Центральной Азией в принципе происходит по схеме, которую она лет 30–40 назад использовала применительно к странам Юго-Восточной Азии. На первых этапах решающую роль играет помощь развивающимся странам по линии ОПР,

затем начинается проникновение в регион частного капитала, причём крупные частные проекты обычно осуществляются либо при участии государства, либо под его гарантии, а мелкие и средние предприятия приходят позже, когда бизнес-среда становится более безопасной и комфортной. При этом в Юго-Восточной Азии Япония всячески стремилась содействовать экономической интеграции стран региона с целью расширения внутреннего рынка, а, следовательно – и возможностей для японского бизнеса. Применение этой схемы в Центральной Азии, как отмечает автор, имеет свои особенности. Это географическая удаленность и отсутствие удобных транспортных путей, нестабильная ситуация в соседнем Афганистане, ограниченные размеры внутреннего рынка, недостаточно проработанная правовая база и не слишком благоприятный инвестиционный климат. Как показывает автор, вплоть до последних лет ОПР продолжала играть решающую роль в развитии экономических связей Японии со странами региона, а в наиболее бедных государствах (прежде всего, Таджикистане) она по сути остается единственным каналом таких связей. Как известно, особенностью структуры японской ОПР является преобладание льготных кредитов при крайне незначительной доле грантов. В целом такая структура характерна и для Центральной Азии, хотя из-за значительных различий в уровне экономического развития модели предоставляемой им японской ОПР выглядят по-разному. Так, если Казахстан уже сам стал донором (в 2015 г.), то Таджикистану помощь предоставляется в основном в виде грантов, т.е. на безвозмездной основе. Хотя малый бизнес Японии в Центральную Азию, по сути, так и не пришёл (в отличие от Китая и стран АСЕАН, где действуют тысячи мелких и средних японских фирм), японские крупные компании постепенно осваивают экономическое пространство региона. Автор приводит ряд примеров создания крупными японскими компаниями предприятий в странах региона (в основном в сфере разработки и добычи полезных ископаемых), но отмечает при этом, что объёмы японских инвестиций и взаимной торговли пока ещё выглядят весьма скромно. За исключением Казахстана, отношения с которым можно назвать двусторонним сотрудничеством, с остальными странами экономические связи опираются на помощь Японии по линии ОПР. Кредиты по линии ОПР в основном идут на восстановление и модернизацию объектов транспортной инфраструктуры (аэропортов, мостов, автомобильных и железных дорог), систем водоснабжения, а также на переоснащение и создание объектов энергетической инфраструктуры. Иными словами – на создание базовых условий, необходимых для экономического развития региона, и стимулирование интеграционных процессов.

Много внимания автор уделяет роли государства в налаживании контактов между японским бизнесом и руководством стран региона, отмечая, что с самого начала японское государство стало движущей силой развития экономического взаимодействия, подталкивая и стимулируя частный бизнес к большей активности, инициируя создание разного рода организационных структур. Интерес представляет материал о распределении между крупными японскими компаниями «зон ответственности» за деловые связи с той или иной страной, о роли личных отношений между лидерами японского бизнеса и представителями региональной элиты в развитии сотрудничества и т.д.

Отдельный раздел второй главы посвящен анализу страновых особенностей экономического сотрудничества Японии с Центральной Азией. Здесь получают дальнейшее развитие сюжеты, рассмотренные в общих чертах в предыдущих разделах. Этот раздел изобилует множеством цифр и фактов, отражающих особенности экономического

взаимодействия Японии с каждой из пяти стран, и в целом автору удалось показать, насколько по-разному обстоят дела в различных странах. Нужно отдать должное трудолюбию автора, которой удалось собрать огромный фактологический материал, но на наш взгляд, он присутствует здесь даже в избытке. Что касается цифрового материала, то он вызывает ряд претензий. Когда автор говорит об ОПР или о японских инвестициях, следует указывать, о чём именно идёт речь – о накопленном объёме или о годовом притоке. Небрежно оформлена табл. 2 «Показатели экономического взаимодействия Японии со странами Центральной Азии» (с. 264–265), и это досадно, так как она могла бы быть наглядной иллюстрацией всего того, о чём говорилось в разделе о страновых различиях.

Большой интерес – как исследовательский, так и практический – представляет заключительный раздел второй главы «Взаимодействие с третьими странами: сотрудничество или соперничество». Рассматривая стратегии продвижения на рынки стран Центральной Азии основных игроков – Китая, Индии, Южной Кореи, Турции – и характер взаимодействия Японии с этими странами, автор приходит к следующему выводу. Япония, с одной стороны, стремится более решительно отстаивать свои экономические интересы в регионе (прежде всего, интересы к его энергетическим ресурсам), а с другой – вынуждена искать возможности их сопряжения с интересами других игроков. Автор приводит примеры взаимовыгодного сотрудничества в регионе с наиболее могущественным соперником – Китаем, отмечает трудности в налаживании такого взаимодействия с Южной Кореей, а наиболее удачным примером называет опыт многолетнего сотрудничества Японии с Турцией.

Третья глава монографии посвящена рассмотрению гуманитарных связей Японии со странами региона. Очевидно, что в отличие от экономического сотрудничества успехи японской дипломатии на этом направлении трудно измерить какими-то конкретными показателями. Но по прочтении этой главы создаётся впечатление, что в налаживании гуманитарных контактов со странами региона Япония более чем преуспела. При этом автор подчёркивает, что и в этой области ей приходится конкурировать с Китаем, Россией, азиатскими региональными державами, имеющими здесь и политические, и экономические интересы.

Целью гуманитарного сотрудничества является завоевание симпатий местного населения и элиты для облегчения достижения политических и экономических целей. В Центральной Азии, как и в других регионах, Япония использует для этого свою «мягкую силу». Автор подробно рассматривает инструментарий японской «мягкой силы», приводит множество примеров её успешного применения в странах Центральной Азии. Вполне обоснованно, на наш взгляд, автор включает в инструментарий «мягкой силы» ОПР, предоставляемую в виде грантов и направляемую на решение острых социальных проблем. Успешному наращиванию популярности Японии в Центральной Азии способствует умелое использование японской дипломатией тезиса о культурно-исторической близости между нею и странами региона, фундамент которой был заложен ещё во времена Великого шёлкового пути. Усилия, предпринимаемые на официальном уровне, дополняются активностью японских учёных, деятелей культуры, НПО. В целом население региона доброжелательно и уважительно относится к Японии, воспринимая её как миролюбивое, дружеское государство, обладающее развитой экономикой и высокими технологиями.

Очевидно, что третья глава потребовала от автора больших усилий в плане сбора и обработки огромного массива фактических данных. И хотя с точки зрения изложения материала можно было бы отметить такой недостаток, как повторы некоторых тезисов, в целом глава читается с большим интересом. В ней рассматривается целый ряд сюжетов, которые российским читателям практически неизвестны (например, о японских военнопленных, об истории изучения Центральной Азии в Японии, о японских учёных и деятелях культуры, чьи судьбы оказались неразрывно связаны со странами региона и т.д.).

В Заключении автор суммирует основные выводы, содержащиеся в главах, рассматривает сильные стороны японской дипломатии в Центральной Азии, опираясь на которые, она умело выстраивает свою стратегию в этом регионе. Как заключает автор, «Япония ищет пути ограниченного укрепления своих позиций в регионе в пределах, необходимых для эффективной реализации своих внешнеполитических инициатив и обеспечения экономических интересов, которые не приведут к обострению её отношений с соседями, имеющими жизненно важные интересы в этой точке земного шара».

Завершая рецензию, хочется ещё раз повторить, что О.А. Добринская проделала огромную работу, результатом которой стала интересная, насыщенная самой разнообразной информацией книга, которая охватывает практически все вопросы, связанные с реализацией стратегии Японии в Центральной Азии. Эта книга, помимо научной составляющей, имеет и очевидную практическую значимость, которая ещё больше возросла в свете недавних событий, происшедших в Афганистане. На наш взгляд, она может быть полезна не только российским ученым и дипломатам, но и их коллегам из стран Центральной Азии, а также и из Японии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Добринская О.А. Стратегия Японии в Центральной Азии: политическое, экономическое и культурное измерение / отв. ред. Д.В. Стрельцов. М.: Институт востоковедения РАН. 2020. 416 с. ISBN: 978-5-907384-27-9

REFERENCES

Dobrinskaya, O.A. (2020). *Strategiya Yaponii v Tsentral'noi Azii: politicheskoe, ekonomicheskoe i kul'turnoe izmerenie* [Japan's Strategy in Central Asia: Political, Economic, and Cultural Dimensions]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).

Библиографический перечень публикаций в журнале «Японские исследования» за 2021 год

- Borisova A.A.** The influence of the ICT on relationships in the family of modern Japanese (based on the Japanese students' survey) // Японские исследования. 2021. № 2. С. 44–60. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-44-60 (На англ.).
- Zhilina L.V.** Defeating isolation in the pandemic and post pandemic new dispensation: The case study of Russia and Japan in Higher Education // Японские исследования. 2021. № 4. С. 79–93. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-79-93 (На англ.).
- Авилов Р.С.** Опыт работы русской финансовой разведки в Японии (по материалам поездки Л.В. фон Гойера в 1909 г.) // Японские исследования. 2021. № 1. С. 25–48. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-25-48
- Бабкова М.В., Коляда М.С., Трубникова Н.Н.** Многообразие буддийских путей в «Собрании стародавних повестей» // Японские исследования. 2021. № 1. С. 49–63. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-49-63
- Белов А.В.** Предварительные итоги «тихой» олимпиады в Токио // Японские исследования. 2021. № 4. С. 62–78. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-62-78
- Борькина А.Ю.** «Культура игры» в нарративных стратегиях «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» Дзиппэнся Икку // Японские исследования. 2021. № 3. С. 6–18. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-6-18
- Дацышен В.Г.** Япония и российское правительство А.В. Колчака. К проблеме современного отношения к японской интервенции в Сибири // Японские исследования. 2021. № 1. С. 121–140. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-121-140
- Дегтев И.А.** Япония в оценках советского руководства и дипломатов 1940–1945 гг. (по материалам Архива внешней политики Российской Федерации) // Японские исследования. 2021. № 4. С. 34–47. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-34-47
- Дёмина Я.В., Мазитова М.Г.** Пандемия COVID-19 и её влияние на экономику Японии // Японские исследования. 2021. № 3. С. 57–75. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-57-75
- Добринская О.А.** Теоретические подходы к международным отношениям в Японии // Японские исследования. 2021. № 2. С. 92–109. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-92-109
- Дьячков И.В.** Взаимные исторические претензии КНДР и Японии // Японские исследования. 2021. № 2. С. 78–91. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-78-91
- Кистанов В.О.** Новые интеграционные проекты в АТР и Япония // Японские исследования. 2021. № 3. С. 76–89. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-76-89

- Колдунова Е.В.** Феномен трансформации отношений Японии и стран Юго-Восточной Азии во второй половине XX – начале XXI в.: опыт для России // Японские исследования. 2021. № 3. С. 102–116. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-102-116
- Корнеев К.А.** Япония и страны-члены ШОС: новые контуры энергетического сотрудничества // Японские исследования. 2021. № 4. С. 48–61. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-48-61
- Лебедева И.П.** *Вименомика*: достижения и проблемы // Японские исследования. 2021. № 1. С. 101–120. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-101-120
- Лебедева И.П.** Центральная Азия – особое направление внешней политики Японии. Рецензия на книгу О.А. Добринской «Стратегия Японии в Центральной Азии: политическое, экономическое и культурное измерение» // Японские исследования. 2021. № 4. С. 113–119. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-113-119
- Лексютина Я.В.** Злонамеренное использование дипфейков: риски информационно-психологической безопасности Японии // Японские исследования. 2021. № 3. С. 90–101. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-90-101
- Лугавцова А.П.** «Монахи О:баку» в истории формирования учения О:баку в период Эдо (1603–1868) // Японские исследования. 2021. № 2. С. 127–139. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-127-139
- Лукин А.Л., Губин А.В.** Стратегический треугольник России, Китая и Японии: история, современность и возможное будущее // Японские исследования. 2021. № 4. С. 94–112. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-94-112
- Мещеряков А.Н.** Демографический взрыв в Японии периода Мэйдзи // Японские исследования. 2021. № 1. С. 80–100. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-80-100
- Муратшина К.Г., Бусыгина Д.В.** Развитие гуманитарных областей партнёрства Евросоюза с Японией: здравоохранение, образование, наука, культура, защита окружающей среды // Японские исследования. 2021. № 3. С. 40–56. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-40-56
- Пак Б.Б.** Корейский вопрос на Портсмутской мирной конференции // Японские исследования. 2021. № 4. С. 113–133. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-113-133
- Пестушко Ю.С., Пестушко Н.А., Русская Д.С., Бирюкова Ю.Н.** Сборник девизов японского народа – «ключ к разумению души и сердца» японцев или концентрированное выражение национализма? // Японские исследования. 2021. № 3. С. 19–39. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-19-39
- Подоба З.С.** Энергетическая стратегия и переход к зелёной энергетике в Японии // Японские исследования. 2021. № 1. С. 6–24. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-6-24
- Пужаев В.В., Романовская В.Б.** Гюстав Буассонад де Фонтараби и идея естественного права в Японии в эпоху Мэйдзи // Японские исследования. 2021. № 4. С. 6–33. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-6-33
- Садокова А.Р.** Время рассказывать сказки: традиция исполнения фольклорных текстов в Японии // Японские исследования. 2021. № 2. С. 61–77. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-61-77
- Симонова-Гудзенко Е.К.** Древняя Япония: исследования, переводы, гипотезы. Рецензия на двухтомное издание Л.М. Ермаковой «Когда раскрылись Небо и Земля» // Японские исследования. № 3. С. 117–126. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-117-126

- Стрельцов Д.В.** Российское направление политики Японии в Арктике // Японские исследования. 2021. № 2. С. 110–126. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-110-126
- Тимонина И.Л.** Гастродипломатия Японии: экономические эффекты // Японские исследования. 2021. № 2. С. 6–25. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-6-25
- Толстогузов С.А.** Рай Санъё и «Нихон гайси» // Японские исследования. 2021. № 2. С. 26–43. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-26-43
- Фёдорова А.А.** Волшебный фонарь, кинематограф и их японские имена // Японские исследования. 2021. № 1. С. 64–79. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-64-79
- Щепкин В.В.** Зеркало российского японоведения. Рецензия на книгу Л.М. Ермаковой «Российско-японские отражения: история, литература, искусство» // Японские исследования. 2021. № 1. С. 141–146. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-141-146

The bibliographic list of publications in “Japanese Studies in Russia” for 2021

- Avilov R.S. (2021). Opyt raboty russkoy finansovoy razvedki v Yaponii (po materialam poyezdki L.V. fon Goyera v 1909 g.) [The experience of the work of Russian financial intelligence in Japan (based on the materials of a visit of Lev V. von Goyer in 1909)]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 1, 25–48. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-25-48
- Babkova M.V., Kolyada M.S., Trubnikova N.N. (2021). Mnogoobraziye buddiyskikh putey v “Sobranii starodavnikh povestey” [The variety of Buddhist paths in *Konjaku Monogatari-shū*]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 1, 49–63. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-49-63
- Belov A.V. (2021). Predvaritel’nyye itogi «tikhoi» olimpiady v Tokio [«Quiet» Olympics in Tokyo and its preliminary results]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 4, 62–78. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-62-78
- Borisova A.A. (2021). The influence of the ICT on relationships in the family of modern Japanese (based on the Japanese students’ survey). *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 2, 44–60. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-44-60
- Borkina A.Yu. (2021). «Kul’tura igry» v narrativnykh strategiyyakh «To:kaydo:tyu: khidzakurig-e» Dzippensya Ikku [The “culture of play” in the narrative strategies of “Tōkaidōchū Hizakurige” by Jippensha Ikku]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 3, 6–18. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-6-18
- Datsyshen V.G. (2021). Yaponiya i rossiyskoye pravitel’sstvo A.V. Kolchaka. K probleme sovremennogo otnosheniya k yaponskoy interventsii v Sibiri [Japan and the Russian government of A.V. Kolchak. On the issue of the contemporary evaluation of the Japanese intervention in Siberia]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 1, 121–140. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-121-140
- Degtev I.A. (2021). Yaponiya v otsenkakh sovetskogo rukovodstva i diplomatov 1940–1945 gg. (po materialam Arkhiva vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii) [Japan in the evaluations of the Soviet leadership and diplomats in 1940–1945 (Based on the materials of the Foreign Policy Archive of the Russian Federation)]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 4, 34–47. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-34-47
- Dobrinskaya O.A. (2021). Teoreticheskiye podkhody k mezhdunarodnym otnosheniyam v Yaponii [Theoretical approaches to international relations in Japan]. *Yaponskiye issledovaniya*

- [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 2, 92–109. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-92-109
- Dyachkov I.V. (2021). Vzaimnye istoricheskie pretenzii KNDR i Yaponii [Mutual historical accusations between the DPRK and Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 2, 78–91. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-78-91
- Dyomina Ya.V., Mazitova M.G. (2021). Pandemiya COVID-19 i eyo vliyaniye na ekonomiku Yaponii [The COVID-19 pandemic and its impact on the Japanese economy]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 3, 57–75. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-57-75
- Fedorova A.A. (2021). Volshebnyy fonar', kinematograf i ikh yaponskiye imena [Magic lantern, cinema, and their Japanese names]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 1, 64–79. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-64-79
- Kistanov V.O. (2021). Novyye integratsionnyye proyekty v ATR i Yaponiya [New integration projects in the Asia-Pacific region and Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 3, 76–89. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-76-89
- Koldunova E.V. (2021). Fenomen transformatsii otnosheniy Yaponii i stran Yugo-Vostochnoy Azii vo vtoroy polovine XX – nachale XXI v.: opyt dlya Rossii [Transformation of Japan's relations with Southeast Asia in the second half of the 20th – early 21st century: Russia, take note]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 3, 102–116. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-102-116
- Korneev K.A. (2021). Yaponiya i strany-chleny ShOS: novyye kontury energeticheskogo sotrudnichestva [Japan and the SCO member states: New shapes of energy cooperation]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 4, 48–61. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-48-61
- Lebedeva I.P. (2021). Tsentral'naya Aziya – osoboye napravleniye vneshney politiki Yaponii. Retsenziya na knigu O.A. Dobrinskoy «Strategiya Yaponii v Tsentral'noy Azii: politicheskoye, ekonomicheskoye i kul'turnoye izmereniye» [Central Asia as a special direction of Japan's foreign policy. Review of the book by O.A. Dobrinskaya “*Japan's Strategy in Central Asia: Political, Economic, and Cultural Dimensions*”]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 4, 113–119. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-113-119
- Lebedeva I.P. *Vimenomika: dostizheniya i problemy* [Womenomics: achievements and problems]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 1, 101–120. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-134-140
- Leksyutina Ya.V. (2021). Zlonamerennoye ispol'zovaniye dipfeykov: riski informatsionno-psikhologicheskoy bezopasnosti Yaponii [Malicious use of deepfakes: Risks for Japan's information and psychological security]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 3, 90–101. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-90-101
- Lugavtsova A.P. (2021). «Monahi O:baku» v istorii formirovaniya ucheniya O:baku v period Edo (1603–1868) [“Ōbaku monks” in the history of the formation of the Ōbaku sect in Japan during the Edo period (1603–1868)]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 2, 127–139. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-127-139
- Lukin A.L., Gubin A.V. (2021). Strategicheskiy treugol'nik Rossii, Kitaya i Yaponii: istoriya, sovremennost' i vozmozhnoye budushcheye [The strategic triangle of Russia, China and

- Japan: History, present, and possible future]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 4, 94–112. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-94-112
- Meshcheryakov A.N. (2021). Demograficheskiy vzryv v Yaponii perioda Meydzi [Demographic explosion in Meiji Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 1, 80–100. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-80-100
- Muratshina K.G., Busygina D.V. (2021). Razvitiye gumanitarnykh oblastey partnyorstva Evrosoyuza s Yaponiyey: zdravookhraneniye, obrazovaniye, nauka, kul'tura, zashchita okruzhayushchey sredy [EU – Japan cooperation in humanitarian areas: Healthcare, education, science, culture, environmental protection]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 3, 40–56. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-40-56
- Pak B.B. (2021). Koreyskiy vopros na Portsmutskoy mirnoy konferentsii [The Korean issue at the Portsmouth Peace Conference]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 4, 113–133. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-113-133
- Pestushko Yu.S., Pestushko N.A., Russkaya D.S., Biryukova Yu.N. (2021). Sbornik devizov yaponskogo naroda – «klyuch k razumeniyu dushi i serdtsa» yaponsev ili kontsentrirovannoye vyrazheniye natsionalizma? [The collection of mottos of the Japanese nation – “The key to understanding its heart and soul” or a concentrated expression of nationalism?]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 3, 19–39. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-19-39
- Podoba Z.S. (2021). Energeticheskaya strategiya i perekhod k zelyonoy energetike v Yaponii [Energy strategy and transition to green energy in Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 1, 6–24. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-6-24
- Puzhaev V.V., Romanovskaya V.B. (2021). Gyustav Buassonad de Fontarabi i ideya estestvennogo prava v Yaponii v epokhu Meydzi [Gustave Boissonade de Fontarabie and the idea of natural law in Japan in the Meiji era]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 4, 6–33. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-6-33
- Sadokova A.R. (2021). Vremya rasskazyvat' skazki: tradiciya ispolneniya fol'klornykh tekstov v Yaponii [It's story time: the tradition of presenting folklore texts in Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 2, 61–77. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-61-77
- Shchepkin V.V. (2021). Zerkalo rossiyskogo yaponovedeniya. Retsenziya na knigu L.M. Ermakovoy «Rossiysko-yaponskiye otrazheniya: istoriya, literatura, iskusstvo» [A mirror of Japanese studies in Russia. Review of the book “Russian-Japanese Reflections: History, Literature, Arts” by Liudmila M. Ermakova]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 1, 141–146. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-141-146
- Simonova-Gudzenko E.K. (2021). Drevnyaya Yaponiya: issledovaniya, perevody, gipotezy. Retsenziya na dvukhtomnoye izdaniye L.M. Ermakovoy «Kogda raskrylis' Nebo i Zemlya» [Ancient Japan: Research, translations, hypotheses. Review of the book in two volumes “When Heaven and Earth Opened” by L.M. Ermakova]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 3, 117–126. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-117-126
- Streltsov D.V. (2021). Rossiyskoye napravleniye politiki Yaponii v Arktike [The Russian vector of Japan's policy in the Arctic]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 2, 110–126. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-110-126

- Timonina I.L. (2021). Gastrodiplomatiya Yaponii: ekonomicheskiye efekty [Japan's gastrodiplomacy: economic effects]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*]. 2021, 2, 6–25. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-6-25
- Tolstoguzov S.A. (2021). Ray San'yo i «Nikhon gaysi» [Rai San'yō and *Nihon Gaishi*]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 2, 26–43. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-26–43
- Zhilina L.V. (2021). Preodoleniye izolyatsii v usloviyakh pandemii i postpandemii: na primere Rossii i Yaponii v sfere vysshego obrazovaniya [Defeating isolation in the pandemic and post pandemic new dispensation: The case study of Russia and Japan in Higher Education]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*]. 2021, 4, 79–93. (In English). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-79-93

Научное издание

Японские исследования
№ 4, 2021

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Редактор:	Е.М. Скворцова
Технический редактор:	О.И. Казаков
Дата публикации:	25.12.2021

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru

Scientific edition

Japanese Studies in Russia
No. 4, 2021

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Editor:	E.M. Skvortsova
Layout:	O.I. Kazakov
Date of issue:	25 December 2021

Contacts:

- *Address:* Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation.
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru

www.japanjournal.ru

日
本
研
究